
Е.Г.КИСЕЛЕВА
МОСКОВСКИЕ
ДРУЗЬЯ
КНИГИ

Памяти
Виктора Михайловича
Лобанова

Е. Г. КИСЕЛЕВА

МОСКОВСКИЕ ДРУЗЬЯ КНИГИ

МОСКВА, «КНИГА», 1978

002
К 44

Московских друзей книги не счесть. И всякий интересен по-своему. Но можно ли рассказать о каждом? Здесь речь о немногих, кого довелось встречать, видеть — одних часто, других реже. И. С. Остроухова не пришлось ни знать, ни видеть.

Книга стала возможной благодаря Виктору Михайловичу Лобанову. Человек большой культуры, глубоких знаний, он сумел сохранить традиции дома тестя своего — известного москвича Владимира Алексеевича Гиляровского. «Столешники дяди Гиляя» и после смерти хозяина продолжали жить. Сюда, как и прежде, приходили друзья Гиляровского вместе с новыми друзьями Лобанова. Среди последних немало было почитателей и собирателей книг. Здесь и довелось их встретить автору.

Е. Киселева

К $\frac{61001\text{-}034}{002(01)\text{-}78}$ 1-78

К. Г. ПАУСТОВСКИЙ

Книгу Константин Георгиевич брал в руки осторожно и ласково. Поднимал ее на ладони близко к глазам и, отложив очки на стол или подняв их на лоб, начинал чтение.

Книги. С ними пришло счастье. Принесенные из библиотек, потрепанные долгой жизнью, они рождали и поддерживали молодые восторги, открывали неведомый мир далеких стран, наполняли сердце музыкой чудесных созвучий, мыслей. Без этих милых друзей жизнь была просто немыслима.

Своя библиотека могла быть и не быть. Но книги, книги были всегда. Могло не быть хлеба, можно было жить и даже неплохо себя чувствовать, испытывая легкий голод, но жить без книги... Нет, это было невозможно.

«Истинное счастье — прежде всего удел знающих, а не невежд»,— писал Паустовский в предисловии к своему шеститомному собранию сочинений. «Невежество, — продолжает он,— делает человека равнодушным к миру, а равнодушие растет медленно, но необратимо... Жизнь в сознании равнодушного быстро вянет, сереет, огромные пласты ее отмирают и в конце концов равнодушный человек остается наедине со своим невежеством и своим жалким благополучием».

Чуть хриповатый, неторопливый голос Паустовского звучал тихо, но не равнодушно. Его рассказы были захватывающе интересны, и сам он, даже когда груз лет стал значительным, не терял ни к чему интереса, не становился равнодушным. В последние годы жизни, как и в ранней молодости, ненасытный интерес к жизни удовлетворяли книги. В молодости — оттого, что не настала пора вдохнуть свежий ветер далеких и близких путешествий, затем — не было сил преодолевать дороги и пространства. Но и когда Паустовский бродил по России, забирался в самые отдаленные и глухие заросли Мещеры, северные просторы или еще пустые южные берега Черного моря — книга неизменно шла с ним.

Те, кто последние два десятилетия жизни Константина Георгиевича были рядом, удивлялись, как мог он уследить за буйным потоком романов, повестей, рассказов, несущимся с неудержимой силой по страницам больших и малых периодических изданий. Он читал все, что появлялось в печати, читал внимательно. И не было случая, чтобы он пропустил мимо не-

заслуженную хулу или чрезмерную похвалу только что опубликованной вещи. Слушая его, оставалось только удивляться: когда же он успел прочесть..?

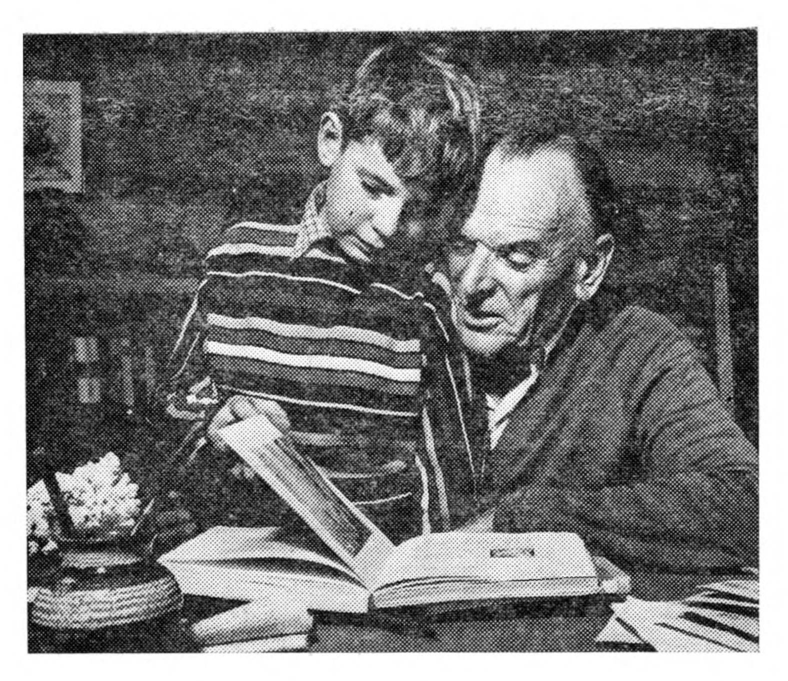
Книга. Всего пять букв. Для каждого в ней свой смысл. Паустовский, создавший не одну книгу, знал ее настоящее значение.

Быть может, два жизненных явления были особенно близки и дороги Паустовскому — это книги и путешествия, путешествия и книги.

Они шли в жизни писателя рядом, составляя неотъемлемую часть ее, без них немыслима была его работа, которую он любил больше всего на свете, они помогали ему в ней, надежные и верные друзья, они приносили «истинное счастье».

Последняя квартира Паустовского в Москве была в высотном здании на Котельнической набережной. Она начиналась с прихожей, превращенной в столовую его женой, обладающей удивительной изобретательностью и умением создать вокруг красоту и уют. Небольшая, совсем небольшая комната, интерьер которой составляли всего две вещи, два предмета: справа при входе — стол эллипсообразной формы, а слева — книжный шкаф. За столом могло поместиться девять человек, если их усадить тесным рядком. Книжный шкаф петровских времен был куплен Константином Георгиевичем в Ленинграде в ту самую поездку, когда он, наконец, нашел на Пряжке дом Александра Блока. Тогда с Ленинграда началось путешествие Паустовского, которое закончилось всем знакомым очерком «Ветер странствий». Своей покупкой Константин Георгиевич гордился, шкаф действительно красив — черный с крупной резьбой — и необычен для наших московских квартир. Паустовский называл его «Петр». Шкаф был красив, но не вместителен, и скоро на него водрузили книжную полку, сквозь стекла которой виднелось собрание сочинений А. М. Горького.

На стене, над столом, организовалась небольшая картинная галерея. Центр этой малой экспозиции составляли вещи, купленные Константином Георгиевичем. Они попали в дом не потому, что были написаны знаменитым художником, нет. Просто зашел как-то Паустовский в магазин, ему понравился «Женский портрет», и он его купил. Некоторые знатоки определяли его как портрет работы Судейкина, но точной атрибуцией никто не занимался, он нравился Константину Георгиевичу, этого было вполне достаточно. Висит здесь еще «Старый Псков» В. В. Переплетчикова. Как сказка, возникает на полотне старинный город, звеня маковками церквей. Вся красота города, видимо, не могла вместиться на полотне, и художник восполнил ее радостным многообразием красок. Из этой небольшой прихожей-столовой можно было попасть в кабинет Константина Георгиевича. Он начинался с книжного шкафа и книжных стеллажей. Закрытый ореховый шкаф. Верхняя часть его заполнялась книгами самого Константина Георгиеви-

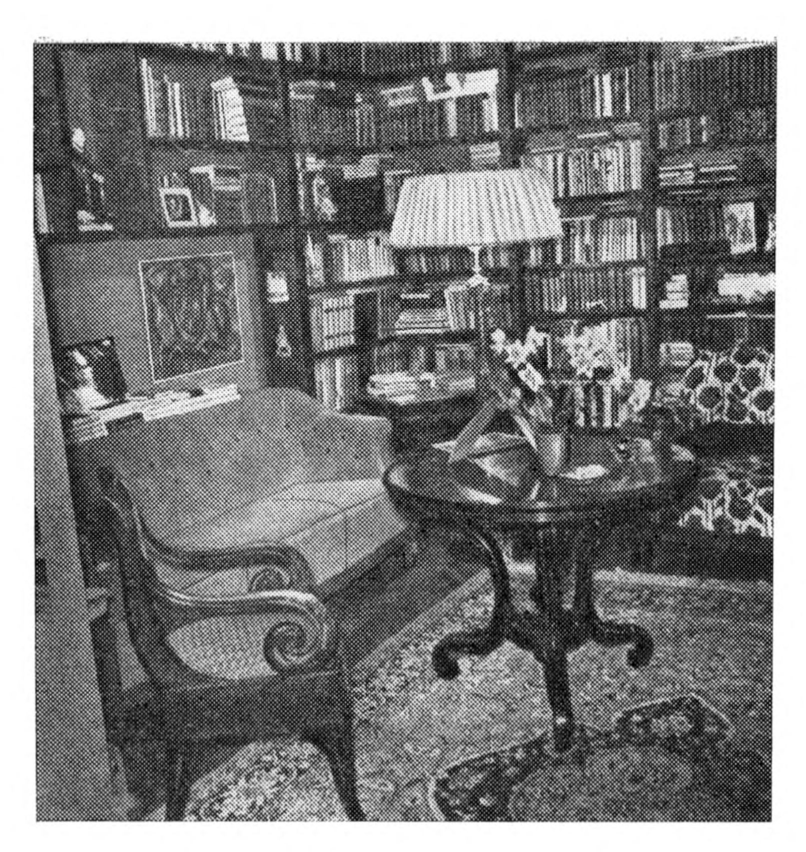

К. Г. Паустовский

ча, изданными на родине и в других странах. Нижняя — рукописями этих книг. Шкаф стоял налево от входа в кабинет. Направо — открытые книжные стеллажи. Вдоль них — диван. Там, где у двери начинались книжные стеллажи,— мягкое кресло, между диваном и креслом — небольшой круглый стол, всегда заваленный новыми, еще не успевшими найти себе места книгами. Сидя то на диване, то в кресле, и читал в основном Константин Георгиевич. На стеллажах было две особые полки: одна, как раз над диваном, вмещала большую серию «Библиотеки поэта», другая — рядом с креслом — светилась разноцветными корешками малой. Обе серии окружались множеством поэтических сборников, поэзия должна была быть всегда близко от Константина Георгиевича.

Эту часть кабинета Паустовского отделяла от другой решетчатая белая арка. За ней стояло бюро — рабочее место Константина Георгиевича. Здесь были им написаны любимые читателями «Сказочник», «Корзина с еловыми шишками»... перечислить все невозможно.

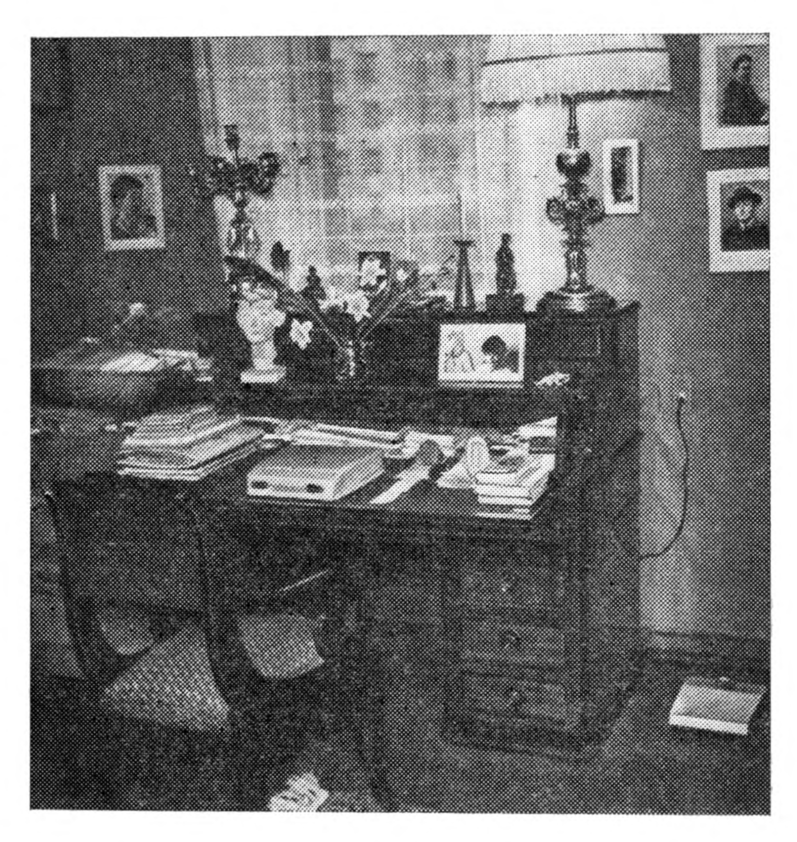
Над бюро справа — три фотографии: Бунин, Чехов и Блок. Слева от бюро — подаренный Н. М. Ромадиным пейзаж «Солотча» (Константин Георгиевич много лет жил в Солотче). Над пейзажем — охотничья сумка Бунина — дорогая реликвия,

Интерьер кабинета К. Г. Паустовского

вещь высоко чтимого Паустовским Ивана Бунина. Ее подарили Константину Георгиевичу его французские читатели. Чуть ниже сумки — морской бинокль. Паустовский любил бинокли, а в Тарусе всегда висела у него над столом еще и подзорная труба. Над бюро, в простенке меж двух окон — картина опять неизвестного художника и тоже как-то купленная Константином Георгиевичем. Художник не подписал этюда, но от этого он не стал хуже. Изображен кусочек моря с кораблями и лодками, словом, гавань, наверное, южная. Радостный вид синего моря и реи кораблей манили в дорогу, к неизведанным далям.

Только крохотный кусочек бюро был у Константина Георгиевича свободен. На нем стояла машинка. Справа от нее громоздились книги, слева от бюро и на стуле рядом, даже на полу гора папок — это чужие рукописи, постоянно присылаемые Константину Георгиевичу известными ему авторами и неведо-

Рабочее место К. Г. Паустовского

мыми. Он буквально тонул в чужих папках, письмах читателей, не говоря об ответах; чтобы прочесть их, нужна была, наверное, еще одна жизнь. На самом верху чужих папок лежала его — с работой. Константин Георгиевич начинал трудиться рано-рано утром, когда в доме еще спали, с шести, а то с пяти часов тихо поскрипывало его перо. В доме шли самые тихие, свободные от множества посещений часы, самое удобное для работы время. Писал Константин Георгиевич первый вариант от руки, а когда поднимались в доме, написанное переводил на машинку. Он спешил перевести рукопись на машинку потому, что спустя некоторое время мог не разобрать своей руки — слишком торопился работая, не успевал записать все четко и разборчиво, появлялись сокращения, пропуски букв, неясное их написание. Так проходило раннее и более позднее утро. А потом? А потом, если он не уезжал из дома, он читал.

Дома Паустовский был постоянно с книгой. Он закрывал ее, чтобы ответить на обращенный к нему вопрос, откладывал, чтобы пойти обедать, убирал на полку, чтобы уехать куда-то, а возвратившись, тотчас же брал ее в руки. С ней был его отдых, его тишина, его раздумье, его радость, его работа.

Как часто, когда рука уставала и, казалось, иссякла, истощилась возможность продолжать, ушли сразу все слова и нечего больше сказать, нет сил говорить — открывалась страница книги, иногда взятой наугад, иногда специально отысканной, и возникали мысли и образы, созданные Блоком, Пушкиным, Ахматовой или Буниным... Какое-то время с ними вместе, только с ними, и снова свежа голова, есть сила, и рука едва успевает за бегущей вперед мыслью. Страница за страницей ложатся на стол, чтобы вылиться в «Стальное колечко», «Виллу Боргезе» или еще во что-либо...

Книги библиотеки Паустовского. Книги, которые он покупал, которые ставились им на полки, где они, что с ними и что это были за книги?

К сожалению, целиком о библиотеке Паустовского говорить нельзя. Жизнь Константина Георгиевича сложилась так, что он трижды заново составлял ее. Потеряв дважды, он в третий раз не собирал библиотеки с былым упорством, и все же она существует. В третий раз он собирал книги, когда выпадало свободное время или помогал случай. Слишком много работал он. В последние годы жизни Паустовский дорожил каждой минутой, каждым свободным от суеты днем, он стремился успеть больше сделать, и это желание побеждало все остальные.

Собирая в третий раз книги, Паустовский и не хранил их, как раньше. Прочтенная им с интересом книга тут же попадала в руки знакомых. Ему хотелось, чтоб и другой пережил столько же приятных минут, сколько выпало на его долю, пока он читал. Отдавал и не вспоминал, так и шла она в путь, сопровождаемая историей своего путешествия и отправленная в него легкой рукой Паустовского.

Но при этом были, конечно, книги, которые Константин Георгиевич хотел постоянно видеть у себя, с которыми не хотел расставаться, ценил их и хранил, и были такие, которые он хотел бы иметь, но время их ушло, в магазинах они не попадались, тут выручали друзья.

По природе своей Паустовский не был страстным библиофилом, способным месяцы и даже годы искать в магазинах интересующие его издания или составлять библиотеку с определенным профилем и в этом найти свое счастье. Но он и не был лишен подобных чувств.

Московская квартира на Котельнической набережной и дом в Тарусе — последние два жизненных приюта Константина Георгиевича — действительно не стали свидетелями его библиофильских увлечений. Но в более молодые годы им была отдана дань.

Ежедневно в течение нескольких лет — конец 20-х — начало 30-х годов — собирались по вечерам на квартире супругов Фраерман, объединенные дружескими отношениями, литературными интересами, радушием и гостеприимством хозяев и, в первую очередь, хозяйки—Валентины Сергеевны Фраерман, А. Гайдар, А. Роскин, М. Лоскутов, И. Халтурин и К. Паустовский. Участники этих литературных собраний именно Константину Георгиевичу поручали снабжение их вечеров книгами.

В те годы Паустовский охотно бывал на московских книжных развалах, в букинистических магазинах. И не только для того, чтобы отыскать нужную книгу — он отправлялся в походы за «нечаянной радостью». Отыскивая одну, нужную, находил другую, а власть книги такова, что хотелось посмотреть и ту, и другую, и третью. Это было своеобразное путешествие, путешествие в мир знаний, красоты, человеческой изобретательности, в мир, который открывал множество прекрасных дорог, и хотя своя давно была выбрана и определилась, путешествие по другим доставляло не меньше радости. А сколько здесь было поэзии. Тихий шелест перевернутых страниц, необъяснимый, трудно определяемый аромат пожелтевшей от времени бумаги, переплеты, то роскошно пышные, то скромные и простые, а главное — бездна чудесных открытий для себя и для других.

Литературные встречи у Фраерманов от этих путешествий Паустовского много выигрывали. На вечерах принимались книги, которые его просили найти для чтения, и те, о которых не просили, а порой и не знали. И сколько горячих, искренних споров, восторгов рождало общее чтение этих книг, добытых в библиофильских путешествиях Паустовского.

«Моя писательская жизнь началась с желания все знать, все видеть и путешествовать... очевидно, на этом она и окончится»,— писал Паустовский.

Путешествия. Даже, когда он не в состоянии был их осуществлять, «ветер странствий» манил его своей свежестью, ни с чем не сравнимым обновлением сил, и Константин Георгиевич забывал многое, если речь заходила о новых местах:

— Кириллов, Ферапонтов, Шексна, мне так и не удалось туда попасть, а мечтал я об этом Севере,— можно было от него услышать, и при этом сам он готов был слушать и о Шексне, и о Ферапонтове, и о Кириллове, и о Каменном Спасе на Кубинском озере, и о дивной дороге от Кириллова к Белозерску.

Путешествия в его жизни были так же необходимы, как книги, они дополняли друг друга, без них немыслима была работа. «Первая же белая ночь над Невой дала мне больше для познания русской поэзии, чем десятки книг и многие часы размышлений над ними»,— пишет Паустовский. Но эти десятки книг были прочтены, не прошли бесследно и размышления над ними.

Желание все знать и все видеть не покидало Константина Георгиевича даже в последние трудные десять лет, когда болезнь почти не отпускала. Как помогали тогда жить книги!

Книги о путешествиях и путешественниках он собирал постоянно, покупал везде и всегда. На книжных полках его библиотеки стоят, конечно, и Г. Стэнли «В дебрях Африки» в нескольких различных изданиях, и Ч. Дарвин «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле „Бигль"», и С. Крашенинников «Описание земли Камчатки», «История географических открытий и исследований» Д. Бейкера, «Курильское ожерелье» Ю. К. Ефремова, «Три путешествия» Я. Я. Стрейса, голландского путешественника XVII в., и множество других, словом, большая библиотека путешествий и географических открытий, рассчитанных на широкого читателя. Но есть и книги, изданные малым тиражом, рассчитанные на специалистов, скажем «Соединенные Штаты Америки», «Испания 1808—1917 гг.» И. М. Майского, «Франция. Экономическая и социальная география» П. Жоржа, «Атлантика» И. Ф. Жизнева и еще книги и книги о странах мира: Голландии, Австралии, Аргентине, Индии, Японии, Кении, Эквадоре и других.

Константин Георгиевич слабо говорил только по-французски и совсем не знал сербохорватского языка. Тем не менее купил морскую энциклопедию, вышедшую в Загребе. Часами просиживал он с ней, страница за страницей одолевая текст, рассматривая воспроизведенные в ней образцы парусных кораблей, современных, умудрялся разбирать, не зная языка, статьи о морских путях, течениях, о путешественниках и путешествиях, о бурях и штилях на море, о жизни под водой, рыбах и коралловых островах, морских глубинах. Видимо, не случайно в «Мимолетном Париже» тот первый букинист, около которого остановился на берегу Сены Паустовский, оказался любителем географии. А самого Паустовского пленяют у него первым делом «...дряхлые географические карты». Паустовский рассматривал их и — «...как будто бы был даже слышен усыпляющий запах незнакомых плодов. Удлиненные глаза островитянок казались туманными от лазоревых воздушных потоков». Здесь, стоя на набережной Сены у знаменитых парижских букинистов, он первым делом перелистывает книгу о парусных кораблях, смотрит альбомы о пароходах.

В библиотеке Константина Георгиевича было два географических атласа мира. Один — большой — всегда оставался в московской квартире, другой — поменьше, но более любимый,— он увез в Тарусу. И тот, и другой наполнены отметками, замечаниями, путевыми маршрутами, внесенными в них рукой Паустовского. Сидя у себя дома в Москве или в Тарусе, он совершал по этим атласам множество путешествий, бороздил никогда им не виденные моря, ходил по неведомым дорогам, блуждал по незнакомым городам и странам, совершал восхождения по крутым и безлюдным тропам горных массивов.

Это занятие не было путешествием фантаста. Отправляясь в него, Паустовский заранее знал, какие он встретит на пути в море острова, кто на них живет и какая характерна для них растительность, животный мир, пустынны ли берега острова или каждый корабль здесь ожидается с нетерпением и радостью, а может, с тревогой и беспокойством. А как знал Константин Георгиевич большие и малые города Европы! Найдется ли в Европе писатель, который бы с такой тонкостью, наблюдательностью и любовью знал города России? О том, как знал Паустовский среднюю полосу, ее селения, деревни, людей, и говорить нечего. Однажды знакомый художник-график отправлялся во Францию на автомобиле. Путь его лежал через множество больших и малых городов Европы и кончался в Париже. Константин Георгиевич был нездоров. Перед отъездом художник зашел к Паустовскому. Несколько часов Константин Георгиевич рассказывал о предстоящем путешествии как человек, не раз проехавший по этому пути, говорил о дорогах, идущих среди полей и холмистых возвышенностей, о реках и озерах, которые встретятся на пути, о городах, которые придется пересечь. Самым удивительным было описание городов. Паустовский в большинстве из них никогда не бывал, но сколько подробностей знал он о каждом. Чем замечателен один, и как будет выглядеть улица, по которой придется въехать в город, где они полны каштанов, а где тополей, где улицы многолюдны и прямы и где они таинственно плутают среди домов, увитых диким виноградом и покрытых красной черепицей. Рассказ был ярок, но вызывал некоторое недоверие. И что же? Попадая затем в эти места, художник находил все, о чем рассказывал Паустовский, и не переставал дивиться...

Последняя библиотека Константина Георгиевича... Она не представляет собою собрания, по которому можно было бы судить в целом о пристрастиях ее хозяина, ибо рядом с книгами, поставленными на полки его рукой, ставились и те, что дарились Константину Георгиевичу. Сюда же попадали и книги, приобретаемые членами его семьи и присылаемые в подарок из далеко или близко лежащих от России стран. И все же она рассказывает.

Константин Георгиевич не хранил книг с автографами, за исключением книг близких и дорогих друзей: Виктора Шкловского, Валентина Каверина, Фраермана, «Лукоморье» — составленное Ваней Халтуриным (друг по вечерам у Фраерманов), еще несколько книг. Одну с автографом Анны Ахматовой, сборник ее стихов, Константин Георгиевич постоянно держал поближе к себе.

Читая книги, Константин Георгиевич сам никогда не делал на них никаких пометок (исключением был лишь географический атлас). Была подарена ему одна книга, принадлежавшая когда-то И. А. Бунину. На полях ее сделаны рукой Бунина немногочисленные пометки — записи, краткие замечания, вы-

ражение различных чувств, возникавших при чтении у Бунина,— вот к ним, этим пометкам, написанным иногда неразборчиво, Паустовский часто возвращался; подолгу сидел, снова и снова вчитываясь в трудно разбираемые буквы, ему было очень интересно, что же хотел сказать И. А. Бунин. Он стремился проникнуть в глубину дум Ивана Алексеевича.

Постоянно держал Константин Георгиевич у себя различного рода справочники, определители растений, животных, насекомых, особенно любил определители растений. Обязательно покупал книги о птицах. Он не мог равнодушно пройти мимо какого-нибудь справочника по цветоводству и садоводству. Большие, малые, все равно чье издание, кто автор, но раз попадалась новая, им ранее не встреченная книга о птицах, цветах, травах — она обязательно немедленно покупалась и обязательно прочитывалась. В Тарусе Константин Георгиевич вставал раньше всех, и первое, что делал,— обходил небольшой сад при доме, внимательно наклоняясь к каждому растению. Затем он садился работать, а когда просыпались дома, то первым делом говорил жене:

— А ты знаешь, Таня, настурция сегодня расцвела...

Константин Георгиевич прекрасно разбирался в травах, причем знал их народные и научные названия. И если в его прогулках — блужданиях попадалась травинка, которой не знал, этого он не мог перенести. Паустовский срывал ее и отправлялся домой, чтобы взять один, второй, третий определитель, отыскать ее там, прочесть о ней, узнать всю ее родословную. Если незнакомая травинка встречалась в далеких поездках, он ее аккуратнейшим образом укладывал и привозил домой.

С книжных полок доставались все определители растений, листались их страницы: день, два, со временем тут Константин Георгиевич не считался и успокаивался, когда, наконец, находил эту травинку. Восхищениям и похвале книге, которая помогла ему, не было границ. Книга называлась самой лучшей, незаменимой, необходимой и прекраснейшей в мире книг, даже если была обыкновенным справочником.

Особое место в домашней библиотеке Паустовского занимала поэзия. Кого же из поэтов он любил? Чьи книги собирал и хранил? По правую сторону бюро в его московской квартире висели фотографии поэтов Бунина и Александра Блока, позднее слева появился еще портрет Анны Ахматовой. Значило ли это, что любил их больше? Они пользовались его постоянным вниманием, но больше? В разное время с неменьшей силой отдавал он дань признательности Заболоцкому, Пастернаку, Лермонтову и снова возвращался к Бунину, Ахматовой, Блоку.

Когда Паустовский был еще молодым, А. М. Горький как-то спросил его:

— Кем вы, милостивый государь, сейчас увлекаетесь?

— Блоком и Пастернаком,— последовал ответ.

— Богато живете,— сказал Горький,— каких только чудес не наслушаешься у поэтов...

Это было давно, но с чудесами поэтов Паустовский так и не расстался всю жизнь. Вероятно, оттого, что слишком дорога и у поэтов, и у прозаиков, да и в окружающей жизни для Константина Георгиевича была поэзия...

Горький разговаривал с Паустовским — уже автором «Колхиды», в конце беседы он вдруг спросил его:

— Да вы кто? — прозаик или поэт? — И сам себе ответил:

— Пожалуй, поэт.

И кто скажет наверняка: был ли Паустовский-прозаик поэтом от любви к поэзии или любил ее оттого, что был поэтом. Во всяком случае, поэзии он поклонялся всю жизнь, и она не ограничивалась для него стихотворными строками. Он видел и чувствовал ее в ночном небе Мещеры, в ее лесах, в задушевно льющихся живописных песнях Левитана о русской природе, в уснувшем мальчике Матвеева, что стоит на высоком берегу Оки в Тарусе памятником русскому художнику Борисову-Мусатову, он видел поэзию в небыстрых и чистых лесных реках, в потемневших от глубины водах озер, в дождливом рассвете и неясном мерцании огней, он слышал ее в стихах, в скрипучих половицах старого дома и в музыке Грига, чувствовал ее в людях, в их жизненных тропах и больших дорогах. Как любил ее Константин Георгиевич в прозе. Он считал, например, что рассказывать о бунинской прозе «Жизнь Арсеньева» (даже ему.— *Е. К.*) так же бесполезно, как о пушкинском «Ненастный день потух...» И то, и другое, по его мнению, надо только читать, причем читать самому.

Поэзия для Константина Георгиевича не ограничивалась стихотворными строками, но в них выражалась ярче. Здесь звучала она всеми струнами, пела полным голосом, наконец, воспринятая в стихах, помогала сильнее ощутить ее в жизни, в собственной работе, в живописи, словом, во всем, где проявлялась. Оттого, став почитателем поэзии в молодости, он не изменил своей любви.

В книге «Беспокойная юность» в главе «О записных книжках и памяти» Паустовский вспоминает свою молодость: «Я читал подряд и выучивал наизусть всех поэтов, книги которых брал в библиотеке. Меня покоряла музыка стихов. Только в стихах раскрывалось до предела певучее богатство русского языка.

В стихах слова звучали как бы заново, как бы только что найденные и сказанные впервые. Я бывал потрясен их точностью, выразительной силой и блеском. Я мог без конца повторять отдельные любимые строфы. Каждый день они менялись. Одна строфа уступала место другой. То я вспоминал Лермонтова, то... пушкинские слова о том, что каждый день уносит частицу бытия, то тютчевское... Я был окружен толпой поэтов. Я беседовал с ними. У меня кружилась голова от множества

их мыслей и образов, литых и драгоценных. Откуда все это бралось, из каких глубин ясной и горячей души! Я чувствовал себя властителем богатств. Со мной говорили Леконт де Лиль и Гейне, Верхарн и Бернс. И при этом они говорили мне все лучшее, что могли сказать. Разве это не было счастьем?»

Наизусть Паустовский знал неисчислимое количество стихов. Он отдыхал, а случалось и жил месяцами в Доме творчества писателей в Ялте. Частенько, собираясь группами, спускались вечером писатели вниз к морю, и там, усевшись где-нибудь за столом тесным кругом, проводили теплые и спокойные ялтинские вечера. Иногда среди других занятий и разговоров они затевали игру по кругу — игру в стихи. Требовалось, чтобы каждый участник читал стихотворение преимущественно малоизвестного поэта — другой продолжал, и так по очереди, по кругу — Константин Георгиевич всегда побеждал. Он продолжал читать стихи наизусть, когда запас других был истощен.

Случалось, умирал кто-либо из литераторов, в молодости писавший стихи. Он стал известен как прозаик и давно забыли, что он выступал и как поэт. Но не забывал Константин Георгиевич. Он начинал вдруг читать его никому не известные стихи, потом делал паузу и говорил:

— А вот это его лучшие стихи...

Паустовский мог читать наизусть часами. Читать с упоением и нежностью, не переставая удивляться свершающемуся чуду. Читая, вдруг прерывался и говорил:

— А вот это — гениально,— и снова продолжал, видимо, наслаждаясь красотой звучащего слова. Порой вдруг вставал и записывал на машинке особенно в эту минуту понравившиеся стихи. Он знал их, но хотел еще раз увидеть написанными на бумаге, еще раз пережить всю их красоту. Случалось, это были стихи, которых он не знал раньше. Так со временем образовался однотомник особенно близких строк. Эту книгу К. Г. Паустовский любил. Иногда листки ее распадались, оставались частью в Тарусе или в Москве, терялись в завалах чужих рукописей, но через некоторое время он восстанавливал их, добавлял новые — так и шла рядом с Константином Георгиевичем в его жизни эта особая книга любимых, вечно живых для него строк...

Паустовский безмерно любил поэзию. Многих и многих поэтов. Но из жизни он уходил с Пушкиным.

Полулежа в кровати в кабинете московской квартиры на Котельнической, окруженный своими книгами, своей библиотекой, он читал наизусть Пушкина. Уставал, отдыхал и снова читал, и снова Пушкина, и только его. Иногда не хватало сил, чтоб справиться с чувством, вызванным строками Пушкина, тогда слезы лились из глаз Константина Георгиевича.

— Нет, вы только послушайте,— говорил он тем, кто был рядом,— я всю жизнь знал эти стихи, и только сейчас понял, как это гениально.

С. И. ВАВИЛОВ

Стоило произнести: Вавилов — и все замирало, прислушивалось. И шла от имени сила, заставляя без слов и восторгов чтить ученого и человека.

Трудно рассказывать о Сергее Ивановиче Вавилове — друге книги. Трудно потому, что библиотеки его нет. Лишь ее остаток, чудом уцелевший список книг по искусству, да воспоминания немногих, кто близко знал Вавилова, могут служить материалом. Но и невозможно не сказать о нем. Слишком хорошо знал он книгу, как немногие, всю жизнь, без лишних слов, без громких фраз, видел в ней радость и мудрость, незаменимого собеседника и друга.

Сергей Иванович Вавилов был ученым-физиком, академиком, был президентом Академии наук СССР. Но Сергей Иванович был еще и человеком высокой культуры, редко образованным в литературе, искусстве.

Ученый нашего времени, делавший открытия в области физической оптики, устремленный в будущее науки, отдавший жизнь ее развитию, движению вперед, Сергей Иванович не забывал никогда о прошлом.

Ленинградская кунсткамера, музей имени М. В. Ломоносова — он возник из руин благодаря Сергею Ивановичу Вавилову. Дальнейшая жизнь музея — доказательство того, как он был нужен людям.

С. И. Вавилов стал президентом Академии наук в июне 1945 года. К апрелю 1945 года относится постановление Президиума Академии о срочном восстановлении разрушенного фашистами Пушкинского заповедника «как одного из крупнейших культурно-исторических и научных памятников Союза ССР». Осуществлял постановление президент Вавилов, открывая в этом деле людям, им занимавшимся, широкие возможности, не отказывая в помощи, предупреждая необходимость обращения за ней. Наконец, Абрамцево. Именно Вавилов вызвал к себе сразу после войны консультанта-искусствоведа Президиума Академии наук СССР Н. П. Пахомова спросить, не сможет ли он взять на себя труд восстановления этого музея, и Абрамцево было открыто.

Как прекрасно сознавать, что все это совершалось под эгидой Академии наук, что не отделялась она и не отдалялась от

подобных дел, и в этом была, конечно, огромная роль Сергея Ивановича Вавилова.

Его внимательный глаз и чуткость постоянно были обращены к тому, как доходят, как доносятся мысли, большие идеи, научные труды, достижения и культура прошлого до всех. Академик П. А. Ребиндер пишет: «... Он особенно много сделал для коренного улучшения массового издания научной литературы в нашей стране, для реформы издательства Академии, развития научных журналов... Этому в лучшем смысле слова „книжному делу" С. И. Вавилов отдал много сил и времени...»

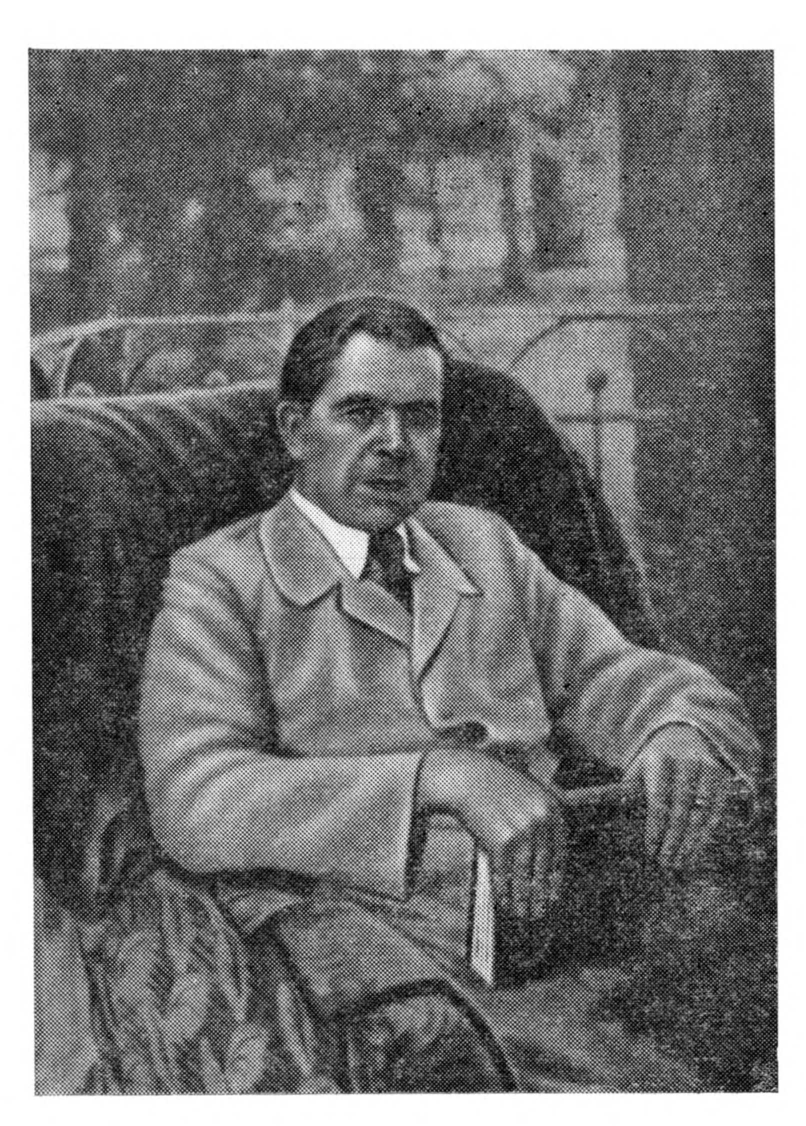
Сергей Иванович родился в Москве. В Москве началась его любовь к книге. Отец купил в начале века на Пресне дом. На втором этаже его в небольшой комнате сыновья — старший, Николай, и Сергей, тогда мальчики — обнаружили остатки библиотеки прежних владельцев. Здесь был найден Дюма, Дюма-отец и его романы. Так раз и навсегда вошли в жизнь книги. Иван Ильич Вавилов не баловал детей, но если требовались деньги на дело — не ограничивал. И мальчики отправились на Сухаревку, надо разыскать и прочесть всего Дюма. Приведенное в порядок книжное наследство требовало и других пополнений.

Сергей Иванович гордился своим первым книжным приобретением. Было одно место на Сухаревке, где продавали книги из мешка. Плати пятак и тащи, а на то, что выпадет, не сетуй, всякие книги в мешок сваливали вместе, редкие и более обычные. Сергей Иванович вынул из мешка прижизненное издание (1825 г.) «Евгения Онегина». На титуле ее он написал: «Первая книга С. Вавилова».

Росли мальчики, определялись их интересы, оба они склонили свои симпатии к области естественных, точных наук, но чем бы они ни занимались, где бы ни учились, литература, искусство и книги всегда оставались рядом.

Стоило открыть дверь в студенческую комнату Сергея Ивановича и можно было увидеть висящий над столом портрет Пушкина, воспроизведение «Афинской школы» Рафаэля и книги, книги.

Под Москвой, недалеко от Звенигорода, есть Мозжинка, поселок Академии наук СССР. Узкая шоссейная дорога, петляя среди закрытых зеленью леса дач, может подвести к скромному небольшому дому. Здесь всего три года, да и то летом, провел Сергей Иванович Вавилов. Но это единственное место, сохранившее в неприкосновенности следы его жизни. Маленькая комната с двумя окнами в сад — здесь любил работать Вавилов под аккомпанемент приглушенных звуков музыки Баха, Моцарта, Бетховена... Стол, кресло, кровать, книжный шкаф и приемник на небольшом столике, несколько картин на стене — вот и все. В доме сейчас живет Ольга Михайловна Вавилова — друг и жена Сергея Ивановича, живет безвыездно с тех пор, как его не стало, с 1951 г. Прост ее рассказ, но сколько сдер-

С. И. Вавилов

жанного благородства звучит в нем, все логично и спокойно и, кажется, рядом само достоинство.

Когда в свой будущий дом, тогда небольшую квартиру, впервые вошла Ольга Михайловна, она увидела только книги. Почти невозможно было пройти — на полу, на стульях, везде лежали связанные пачки книг, которым Сергей Иванович старался найти место. Она хотела помочь. Но Сергей Иванович поблагодарил. Только сам, непременно сам должен был он разобрать и разместить свою библиотеку. Это желание не покидало его всю жизнь. Сергей Иванович любил, чтобы вокруг него все было красиво. Интерьер дома, зная его склонности и привязанности, устраивала Ольга Михайловна, и он всегда оставался им доволен, но книги — нет, где бы они ни жили, свои книги Сергей Иванович непременно расставлял сам. Это было, как вспоминает Ольга Михайловна, какое-то ревнивое отношение к книге, в уголке форзаца которой он непременно аккуратно, почти микроскопично писал: «С. Вавилов».

Библиотека Сергея Ивановича в ту пору вполне выражала интересы хозяина, отнюдь не блуждающего в океане человеческих мыслей, познаний. Талант и серьезность позволили ему рано и точно ориентироваться в накопленных поколениями запасах знаний, культуры, разбираться в них и ценить.

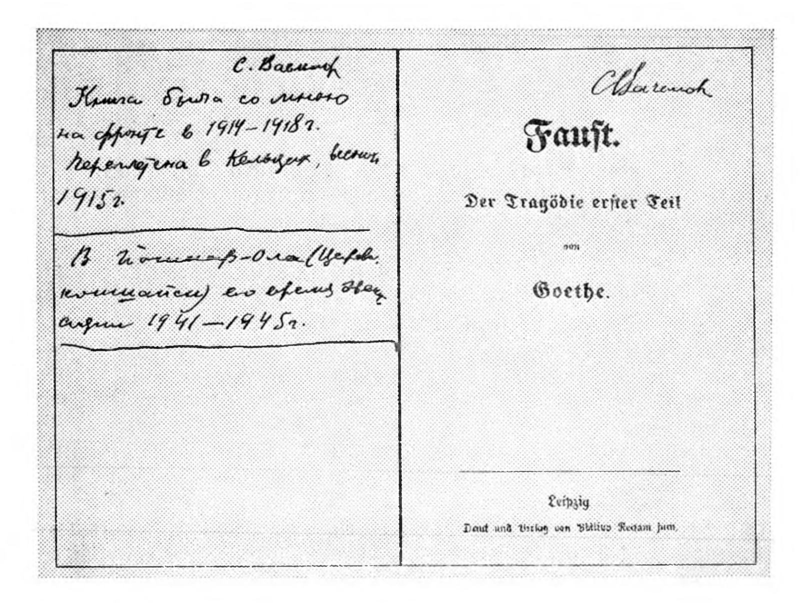
Он собирал старые учебники, книги по математике и физике, в молодости, когда его дорога ученого только начиналась, и продолжал собирать, став академиком, президентом.

Студентом Сергей Иванович совершил несколько путешествий за границу. Особенно сильное впечатление произвели на него поездки в Италию. Как знал он ее искусство!

Будучи президентом Академии наук СССР, Сергей Иванович одновременно выполнял обязанности главного редактора Большой Советской Энциклопедии. Как-то он читал статью, посвященную итальянскому городу, соборы которого знамениты своими фресками. Автор допустил неточность, фрески одного из соборов оказались в другом. В статье было несколько таких ошибок. Сергей Иванович немедленно их устранил.

Сохранился список книг по искусству библиотеки С. И. Вавилова. Трудно сказать, насколько полно он отражает собрание по этому вопросу, но позволяет сделать вывод: необычайно широко и серьезно была представлена в книжном собрании Вавилова история искусств. Какое обилие названий книг, посвященных отдельным художникам! Подавляющее большинство из них относится к эпохе Возрождения. Книги, изданные в Милане, Венеции, Мюнхене, Лейпциге, Берлине, Нюрнберге, Амстердаме, Париже, Лондоне, Риме и других городах. Очень много редчайших книг о Дюрере, этого художника Сергей Иванович любил.

Из всех художников эпохи итальянского Возрождения особенно дорог был Леонардо да Винчи. Он всегда оставался в центре внимания С. И. Вавилова. Целиком библиотека

С. Вавилов

Книга была со мною на фронте в 1914–1918 г. Переплетена в Кельцах, весна 1915 г.

В Йошкар-Ола (Царевококшайск) во время эвакуации 1941–1945 г.

С. Вавилов

Faust.

Der Tragödie erster Teil

von

Goethe.

Leipzig

Druck und Verlag von Philipp Reclam jun.

«Фауст» Гете — любимая книга С. И. Вавилова с его записями

С. И. Вавилова не сохранилась. Как президент, он и его семья занимали в одном из переулков Арбата особняк. Разместить в нем огромное по количеству книжное собрание Сергея Ивановича — он сам называл его «Гималаи книг» — не представляло труда. Но вот Сергея Ивановича не стало. Возникла проблема места, и библиотеку пришлось ликвидировать. Решено было оставить из всего «Гималайского хребта» книг самую большую и высокую гору — собрание о Леонардо да Винчи. Его составлял Сергей Иванович всю жизнь. Он собирал все, что выходило об этом великом человеке эпохи Возрождения и у нас и за рубежом. Можно с уверенностью сказать, что в нашей стране это лучшее собрание книг о Леонардо да Винчи.

Все те качества, которыми обладал Леонардо да Винчи, были для Сергея Ивановича, видимо, примером высоко им чтимой талантливости и культуры, слившихся в одном человеке. Мыслитель, ученый, художник...

Ольга Михайловна вспоминает, как накануне войны Сергей Иванович получил из-за границы одну из книг о Леонардо да Винчи. С собой в эвакуацию он взял только ее и все время не расставался с ней, больше того, ложась спать, он клал ее под подушку... вряд ли деталь эта требует пояснений.

Люди, близко знавшие Сергея Ивановича, рассказывали, что в трудные холодные времена дома он обычно одевал драпо-

вое пальто, брал какую-либо из книг о Леонардо да Винчи и читал, сидя в кресле.

Для Вавилова чтение — это и размышление, диалог между собственной мыслью и авторской — случалось, собственная излагалась на полях.

В библиотеке Сергея Ивановича хранились книги на немецком и русском языках о Гете, множество изданий «Фауста», которого Вавилов знал наизусть в подлиннике и мог часами читать с упоением.

Уцелел томик «Фауста» Гете на немецком языке. Поля этой небольшой по формату книги сплошь заполнены мыслями и соображениями Сергея Ивановича, вызванными чтением «Фауста». Основная часть записей была сделана в годы первой мировой войны (кстати, книга прошла войну вместе с Сергеем Ивановичем). Эти записи могут служить предметом интереснейшего исследования. Здесь мысли Сергея Ивановича по поводу произведения и его литературных образов с постоянной параллелью собственных раздумий о науке, ученых и их роли в жизни. Все, что хотелось сказать, все, что вызывало к жизни чтение гетевского «Фауста», не уместилось на полях небольшого формата книги, и тогда Сергей Иванович делает записи на отдельных листках, а затем переплетает их вместе с книгой.

Драгоценный томик прошел с Сергеем Ивановичем через всю его жизнь.

В последний раз возвратился к этой книге Сергей Иванович в годы Великой Отечественной войны, тогда на оставшихся чистыми страницах появились новые записи.

Великолепно была подобрана в библиотеке Сергея Ивановича разнообразная справочная литература. Это был большой и значительный раздел книжного собрания.

Нечего говорить о классической русской и иностранной литературе — она была представлена наилучшим образом, причем в подлинниках. Сергей Иванович свободно читал на немецком, французском, английском, итальянском и польском языках, молниеносно и хорошо переводил.

В этой литературной почти бесконечности существовали особенно близкие области. В русской — прежде всего А. С. Пушкин. Сергей Иванович собирал все его прижизненные издания и издания последующих лет, литературу о нем. После Пушкина шли Тютчев, Блок...

Книги были для Сергея Ивановича и друзьями, которые помогали отдыхать, отвлечься, переключить мысли.

Необычайно загруженный, можно даже сказать, загруженный сверх человеческих сил и возможностей, он в редкие свободные минуты и в Москве и в Ленинграде объезжал букинистические магазины. Его часто можно было встретить в букинистическом отделе Академкниги на улице Горького. И хотя склонности, привязанности Вавилова знали люди, работающие в этом отделе, и готовили книги, возможно, способные за-

интересовать Сергея Ивановича, он любил сам посмотреть, переставить одну за другой, полистать книги, ровными рядами выстроившиеся на полках. Он совсем не чужд был огромной радости неожиданной встречи с редкой книгой, любопытным изданием.

Книги, которые раньше принадлежали С. И. Вавилову, всегда отличались красотой и изяществом... И хотя обычно знавшие его отмечают: С. И. Вавилову несвойственно было проявлять свои чувства, все же наблюдательный глаз мог с полным основанием отметить его отнюдь не равнодушный интерес к художественным изданиям. С. И. Вавилов любил иллюстрации А. Н. Бенуа к «Медному всаднику». Кстати, бронзовая модель ленинградского «Медного всадника» всегда стояла у него в кабинете на шкафу. А в Мозжинке до сих пор висит несколько петербургских акварелей А. Н. Бенуа.

Великолепное собрание французской литературы хранила библиотека Сергея Ивановича. Он был неравнодушен к ней с тех давних пор, когда впервые прочел Дюма, и не терял теплоты этого чувства до конца.

Жизнь Сергея Ивановича сложилась так, что он вынужден был делить свое время между Москвой и Ленинградом. Оставаясь директором Оптического института в Ленинграде, он был и директором Физического института Академии наук СССР в Москве. Из недели четыре дня проводились в Москве и три — в Ленинграде. Ездил он всегда в «Стреле», беря с собой в вагон томик французского романа, и нередко среди этих изящно изданных книг оказывался Александр Дюма.

Давно нет в живых русского ученого, академика Сергея Ивановича Вавилова. Но все академические издания до сих пор выходят с книжным знаком, когда-то предложенным президентом Академии наук СССР С. И. Вавиловым,— в кружке заключен символ Академии — изображение здания Петровской кунсткамеры на Университетской набережной в Ленинграде.

И. С. ОСТРОУХОВ

Библиотеки Ильи Семеновича Остроухова нет. Она влилась в фонды Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и в библиотеку Третьяковской галереи. Достаточно, чтобы судить о ее достоинствах. А рассказать о ней можно только по сохранившемуся каталогу. Он был отпечатан в 1914 г. в Московской городской типографии и назывался «Алфавитный указатель библиотеки И. С. Остроухова».

В многочисленных воспоминаниях об Остроухове библиотека лишь упоминается: слишком значительно и великолепно было остроуховское собрание русской живописи и иконописи, оно заслоняло собою все остальное, находившееся в его доме.

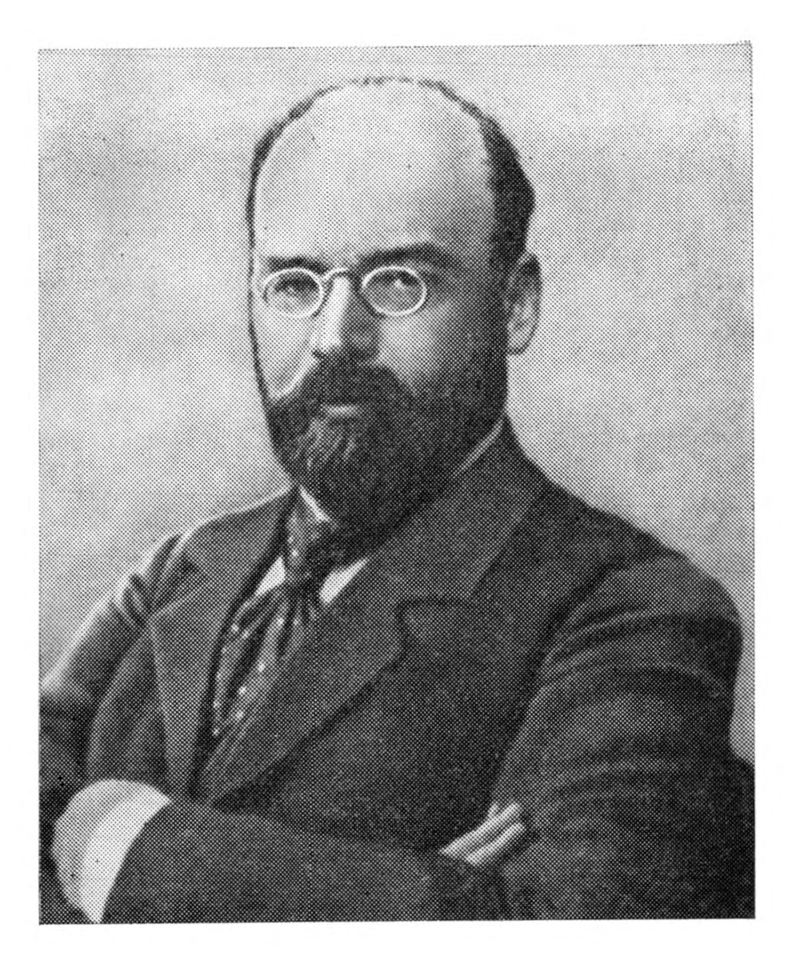
В Москве, в Трубниковском переулке и сейчас стоит этот дом. Небольшой двухэтажный особняк, каких немало знала старая Москва, был в ней единственным и неповторимым. Не архитектор создал его славу, сделал жизнь интересной и привлекательной, а хозяин дома — Илья Семенович Остроухов.

Имя Остроухова звучит и в наше время. Кто из бывающих в Третьяковской галерее не помнит его пейзажей, «Сиверко»? Прекрасный русский художник, человек удивительных знаний искусства и не менее удивительный собиратель, многолетний попечитель Третьяковской галереи, занявший этот пост по желанию Павла Михайловича Третьякова, он наполнил свой дом редкими по мастерству выполнения картинами, иконами, редкими даже для такого богатого искусством города, как Москва.

«Остроухов сказал», «Остроухов написал», «Остроухов видел», «Остроухову понравилось» — сколь много значили эти слова, как высок и непререкаем был авторитет этого человека для всех, занимавшихся искусством, не одно десятилетие. И сейчас если о картине говорят: «Она из остроуховского собрания» — лучшей характеристики не надо.

Илья Семенович вырос и воспитался в знаменитом мамонтовском кружке, в среде, созданной в Москве Саввой Ивановичем Мамонтовым.

Литературные вечера, чтение и снова чтение русских и иностранных классиков, домашние спектакли Мамонтовых, их музыкальные вечера. Здесь, в доме Саввы Ивановича Великолепного, так называли Мамонтова в старой Москве, И. С. Остроухов познакомился и подружился с И. Е. Репиным, В. Д. По-

И. С. Остроухов

леновым, В. М. Васнецовым, Валентином Серовым и Константином Коровиным, с Михаилом Врубелем... Общаться с этими людьми и остаться равнодушным к их интересам, не полюбить того, чем дорожили они, было невозможно.

Остроухов впитал в себя все, что мог дать ему мамонтовский кружок, и единственный из этого кружка стал на путь собирательства. С годами он сделался одним из самых удивительных московских собирателей, показав совершенно особый, неповторимый вкус, глаз, умение выбрать, определить достоинство вещи, как никто, или как очень редкий человек. Шел 1918 год, когда коллегия по делам музеев и охране памятников

старины Наркомпроса, руководимая И. Э. Грабарем, отмечала наряду с другими заслугами Ильи Семеновича ту, что «... в лице И. С. Остроухова Россия имеет совершенно исключительного собирателя...».

В начале революции многие ценнейшие собрания национализировали и превратили в музеи, стало музейным и остроуховское. В Москве был открыт музей иконописи и живописи им. И. С. Остроухова.

Висели же в доме, что и сейчас стоит в Трубниковском переулке, такие работы, как «Портрет дочери» И. Е. Репина, «Сирень» М. Врубеля, «Волга» А. К. Саврасова, «Анкор, еще анкор» — П. Федотова, пейзажи С. Щедрина, А. Иванова, И. Левитана, В. Серов — «Флоренция», его же «Церковь в Абрамцеве», «Волы»...

Гордостью собирателя был мезонин его дома, где размещалась древнерусская живопись. Теперь признано историками искусства (см. каталог «Древнерусская живопись в собрании Третьяковской галереи»), что Илья Семенович Остроухов первый показал икону как произведение живописи, громогласно признал за ней достоинства, свойственные живописному произведению.

Собиратель Остроухов имел собственные чудачества, и о нем можно рассказать немало любопытного. Высшим удовольствием для него было «укупить» хорошую вещь подешевле, что, как известно, случается не так часто. Охоте за дешевыми, но настоящими вещами он посвящал немало времени. Эта страсть Остроухова служила предметом шуток. Савва Иванович Мамонтов как-то писал жене из Парижа: «Был у Остроуховых. Семеныч в восторге, что ему удалось за 20 франков „укупить" в Биаррице настоящего Веласкеса. Показывал — действительно похоже!»

Пристально следил Илья Семенович за тем, что делают вокруг другие собиратели, охотно помогал начинающим. Зная круг интересов и возможности того или иного из них, он нередко говорил, где можно купить, скажем, пейзаж Левитана или икону XVII века — более раннюю он бы непременно купил сам. Остроухов призывал к тому, чтобы люди собирали произведения искусства. В Москве сейчас живет Н. А. А., обладательница великолепного собрания русской живописи, она завещала его городу, где родилась, ныне Волгограду. Составилось собрание благодаря Остроухову. Это он ей и ее мужу, тогда еще молодым людям, говорил:

— Вот что, вы, если будет возможность, покупайте картины. Это (Остроухов энергичным движением показывал на свой костюм) — ерунда, камушки — тоже мишура, собирайте живопись. Пользуйтесь тем, что наше искусство на Западе не знают, а то бы давно скупили.

Об И. С. Остроухове-собирателе писали П. П. Муратов, И. Э. Грабарь, Н. М. Щекотов... О нем еще будут писать.

Дом И. С. Остроухова в Трубниковском переулке

А пока то немногое, что можно рассказать о его библиотеке.

Книги. Их ценил Илья Семенович не меньше, чем картины.

Упомянутый каталог библиотеки И. С. Остроухова имеет три части: I-я — русские книги, II-я — иностранные, III-я — журналы. Всего 3028 названий занесено в этот каталог типографским способом, далее его продолжали вести от руки. Сейчас трудно сказать, насколько полно отражает он состав библиотеки.

Жаль, что рассказывать о библиотеке можно только по каталогу, что нельзя подойти к шкафам и посмотреть, вынимая одну за другой, книги, когда-то бережно поставленные рукой хозяина на полку. Каталог ясно говорит о том, что составлял Остроухов свое книжное собрание продуманно. Опирался не только на собственные глубокие и серьезные знания, но и на высокие авторитеты в этой области. Достаточно привести из каталога несколько названий: Д. В. Ульянинский, «Среди книг и их друзей». I. Из воспоминаний и заметок библиофила. II. Русские книжные росписи XVIII в. (Библиографический обзор). Москва, 1903 г., и его же классический труд «Библиотека Д. В. Ульянинского. Библиографическое описание», том I, Москва, 1912 г.; том II, М., 1913 г. Труды Ю. Ю. Битовта «Книга о книгах», «Руководство к библиографическому описанию книг», его же «Редкие русские книги и летучие издания

XVIII века». Каталог говорит и о том, что библиотека И. С. Остроухова составлялась им не как музейное собрание редкой книги, он не стремился к тому, чтобы та или иная область была представлена в лучшем или полнейшем виде. Это было собрание необходимых книг, книг, которые могли понадобиться, без которых была немыслима жизнь связанного с искусством человека. Каталог библиотеки Остроухова не позволяет сделать вывода, что Илья Семенович отдавал предпочтение прижизненным изданиям или систематически собирал художественные, хотя есть и те и другие.

Интересно деление библиотеки на отделы. Самый объемный отдел — «Русская книга». Здесь широко представлена русская классическая литература с явным предпочтением А. С. Пушкину, в библиотеке были и собрания сочинений поэта и множество его отдельных изданий. В разделе «Русская книга» есть несколько книг с автографами. Их, судя по каталогу, было немного. Просто автографы ради автографов Остроухов не собирал, слишком велики и многообразны были его ежедневные, многолетние жизненные связи с заметными и интересными людьми. Каждый автограф в библиотеке имеет свою собственную историю, тесно связанную с жизнью Остроухова.

Свою библиотеку И. С. Остроухов собирал главным образом через книжный магазин известного в старой Москве букиниста А. А. Астапова. Этот букинист был интересной и своеобразной личностью. Его покупатели не ограничивались визитами в магазин только ради приобретения книг. С Астаповым было интересно поговорить, и сам Астапов любил эти кратковременные, а иной раз и долгие беседы, покупатели его были в основном известные москвичи. В библиотеке И. С. Остроухова имелся экземпляр прижизненного первого издания книги Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», 1865 г., издатель А. Н. Пыпин. Этот экземпляр Астапов подарил Илье Семеновичу и в память оставил на книге свой автограф.

У Остроухова хранился альбом «Русские художники», вышедший в Москве в 1880 г., с автографом издателя Анатолия Ивановича Мамонтова, брата Саввы Ивановича. Это тоже не малая страница биографии И. С. Остроухова. С автографами значатся по каталогу сочинения Г. И. Успенского, А. А. Фета и др. К сожалению, текста автографа за редким исключением привести нельзя. Книги эти в каталоге не имеют шифра ни Ленинской библиотеки, ни библиотеки Третьяковской галереи. Они исчезли.

Большое внимание было уделено древнерусскому искусству и искусству, современному Илье Семеновичу. В библиотеке Остроухова были все выходившие в его время книги монографического характера о художниках.

Раздел II — иностранная книга — посвящен западноевропейскому искусству — труды главным образом западноевропейских

авторов, сочинения, оставленные нам античностью, и история Римской империи.

Великолепно была у Ильи Семеновича подобрана периодическая литература по искусству. «Аполлон», «Весы», «Золотое руно», «Мир искусства», «Вестник Общества древнерусского искусства при Московской публичной библиотеке», «Русский художественный архив», «Светильник», «Старые годы», «Христианские древности и археология», «Художественные сокровища России»... Среди иностранных журналов, на первый взгляд, могло бы показаться странным присутствие юмористического журнала «Simplicissimus» — этот журнал был посвящен приключениям простака, имя которого стал носить. Но журнал иллюстрировали многие известные графики, и поэтому он, вероятно, оказался в библиотеке Остроухова.

Среди книг, раскрывающих интересы И. С. Остроухова, попадались и такие, как «Из царства пернатых» Д. Кайгородова — популярные очерки о птицах известного фенолога, современника И. С. Остроухова, большое количество мемуарной литературы.

Два художника — М. А. Врубель и В. М. Васнецов — выполнили для Остроухова экслибрисы, но наклеивал он их не всегда и чаще — книжный знак В. М. Васнецова.

Книги стояли в доме Остроухова в больших застекленных шкафах, запертых на замок. Огромную связку ключей от них Илья Семенович всегда держал при себе. Приходилось слышать рассказы о том, как доставая ее из кармана, он выбирал нужный ключ и, обращаясь к человеку, которому безусловно доверял, говорил: — У лестницы наверх, в мезонин, — шкаф, откройте его, на третьей полке справа седьмая книга и будут мемуары Вагнера «Моя жизнь».

Современников удивляла память Остроухова и спустя много лет с неменьшим удивлением рассказывали они, как Илья Семенович мог среди множества книжных шкафов точно помнить, где именно и какая стоит книга.

Дом Остроухова еще не разрушило время. Он цел, собрание живописи и иконописи И. С. Остроухова находится в Третьяковской галерее. И кто знает, быть может, чтобы разгрузить запасники галереи, а в памяти людей воскресить имя и труд Ильи Семеновича Остроухова, стоило бы возвратить на стены его дома, дома в Трубниковском переулке, висевшие когда-то там картины и иконы. Ведь еще живы люди, которые могут помочь восстановить Остроуховский музей. И тогда на полки шкафов снова встанут его книги, чтобы еще раз рассказать о дружбе их с Ильей Семеновичем Остроуховым.

П. Д. КОРИН

В Москве между двумя Пироговскими стоит дом. Теперь часть его — филиал Государственной Третьяковской галереи. Еще совсем недавно в нем жил художник Павел Корин. И музей здесь его имени, в его честь.

С величайшим почтением относился Корин к памяти Павла Михайловича Третьякова, к делу жизни его, возмущался, услышав: «Третьяковка». «Третьяковская галерея» — не уставал поправлять. С трибуны съезда художников Корин назвал П. М. Третьякова Великим Гражданином Земли Русской и гордился произнесенными им в Кремле словами.

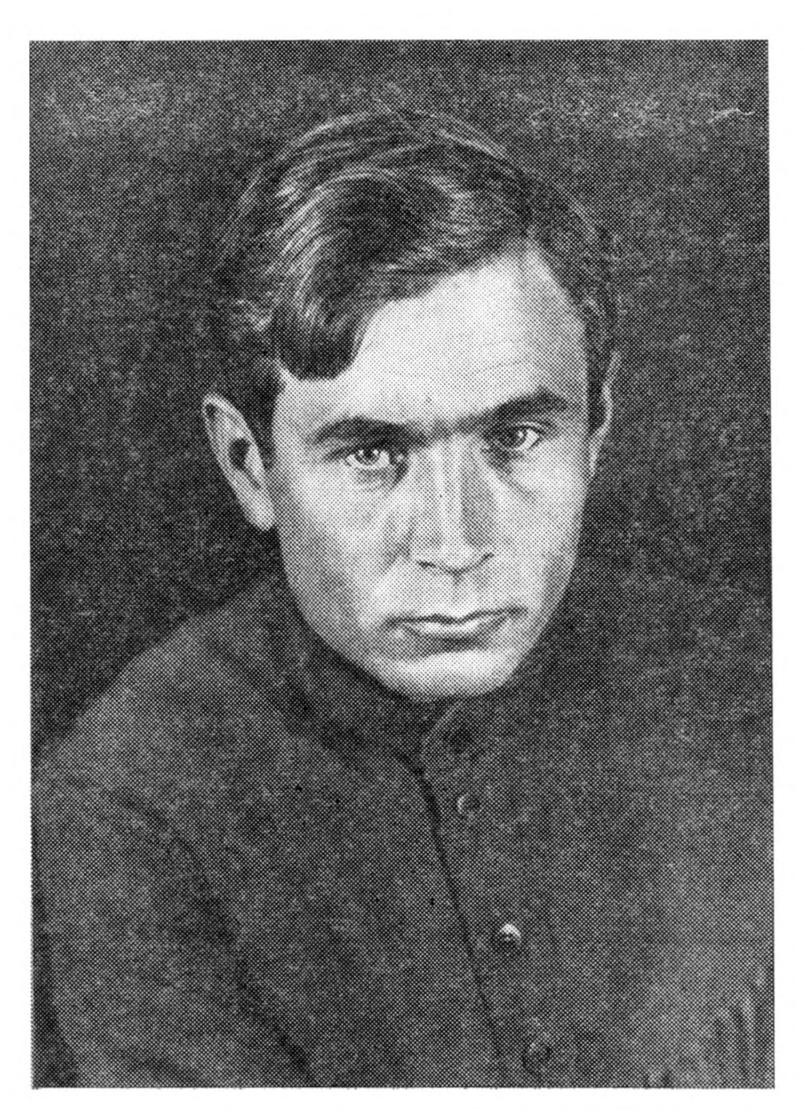
И вот дом его — филиал Государственной Третьяковской галереи. Таким оказался итог жизни художника Павла Корина.

Дом Корина — это место его работы, мир его интересов, который был им самим строго определен, и не имелось в нем ничего случайного.

Картина, книга, кресло, гравюра, фотография, рисунок — словом, все, чем наполнял дом многие годы Корин — оказалось здесь потому, что не нарушало общей гармонии, не претило вкусам и убеждениям хозяина, вполне отвечало его внутренней настроенности, потому что именно это хотел он видеть ежедневно, именно этим хотел себя окружить — и окружил.

Среди картин Павла Дмитриевича, составляющих часть экспозиции музея, произведений древнерусского искусства, заполняющего стены этого удивительного дома Москвы, среди альбомов и рисунков, хранимых в нем, не последний интерес представляет и собранная Павлом Кориным библиотека.

В библиотеке Корина, как и в его доме, нет ничего не нужного ему. Разумеется, не потому, что он считал те или иные книги недостойными внимания. Нет, признавая их достоинства, даже высоко ценя, он для своей библиотеки их не покупал, потому что они были, как он говорил, «не для меня». Внимание Корина-собирателя было приковано главным образом к древнерусскому искусству. Ему уделялась первостепенная забота, отдавались главные силы, но разве мог художник Корин прожить без книг? Он не относился к собирателям, которые ежедневно заглядывают в книжные магазины, тем не менее сумел создать библиотеку, удовлетворяющую его духовные интересы, а это были интересы художника Павла Корина.

П. Д. Корин

Собирать книги Корин стал значительно раньше, чем древнерусскую живопись. Сначала они не всегда прочно оседали, часто приходилось прочтенную книгу относить на Сухаревку или иной книжный развал. Но все прочтенное крепко оседало в сознании и если с его точки зрения представляло интерес, когда наступали времена полегче, снова покупалось.

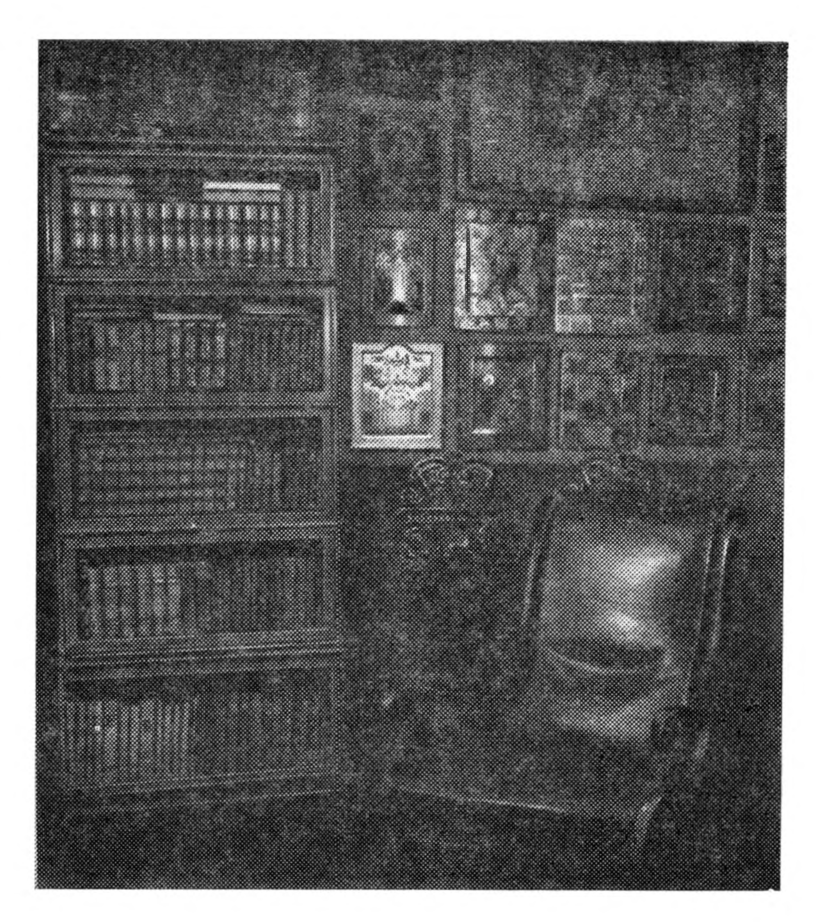
Основное внимание в библиотеке Корина уделено искусству эпохи Возрождения, искусству греков, древнерусскому искусству и русскому искусству последних времен (очень выборочно). Помимо искусства живописи самой большой привязанностью Корина была история. Любил он и архитектуру. Поэтому и в библиотеке представлены книги по истории, как отечественной, так и истории европейских народов всех времен — от древнейших до новейших. Этот раздел занимает значительное место. Много книг по архитектурным памятникам, по истории архитектуры.

Глубокое уважение к творцам живописи Древней Руси наложило отпечаток и на книжное собрание. Помимо литературы начала XX века и современной по древнерусскому искусству, П. Д. Корин собирал рукописные древнерусские книги. Они как бы продолжают или расширяют рамки его замечательного собрания икон. Своими орнаментированными страницами, заставками, концовками и буквицами, четким профилем рукой написанного текста, удивительно строгим и вместе с тем красивым, теплым начертанием букв, слов, строк — книги эти как бы раздвигают горизонты искусства Древней Руси. Мало знаем мы эти книги, немногие видели их, еще меньше держали в руках, осторожно переворачивая плотные страницы, дивясь мастерству их создателей. От потемневших кожаных переплетов их, закрытых медными замками, веет суровостью средних веков, но стоит открыть первую страницу — и возникают волшебные линии причудливых орнаментов. Корин любовался страницами этих книг, как картинами, и все сожалел, что не хватает времени углубиться в их текст.

Читал Корин медленно, но с необычайным вниманием и серьезностью. На книгах никогда не делал никаких пометок и терпеть не мог растрепанных книг. Если приходилось покупать книгу у букинистов в плохом состоянии, немедленно отдавал ее в переплет, приводил в порядок.

Библиотека Корина рассредоточена во всем доме, но читал он по преимуществу в Зеленой комнате, иначе в кабинете. Здесь окружали его произведения древнерусской живописи, иконы земляков-палешан; рояль, когда-то подаренный А. М. Горьким, напоминал о дивных звуках, извлекаемых из него С. Рихтером, М. Юдиной, В. Мержановым. Рядом были и сочинения русских историков. Особенно высоко ценил Корин сочинения Н. М. Карамзина. И часто повторял:

— Великий Александр Пушкин свою гениальную вещь «Борис Годунов» посвятил Карамзину, так и написал: «Драго-

Интерьер кабинета П. Д. Корина

ценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностью посвящает Александр Пушкин».

Сочинения Н. М. Карамзина в библиотеке П. Д. Корина представлены в трех книгах, включающих в себя двенадцать томов. Это было пятое издание труда историка, и вышло оно в Петербурге в 1842 году с именным указателем или, как тогда называли, с ключом к сочинениям, составленным самим историком и П. Строевым.

Все книги библиотеки в идеальном состоянии, без закладок, совершенно чистые, к каким бы далеким годам они ни относились. Исключением оказались только две. Книга «Горький и

художники», где воспоминания одного из авторов сплошь испещрены гневными замечаниями художника (автор рассказывает о своих встречах с Алексеем Максимовичем). Другая — сочинения Н. М. Карамзина. Здесь нет пометок, но в одной из трех книг лежит закладка на странице, где начинается изложение истории Александра Невского. Рассказ Н. М. Карамзина об Александре Невском и его подвиге помог Корину взяться за большое историческое полотно «Александр Невский», вылившееся потом в триптих о силе, величии и героизме русского народа.

Получив заказ на создание картины «Александр Невский»,— это было в годы Великой Отечественной войны—Корин сначала отказался, не считая себя историческим живописцем, он до того работал только с натурой. Но, поразмыслив, обращается к истории Карамзина и, прочтя страницы, посвященные Александру Невскому, решается выполнить заказ. Работал он над портретом Александра Невского не только в мастерской, но и в Зеленой комнате. Корин писал, а на него смотрели сочинения русских историков С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Д. И. Иловайского, сочинения Н. М. Карамзина. Так и осталась лежать по сей день с 1942 года закладка в том месте истории Карамзина, которое помогло Корину создать героический образ...

Даже первый беглый осмотр библиотеки Корина поражает обилием книг, посвященных Риму и его истории. Он собирал их много лет. Корин попал в Италию в 1931 году. Первым городом, с которым он познакомился, был Рим. Еще задолго до поездки П. Д. Корин изучал памятники искусства этой страны. Рим требовал особого подхода. Для того, чтобы понять всю глубину и величие этого города — памятника культуры, проникнуться им, необходимы большие знания. Когда Корин отправлялся в Италию, многое он знал, но, вернувшись, захотел узнать больше. Недостаточно оказалось сочинений Павла Муратова, Ипполита Тэна, Стендаля — захотелось узнать как можно больше о римских легионах, Аппиевой дороге, о времени, в которое жили великие скульпторы и живописцы. Помогли в этом исторические сочинения. Вот очень короткий, далекий от полного перечень: «Век возрождения» — исторические сцены графа Гобино, «Летопись» Тацита, «Величие и падение Рима. Август и Великая Империя», рассказанная Г. Ферраро, Э. Тома «Рим и Империя в первые два века новой эры», Гастон Буассье «Римская религия от времен Августа до Антонинов», «Цицерон и его друзья», письма Плиния младшего и Марка Туллия Цицерона, «Рим. История и культура римского народа для любителей классической древности и для самообразования». Отдельно хочется сказать об «Истории Римской империи», сочиненной Гиббоном. Этой историей Корин особенно дорожил. Ему рекомендовал ее прочесть еще Алексей Максимович Горький, когда Корин жил у него в Сорренто и писал его

портрет, а вечерами, или гуляя, они беседовали... Корин долго охотился за полным комплектом истории Гиббона, пока, наконец, удалось ее купить, был счастлив иметь эти книги у себя, часто возвращаясь к их чтению.

Книги по искусству эпохи Возрождения занимают огромный шкаф библиотеки Корина. Это, главным образом, иностранные издания альбомного типа. Корину важно было иметь хорошие большие репродукции живописных, фресковых и мозаичных работ художников эпохи Возрождения.

Книги, купленные Кориным, если не все, то многие — живые нити, собеседники, общение с коими доставляло массу ни с чем не сравнимой радости. Они жили рядом с ним, близкие друзья, которые помогали ему общаться с дорогими образами в любую минуту. Стоило только захотеть, стоило протянуть руку, и он мог видеть изображение фресок Гирландайо, купола Новгородской Софии или киевские мозаики, седые стены Кремля.

Корин не стремился иметь в своей библиотеке прижизненные издания, хотя отлично понимал их ценность. У него было только две книги, которыми он очень дорожил. Это прижизненные издания А. С. Пушкина «Борис Годунов» и «Евгений Онегин». Вообще к редким книгам был весьма равнодушен, если они не касались вопросов, его интересующих. Но одна книжная редкость заставила его поволноваться, и он долго не мог примириться с отсутствием ее в библиотеке. Это книга воспоминаний К. А. Коровина.

Корин учился у Коровина в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Он никогда не рассказывал о том, чему именно он научился у Коровина. Своими учителями он всегда называл только М. В. Нестерова и К. П. Степанова. Но Коровин все же занимал в его жизни особое место. Корину была дорога память об этом удивительно талантливом человеке и художнике. Приходилось слышать от Корина о Коровине — о необычайной, бьющей через край жизнерадостности этого художника.— От одного общения с ним становилось легче, веселее,— вспоминал Корин. Рассказывал он и о встрече с Коровиным в Париже, когда, оторванный от страны, которую любил, он стал совсем не тем Коровиным, каким знал его Корин в годы ученичества.

Будучи в Париже, Корин попал в один из салонов в день, когда там был вернисаж. Публики собралось много, группами и в одиночку стояли люди у картин, двигались вдоль стен, говорили, смеялись. В этой обстановке, среди чужой, незнакомой публики оставалось одно: также медленно двигаться вдоль стен от картины к картине и смотреть живопись. Стены этого художественного салона, как вспоминал Корин, были бесконечно длинными. Мелькали полотна неизвестных авторов, чьи-то портреты, внимание не задерживалось ни на одном. И вдруг среди пейзажей Альпийских гор, южного берега Фран-

ции, предместий Парижа и парижских бульваров вынырнул кусочек России.

На небольшом холсте были изображены дали полей, густые заросли кустарника и светлая полоска реки. Солнце клонилось к закату, и в кустах, когда их писали, должно быть, пели птицы...

— Я смотрел на картину родного пейзажа,— вспоминал Корин,— и шум салона постепенно исчезал в тишине российских полей... Кто, кто это написал? Неужели? Я не успел мысленно назвать фамилии, как за спиной услышал голос подошедшего с кем-то человека. Произносились русские слова, чисто русские слова, и голос как будто бы знаком:

— Вот мой пейзаж,— говорил голос,— по памяти, российские поля. Там, вдали, Нерль.— Голос умолк, а спустя секунду произнес:

— Слышите, соловьи поют,— говорил Константин Коровин, и это был его пейзаж...

— До сих пор жалею, что не решился заговорить с Коровиным, это был он,— заканчивал свой рассказ Корин,— он тогда быстро отвернулся от картины и ушел вместе со своими спутниками.— И добавлял: Вот нет у меня его воспоминаний. Один букинист уже нес мне экземпляр парижского издания воспоминаний Коровина, да не донес, по пути продал одному ученому, тот его уговорил, что ли, не знаю, как получилось, а только у меня нет этой книги, никак не могу с этим примириться.

Оставшаяся после Корина библиотека не поражает своими размерами, количеством томов, она не богата особенными редкостями, она интересна как библиотека большого художника, человека высокого интеллекта, нашего великого современника.

В. М. ЛОБАНОВ

Для Виктора Михайловича Лобанова всю его долгую жизнь человек оставался источником нескончаемого интереса, предметом поклонения и восхищения. Если спросить: Чем был замечателен Лобанов? Ответ должен последовать один: — Удивительным знанием людей, умением ценить их.

Это отношение возникло не само по себе, оно родилось благодаря счастливому стечению обстоятельств. Войдя в дом В. А. Гиляровского в 1904 году (с 1913 года Лобанов становится зятем Гиляровского), Виктор Михайлович получает редкую для молодого человека возможность множества встреч с различными людьми начиная с обитателей Хитровки, беднейшего населения города и до самых ярких представителей русской культуры конца XIX и начала XX века. «Провинциальный дичок» — так сам себя называл Лобанов поры первого знакомства с Гиляровским — сумел оценить эту возможность, воспользоваться ею, проникнуться духом бесконечной любви и доброты к человеку, свойственной самому дяде Гиляю. Виктор Михайлович стал известным в Москве искусствоведом. Но изобразительное искусство он знал и любил «живьем». За каждой картиной, за каждым произведением искусства для него стоял художник, живой человек, сначала он и только потом — итог его труда.

У Лобанова есть не одна книга о В. М. Васнецове. Прежде чем написать первую, сколько раз приходил он к художнику в Троицкий переулок, поднимался на второй этаж его теремка в мастерскую, сколько долгих часов было отдано беседам с ним. Лобанов писал об Аполлинарии Васнецове—и его он знал хорошо и много лет. А «Книжная графика Е. Е. Лансере»? Она родилась благодаря немалому отрезку жизненного пути, пройденного рядом с художником. Или так хорошо известная в искусствоведческом мире книга Лобанова «Художественные группировки». Она написана потому, что автор бесконечно любил и хорошо знал тех, кто составлял затронутые в ней объединения.

Для современного поколения Виктор Михайлович был «старым москвичом». В этом понятии свой смысл, своя чарующая сила. Интересно было разговаривать с ним. О ком бы из москвичей, особенно причастных к искусству, ни зашла речь в его присутствии, он сейчас же не только называл имя и отчество упомянутого, но добавлял массу любопытных подробностей —

человек оживал, возникало ощущение его личности, обаяния, особенности...

Человек. И ушедший, он был дорог для Лобанова. И оставался жить с ним рядом в воспоминаниях, в следах встреч, клочок бумаги с когда-то наспех написанных словами кратких деловых фраз становился для Лобанова дорогой реликвией, он хранил его и оберегал, словно покой и жизнь самого человека.

Это чувство, отношение к людям руководило Лобановым в его жизненном пути. Оно же влияло и на состав его книжного собрания, в котором при всем многообразии интересов хозяина резко определяется главный — к изданиям биографическим, к книгам, посвященным жизни человека. Но сначала немного о жизни самого Лобанова.

Виктора Михайловича знали в среде художников, но знали и те, кто поклонялся книге. В последние годы жизни он организовал в московском Центральном доме работников искусств клуб любителей книги. Быстро росла известность этого клуба. Сколько незабываемых встреч, памятных вечеров принес он своим членам благодаря В. М. Лобанову. В клубе можно было увидеть и услышать В. А. Фаворского, К. Г. Паустовского, К. И. Чуковского, В. Б. Шкловского, И. Г. Эренбурга, С. В. Герасимова, В. А. Милашевского, А. Г. Коонен... Здесь можно было услышать рассказ о «Пятницах Случевского» и московских букинистах, о собрании западноевропейской живописи С. И. Щукина, о московском издательстве 20—30-х годов «Недра», о книжном собрании Г. В. Юдина... Здесь проходили вечера памяти А. Блока, А. Грина, работники Центрального государственного архива литературы и искусства рассказывали о своем собрании... Билеты клуба были настоящими художественными памятками. Какие интересные выставки устраивались к его заседаниям! Достаточно вспомнить вечер памяти художника Павла Кузнецова. Блистательна и незабываемо интересна была жизнь клуба, и вдохнул в нее эти радостные краски Виктор Михайлович Лобанов...

Он родился на Волге. На Волге родилась и любовь к книге. Ее вселила первая учительница русского языка Варвара Павловна Жолобова. Благодаря ей, благодаря ее вниманию к смышленому мальчику, стали приходить в глухое тогда (90-е годы XIX века) заволжское село Балаково первые журналы из Москвы и Петербурга.

Зимними вечерами прямо на полу, так было удобнее, рассматривались картинки «Нивы», «Вокруг света». Иной, не похожий на окружающую жизнь, мир. Он занимал, но привлекали воспроизведенные пейзажи — ведь все радости, которые получал, давала пока только природа. Позднее стали читать приложение к «Ниве», марксовские издания... Это было начало, робкое, и все же именно оно и беседы с В. П. Жолобовой породили мысль уехать в Москву, туда, где живет и действует бесконечно сказочный мир, мир, который создает книгу.

В. М. Лобанов

Когда ехал, не рвался поскорее проникнуть в этот мир. Хотел одного — учиться. Реального, которое окончил в Вольске, чувствовал — мало. В Балакове знакомый отца дал письмо к Гиляровскому, сказал:

— Поезжай, Витя, этот человек непременно поможет.

Остановился в небольшой гостинице в Брюсовском переулке (близко к месту, где жил Гиляровский) и отправился в Столешников.

Гиляровского дома не застал. Сказали, уехал на дачу. Видимо, на лице отразилась растерянность и огорчение, потому что открывший дверь добавил:

— Если очень нужен, можно догнать. Он поехал на Александровский вокзал, до отхода поезда есть время...

Владимира Алексеевича догнали, Гиляровский вернулся и оставил жить у себя Лобанова. Из глухого села Балаково, где никого ничто не интересовало, кроме собственного быта, попадает Лобанов в дом Гиляровского — один из центров московской художественной жизни. До конца дней не мог забыть он

первую встречу в этом доме — встречу с Федором Ивановичем Шаляпиным. Артист, чья слава гремела на всю Россию, рассказы о котором дошли до их Балакова, чьи фотографии в журналах рассматривались с таким интересом, а маленькая информация перерастала в событие — и вдруг он сам живой, красивый, на быстрое Гиляровского «познакомьтесь» протягивает ему руку и просто говорит:

— Шаляпин...

Разительный переход от тихого, провинциального быта к жизни, которая позволяла накапливать значительные запасы впечатлений, знаний.

В ту осень 1904 года часто вспоминали недавно скончавшегося А. П. Чехова. Кто бы ни зашел к дяде Гиляю, разговор непременно задерживался на Чехове. Лобанов не только слушал, он подолгу рассматривал книги Антона Павловича, подаренные когда-то писателем дяде Гиляю. Так впервые понял он и почувствовал значение автографа. Случалось, сначала знакомился с писателем, а потом с его книгами. Так было с И. А. Буниным, В. Я. Брюсовым... Фельетонами В. М. Дорошевича, напечатанными в «Русском слове», он зачитывался еще в Вольске, где кончал реальное училище, а тут в дом дяди Гиляя сам Дорошевич то и дело заглядывает и далеко по квартире разносится его громкий, раскатистый смех.

Книги в доме дяди Гиляя лежали везде, они встречались на каждом шагу, в любой комнате, и потом газеты, газеты... Газетное море кружило, заполняло жизнь информацией, она позволяла узнать, что делается в театре и в среде художников, книжном или музыкальном мире Москвы, Петербурга. Они, эти миры, стали самыми интересными, ими он жил, ими жили в доме В. А. Гиляровского. Какое это было раздолье, какой увлекательный чарующий бег после полусонного волжского Балакова...

Дядя Гиляй принялся за образование Лобанова со всей свойственной ему энергией и проводил его методом наглядного обучения. Он просто брал «Витю» с собой везде, где тот мог получить что-либо полезного и интересного, как Гиляровский выражался, «для мозгов».

Прежде всего это были редакции московских газет. Вскоре для Лобанова даже за короткими строками вставали их авторы, живые люди. Он познакомился близко с московскими журналистами, репортерами, метранпажами, он знал в лицо редакторов, выпускающих. И типографская краска стала одним из самых знакомых и приятных ароматов. С цехом наборщиков дядя Гиляй всегда был в дружбе и считал: тот, кто собирается посвятить себя любому виду литературы, мимо типографии пройти не имеет права.

К концу первого года пребывания в доме дяди Гиляя Лобанов знал: судьба его будет связана с газетой, с издательским делом, с искусством — только с ними...

Книги В. М. Лобанова

В том же 1904 году он начинает пробовать свои литературные силы, побуждаемый, конечно, дядей Гиляем. Сначала это маленькие, не подписанные заметки в газетах, но появляются и стихи под различными псевдонимами...

События революции 1905 года, второго года жизни Лобанова в Москве, произвели настолько сильное впечатление, что затем Виктор Михайлович до конца дней собирал все, что о них появлялось в печати. Его собственная первая книжка называлась «Революция 1905 года в русской живописи» (1922 г.).

Рассказывал Лобанов, как ему, благодаря В. А. Гиляровскому, приходилось бывать впервые на московских вернисажах

и в Петербурге в среде мирискусников, когда их организаторы отбирали состав картин для очередной выставки «Мира искусства».

Эти встречи, присутствие в качестве зрителя в сокровенный момент жизни объединения людей, чрезвычайно талантливых, людей, чьи имена не сходили со страниц петербургской и московской печати, не могли пройти бесследно для молодого человека, начинавшего знакомство с искусством живописи, графики.

Московские вернисажи, знакомство с участниками их, торжественные обеды по случаю открытия, где можно было совсем рядом, близко наблюдать и К. А. Коровина, и А. С. Степанова, встретить В. А. Серова, И. С. Остроухова или А. И. Южина... словом людей, чьи имена не требовали объяснений и определений. А только заявившие о себе, как Павел Кузнецов, Мартирос Сарьян, Аристарх Лентулов... Этот вихрь не мог не захватить и не унести в свою стихию. Он захватил и оставил себе покоренным на всю жизнь Виктора Михайловича Лобанова.

Лобанов учился в университете (выбрал юридический факультет и окончил его в 1912 году, сотрудничал в московских газетах и журналах, даже кончил в 1913 году экономический факультет Московского коммерческого института), а симпатии все больше и больше склонялись в сторону искусства, к тем, кто творил живопись, графику.

Пора молодости В. М. Лобанова — интереснейшая пора в истории развития русского искусства. Это было время, когда выходили, вызывая всеобщий интерес, такие журналы, как «Старые годы», «Аполлон», «Художественные сокровища России», «Русский библиофил» и др. Теперь не только подписки этих журналов, отдельные номера служат предметом собирания. Годы и годы тратят люди, чтобы составить комплект хотя бы одного из названных журналов... И тогда выход каждого номера был событием в художественной жизни, последующего ожидали с нетерпением. На их страницах рассказывалось об изданиях книг, о выставках, о памятниках нашей отечественной архитектуры, они информировали самым исчерпывающим образом тех, кто посвятил жизнь искусству. Прекрасно изданные, с большим количеством качественно напечатанных иллюстраций, с литературно изложенным материалом, они были занимательным чтением. К сотрудничеству в них привлекались люди талантливые, умеющие рассказать о предмете интересно и одновременно обладающие высоким уровнем знаний, высокой культурой.

Периодические издания времен молодости Лобанова и теперь остаются необходимыми для тех, кто избрал своей деятельностью искусство, книгу...

Это были 900-е годы. В книге творили чудеса графики А. Бенуа, К. Сомов, Е. Лансере, М. Добужинский, А. Остроумова-Лебедева, Е. Нарбут, С. Чехонин, Д. Митрохин...

Казалось, все забыли о пленительных заставках и буквицах древнерусских рукописных книг, творчество названных художников было так замечательно, что воспринималось как нечто новое, и оно было откровением в искусстве книжной графики.

Да, в эти годы каждая или почти каждая книга старалась превзойти, перещеголять убранством предшественницу...

Это было время вспыхнувшего интереса к книге, время создания замечательных частных книжных собраний. Множество их жертвовалось в библиотеки университетов, городов. Только в 1906 году вспомнили, что существует пушкинская библиотека, и после длительных хлопот она была, наконец, приобретена государством, она или ее остаток...

Год окончания В. М. Лобановым университета (1912 г.) совпал с выходом первого тома «Истории живописи всех времен и народов» А. Бенуа. Он был посвящен пейзажной живописи, ставшей для Лобанова любимейшей.

Оборвем рассказ о времени, когда Лобанов входил в жизнь. Но свою роль во взглядах его на искусство, книгу оно сыграло.

В самом начале литературной работы В. М. Лобанова в круг его интересов входило рецензирование новых, только что вышедших книг. Пишет рецензию Лобанов и на книгу В. А. Верещагина «Памяти прошлого».

Верещагин был одним из членов-учредителей и бессменным председателем «Кружка любителей изящных изданий», основанного в Петербурге в 1903 году, кружка, к которому в те годы проявляли немалый интерес, кроме того Верещагин был первым редактором журнала «Старые годы» и последним «Русского библиофила». Прекрасный знаток русских иллюстрированных изданий, человек большого художественного вкуса, автор первого исследования о русских иллюстрированных изданиях XVIII—XIX века (1720—1870 гг.). Занимаясь иллюстрированными изданиями прошлых лет, В. А. Верещагин видел все то прекрасное, что творили художники в его время, больше того, он привлекал их для участия в работе кружка, в содействии такой замечательной и благородной задаче, как «художественная сторона русских изданий». Благодаря В. А. Верещагину А. Н. Бенуа иллюстрировал «Медного всадника» А. С. Пушкина.

Первым изданием кружка был «Невский проспект» Н. В. Гоголя, иллюстрированный тогда молодым художником Д. Н. Кардовским. В 1914 году кружок издает «Казначейшу» Лермонтова в иллюстрациях М. Добужинского.

С 1910 года кружок «Любителей изящных изданий» стал устраивать выставки. К каждой выпускались иллюстрированные с текстом каталоги. В 1911 году на выставке кружка «Русская женщина в гравюрах и литографиях» побывал В. М. Лобанов, специально для этого отправясь в Петербург. Не пропустил он и выставки кружка «Русская жизнь в эпоху Отечественной войны», открытой по случаю столетия войны 1812 года.

С трудом, но все же сумел Лобанов приобрести каталог и той и другой выставки. Каталог первой был напечатан в количестве 350 экземпляров, а второй — 400.

В 1913 году кружок издал представляющую и поныне большой интерес и редкость книгу «Гравюра и литография», очерки по истории и технике, составленные И. И. Леманом. Купленная в год выхода, книга эта, как и остальные издания кружка, прошла с Лобановым через всю его жизнь, ценилась им, к ней возвращался он много раз, любя просто подержать в руках, полистать...

Купив «Памяти прошлого» В. А. Верещагина, В. М. Лобанов написал о ней рецензию в одной из московских газет и неожиданно для себя получил несколько строк от автора: «30 мая 1914 года, Мойка, 82. Милостивый государь! Прочитав случайно Ваш в высшей степени для меня лестный отзыв о „Памяти прошлого“, позволю себе просить Вас принять выражение моей глубочайшей признательности. Если у Вас лично моей книги не имеется, я пришлю Вам ее с особым удовольствием. Готовый к услугам В. Верещагин».

Завязалась переписка, а затем состоялась и личная встреча Лобанова с человеком, чьи знания книги, особенно иллюстрированной, могли только восхищать.

Так шло приобщение В. М. Лобанова — к тому времени журналиста, сотрудника «Русского слова» и других газет и журналов — к миру, который был беззаветно предан русской книге.

В первые годы после окончания университета В. М. Лобанов, работая журналистом, заведовал еще художественным отделом в издательстве Д. Я. Маковского.

Оно работало на полиграфической базе издательства А. И. Мамонтова и подчеркивало преемственность. Даже телеграфный адрес издательства в его проспектах, бланках давался: Москва, Мак-Мамонтов. Издательство Мак-Мамонтова оказалось для Лобанова школой, где познается мастерство художника-графика, полиграфиста. Немалую роль сыграли и встречи. Позднее период работы в издательстве вызывал в памяти сотрудничество с М. В. Добужинским, Е. Е. Лансере, Г. К. Лукомским, Н. К. Рерихом, Н. С. Самокишем и другими, с некоторыми из них (Е. Е. Лансере, Н. С. Самокиш) отношения надолго сложились дружескими.

В первые годы после революции, когда Москва наполнилась множеством маленьких издательств, Виктор Михайлович при поддержке В. А. Гиляровского тоже организовал издательство «Берендеи». Дела, связанные с работой издательства, Виктор Михайлович совмещал со службой в Государственном историческом музее, где он с 1918 года — в ученом секретариате. Издательство «Берендеи» просуществовало около года или немногим больше. Главным делом его был выпуск двух альбомов автолитографий. Сейчас издания являются библиографической

редкостью — это альбом К. Ф. Юона «Русская провинция» и А. М. Васнецова «Древняя Москва». Оба издания отпечатаны были в 7-й типографии Московского совета народного хозяйства, бывшей типографии Мак-Мамонтова, сохранившей старые традиции работы.

На глазах В. М. Лобанова в легендарные 20-е годы в Москве началась и кончилась жизнь Русского общества друзей книги. Прошло много лет, осталось мало свидетелей удивительной жизни РОДКа, но те, кто знает и любит книгу, не хотят его забывать.

Самым замечательным в РОДКе были люди, создавшие его, и культура, которой они обладали. Они сумели объединить вокруг общества, привлечь к его работе талантливые и знающие силы своего времени. В. М. Лобанов становится членом Русского общества друзей книги, присутствует на его заседаниях, сам выступает на вечере, посвященном памяти Г. Б. Якулова с докладом «Книжная иллюстрация Г. Б. Якулова».

Что можно сказать о книжном собрании Лобанова? Прежде всего — оно значительно, широк был его тематический профиль.

Но Лобанов никогда не был коллекционером, никогда не стремился к тому, чтобы иметь всю исчерпывающую литературу по тому или иному вопросу. Его библиотека — это итог жизни русского интеллигентного человека, все сознательные трудовые годы которого (В. М. Лобанов скончался 87-ми лет) были посвящены литературному труду, искусству, работе с книгой, только с ней.

Интерес к работе издательств Виктор Михайлович пронес через всю жизнь. Он следил за ней, собирая постоянно проспекты издательств и отдельных изданий. Теперь любопытно их рассматривать. Они напоминают о фактах, либо забытых, либо многим совсем не известных. В дополнение к книгам рассказывают об истории жизни издательств, во всяком случае, без них она будет далеко не полной. Как бы продолжая цепочку звена: автор, издатель, магазин (кстати, многие издательства того времени имели свои магазины или лавки), Виктор Михайлович собирал и каталоги книжных магазинов, букинистических магазинов и лавок.

Проспекты и каталоги часто привлекали и внешним оформлением. Скажем, каталог издательства «Время», май 1925 г., Ленинград. Обложку каталога выполнил художник С. Чехонин.

Покупал Лобанов и книги, посвященные типографиям. Например, «Первая русская книгопечатня справщика» (или корректора на современном языке) А. Соловьева. Историческая записка о Московской синодальной типографии. О типографиях Сытина, Левинсона, Кушнерева и др. Виктор Михайлович покупал книги, посвященные шрифтам, книжному переплету, основам набора, книжным форматам...

В. М. Лобанов начинал жизнь как журналист. Знал сотрудников московских и петербургских газет, знал с начала этого века. Мог ли он, встретившись с книгой, брошюрой, относящейся к поре его молодости, пройти мимо? Одного упоминания, нескольких строк об известных ему людях, главы или даже абзаца о газетах, в которых сотрудничал, было достаточно, чтобы он долго и упорно охотился за книгой, если не удавалось купить ее сразу, и успокаивался, когда в конце концов «доставал» — термин, вошедший в наш быт и его справедливо раздражавший.

Но при этом В. М. Лобанов никогда не стремился к тому, чтобы в его библиотеке были абсолютно все издания, посвященные русской журналистике. В его книжном собрании, если по какому-либо вопросу литература и представлена полно, это случилось не намеренно, не в результате поставленной себе цели иметь все — это происходило в силу постепенного, но систематического многолетнего пополнения библиотеки.

Одно время Виктор Михайлович расставил в своей библиотеке книги так, чтобы у него перед глазами всегда были его современники. Здесь поблескивали корешками собрания сочинений и отдельные тома И. Бунина, А. Куприна, Л. Андреева, М. Горького, А. Блока, В. Брюсова, А. Белого, В. Вересаева, К. Паустовского... И как же было пройти мимо книг о них? Как было не купить воспоминаний, где им посвящалось хотя бы несколько строк, не говоря о страницах или главах? Лобанов не проходил.

Были у Виктора Михайловича излюбленные имена среди классиков русской литературы — И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь, А. Н. Островский, Н. С. Лесков. Издания сочинений этих писателей полные, избранные, сборники рассказов покупались им почти обязательно. Стоило изданию чуть отличаться от предшествующего — новые комментарии, включены вещи, ранее не вошедшие, вступительная статья написана высококвалифицированным историком литературы, иллюстрации интересного художника — словом, предлогов всегда было достаточно,— и очередное собрание сочинений или просто отдельно изданный роман, повесть, рассказы непременно покупались.

Поэзия шла рядом всю жизнь, ее он собирал всегда и почти все, и сам всю жизнь писал стихи. Любил и покупал художественные издания и вообще всегда оставался внимателен к тому, в каком виде вошла книга в жизнь или должна войти... Он словно не забывал и здесь пословицы, которую часто повторял в быту: «по одежке встречают, по уму провожают...» Когда в руки его попадала книга, он долго разглядывал корешок переплета, обложку, отмечал для себя, как сброшюрована книга,— этому придавал большое значение, плохо сброшюрованные книги быстро ломаются, у них не лежат как надо страницы, всегда обращал внимание на шрифт.

Виктор Михайлович подбирал издания русской классической литературы военного времени. До жалости скромные издания, отпечатанные на серой бумаге. Редко попадались иллюстрированные издания классиков в войну, тем более в первые ее годы, но классики русской литературы постоянно издавались, постоянно поступали на книжный рынок внешне скромные, простые, но великие творения великих сынов русского народа. В библиотеке Виктора Михайловича, наполненной книгами по искусству, хорошо изданными книгами, они выглядели случайным, по ошибке заглянувшим гостем, бедными родственниками. Но он ни за что не хотел с ними расставаться. На вопрос, зачем Вам нужны так неинтересно изданные «Записки охотника» Тургенева или «Капитанская дочка» Пушкина, тем более, что этих «Записок» у Вас тьма, зачем дубликаты, наконец? — Лобанов не отвечал. Он смотрел на говорившего с жалостью, как зрячий на слепого. На еще более решительные заявления: — Вам надо почистить библиотеку, освободиться от неинтересных изданий,— он отвечал, как бы говоря сам с собой, размышляя, что ли: — Не ведаем, что творим...

На упреки по поводу книг военных лет Виктор Михайлович отвечал: — Это память тяжелого времени, диво, что выходили такие, это один из живых следов горя и героизма, ими не пренебрегать, их беречь надо...

Интересно, что все эти издания были им прочтены тогда же в годы войны. В. М. Лобанов никуда не уезжал из Москвы, всю войну работал ученым секретарем Оргкомитета Союза художников СССР, а вечерами, возвратившись домой, часто под звуки зениток и медленно закипавшего чайника, читал «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя или «Отцы и дети» Тургенева, читал в этих дешевых, спешно выпущенных изданиях, читал внимательно с карандашом, подчеркивая многие места, в который раз наслаждаясь родным русским языком.

Одно время В. М. Лобанов переплетал особенно дорогие ему книги. Скромно, не в кожу, ею отделывались только уголки и корешки, весь же переплет был в коленкоре иногда вишневого, иногда синего тона. Позднее от этого приятного обычая пришлось отказаться, как и от составления каталога, но Лобанов никогда не отказывался от покупки книг. В быту, в своих личных потребностях Виктор Михайлович был скромен. Он мог отказать себе и отказывал во многом, кроме общения с людьми и постоянного пополнения библиотеки. Купить новую, только что вышедшую книгу, посидеть вечерком за стаканом чая, случалось, и за рюмкой сухого красного вина, с людьми, хорошо знакомыми или мало известными,— неважно, но это были две самые сильные жизненные привязанности Виктора Михайловича.

На склоне лет жизни Виктора Михайловича давно миновала пора, когда он покупал каталоги таких известных книжных собраний, как Д. В. Ульянинского, А. А. Бахрушина, когда ста-

Каталоги со статьями В. М. Лобанова

рался в меру сил и возможностей придавать ей образцовый порядок. Некоторые книги той поры сохранились в двух экземплярах — один читался, а другой оставался неразрезанным... Миновала пора острой увлеченности иллюстрированными изданиями, правда, до конца она себя не изжила, он отказался от собирательства периодических изданий (хотя бы частично), но от чего никогда, ни при каких обстоятельствах Лобанов не отказывался, так это от пополнения библиотеки персоналий...

Постоянная тяга к людям, желание встретиться, поговорить, объяснялось глубоким жизненным убеждением: среди всех чудес на земле самое замечательное чудо — человек. Именно поэтому основная линия библиотеки Виктора Михайловича при множестве других со временем вылилась в подбор книг биографического характера и в первую очередь о художниках.

Все написанные В. М. Лобановым книги посвящены художникам, художественной жизни Москвы. Но книгами не исчерпывается его труд. Виктор Михайлович оставил огромное литературное наследие, разбросанное в виде статей к каталогам выставок художников и статей о выставках и художниках в периодической печати. Знакомство с искусством началось у Лобанова со встреч с мастерами живописи, но он не превратился в почитателя только больших талантов. Совсем нет. На страницах наших газет и журналов разбросано огромное количество его небольших, скромных и всегда доброжелательных статей, обращенных к тем, кто составляет не праздник искусства, а его будни...

Виктор Михайлович жил среди художников, труд которых высоко ценил. Немало прошло их, молодых и старых, известных и неизвестных перед его глазами, многие бывали в его доме. Как часто возникали споры в его присутствии! Как и в дни молодости Лобанова, новое поколение горячо и увлеченно держало речь об искусстве и его судьбе. На склоне лет Виктор Михайлович слушал спокойно, никогда не мешал выговориться и лишь иногда замечал:

— Не беспокойтесь об искусстве, оно свое возьмет, не погибнет и не погубят его, вы о людях думайте, о художниках, им каждый день есть надо...

За словом «художник» Виктор Михайлович видел конкретных, знакомых ему людей, с их волнениями, заботами, стремлениями, радостями, достижениями и горечью неудач. Собирая о них материал, он не ограничивался только монографиями большими или малыми, буклетами. Постоянно пополнял он этот раздел персоналий журнальными и газетными вырезками, записями бесед с художниками. Работая над очередной книгой, а то и просто в свободные вечерние часы, Виктор Михайлович часто отправлялся в библиотеку Исторического музея или в Ленинскую и проводил там многие часы, просматривая периодику в первую очередь конца XIX и начала XX в. Отыскивая нужный материал, Лобанов не пропускал биографического о людях искусства, о художниках. Он систематически записывал его в отдельные тетради, которых много накопилось. Часть из них он успел расшить и разложить по папкам с биографиями художников. Иные биографические сведения о художниках он вносил прямо в книги о них. Например, биографический словарь Ф. И. Булгакова «Наши художники» (Спб., 1889 г., издание Суворина), «Словарь русских художников» Н. П. Собко в собрании Лобанова содержат много дополнительных сведений, раздобытых и вписанных рукой Виктора Михайловича.

В 30-е годы Лобанов собрал и составил книгу биографий советских художников. Набранная и даже в какой-то части тиража напечатанная, она не вышла, но в нескольких экземплярах существует как след огромной работы В. М. Лобанова по

составлению биографий художников. Это было первое такое справочное издание в советское время.

Неудача с книгой не остановила В. М. Лобанова. Он и дальше продолжал собирать биографические материалы о художниках, его современниках, а это значило за отрезок времени более чем полувековой давности. Иногда он просил художников написать свои автобиографии, иногда записывал их рассказ сам и подбирал затем все в одну, посвященную художнику папку. Зная, например, художника А. П. Могилевского, он не пропустил бы книги или статьи о нем, не бросил бы пригласительного билета на выставку «Искусство книги», устроенную Государственным Румянцевским музеем в марте 1923 года: билет оформил А. П. Могилевский и потому это штрих к его биографии, а не только художественная памятка.

Собирал Лобанов и каталоги выставок, как персональных, так и групповых, крупных объединений и более малых. Они были дополнением и значительным к биографиям художников. Случалось в течение большой жизни Виктора Михайловича, устраивались в МОССХе выставки, не имеющие каталога, тогда Лобанов составлял каталог сам от руки. Собирал Виктор Михайлович и отзывы о выставках, появлявшиеся в периодической печати, иногда стенограммы обсуждений выставок.

Итог этой более чем полувековой работы — еще не опубликованные воспоминания В. М. Лобанова «Полвека среди художников».

Библиотека Виктора Михайловича осталась в его семье. Она жива, как он того и хотел, она пополняется, она служит тому же делу, которому Лобанов отдал жизнь: истории русского и советского искусства.

А. М. МАКАРОВ

Большая Екатерининская улица в Москве доживает свои последние годы. По обе стороны ее выстроились в покосившийся ряд небольшие двухэтажные деревянные дома. В одном из них провел свою жизнь Александр Михайлович Макаров. Он умер больше десятка лет тому назад, но те, кто имеет солидный стаж книжного собирательства, хорошо знают и помнят Макарова, большого друга книги, скромного москвича, высоко порядочного и доброжелательного человека. Чтобы вполне оценить дело его жизни, надо заглянуть в военный отдел Государственной библиотеки СССР имени Владимира Ильича Ленина. Здесь теперь хранится собрание А. М. Макарова, посвященное истории русской армии. Составляя его, Макаров воздвиг памятник, не стремясь к славе, а просто ежедневно, всю жизнь трудясь.

Сколько надо было затратить времени, усилий, чтобы собрать 12 000 портретов служивших в русской армии, лиц командного состава и отличившихся рядовых. Собрать, каждый наклеить на отдельное паспарту, разыскать и дать сведения к портрету, кто, откуда, где служил, чем замечателен,— а они далеко не всегда сопровождали портрет. Макаров собирал портреты везде, где мог,— покупал открытки, гравюры, разрозненные номера старых журналов и целые комплекты и работал, работал, работал. Вечером, возвратившись со службы, он снимал пиджак, надевал домашнюю куртку и, вооружившись ножницами, клеем и плотной серой бумагой, сначала готовил из нее одинакового размера паспарту, а затем наклеивал вырезанные портреты. Если под портретом имелась аннотация, он наклеивал и ее, если сведения собирал Макаров, он вписывал их на обратной стороне паспарту. Часто приходилось производить изыскания. Наклеенные на паспарту и аннотированные портреты подкладывались в алфавитном порядке и затем покоились в специально заказанных им папках.

Портретная галерея эта начинается с изображения «первого русского солдата Сергея Леонтьева сына Бухвостова». Портретов С. Л. Бухвостова несколько — все это редчайшие гравюры. На одной из них надпись: «1688 года ноября 30 при начале военно-потешной службы первейшим в оную самопроизвольно предстал, потому государь Петр Великий тогда же сим пер-

венством почтить его соизволил. Служа потом в лейб-гвардии Преображенском полку до обер-офицера был в разных баталиях и многократно ранен... жил до 80-ти лет... был росту среднего, силен, тверд, скромен и весьма воздержан».

И далее:

...Плащи да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.

Двенадцать тысяч отличившихся со времен возникновения регулярной русской армии и ее первого солдата Сергея Бухвостова.

Этой огромной работой, которую А. М. Макаров выполнял всю жизнь, которой, кроме него, никто никогда не занимался, теперь пользуются в читальном зале военного отдела Ленинской библиотеки ЕЖЕДНЕВНО.

Всю жизнь неотступно собирал Александр Михайлович ордена, памятные медали и полковые знаки отличия. Они рассказывают об истории и военной славе русской армии с начала ее существования и до 1917 года и хранятся в шкафу, где около десятка ящиков. Каждый разделен на гнезда, а в них покоится набор золотых крестов, коими награждали отличившихся в суворовских походах, кресты за взятие Измаила, Очакова, Праги, георгиевские кресты всех времен. Медали, не наградные, а памятные: выпускаемые, скажем, в память взятия Азова, в память Полтавского сражения — наглядная картина славы русского оружия. Насколько известно, только два музея имеют более полное собрание этих медалей, чем макаровское — Эрмитаж и Русский музей.

Александр Михайлович собирал полковые знаки отличия, которые возникли в конце XIX века; особенно много их появилось в начале XX. Они составляют особенно драгоценную часть коллекции: неизвестно, чтобы кто-нибудь еще собирал эту редкость. На одном из таких полковых нагрудных знаков в центре изображена фигура с факелом в руке — это солдат Архип Осипов, в честь которого был создан знак. Архип Осипов служил в 77-м пехотном Тенгинском полку. Однажды укрепление, в котором находился полк, окружил враг и стал прорываться в крепость. Архип Осипов выждал момент, когда все основные силы врага оказались в крепости, и бросился с горящим факелом в пороховой погреб. Погиб Осипов, погибли его товарищи, но погибли и враги... В память о подвиге русского солдата был выбит нагрудный знак. Его носили и солдаты и офицеры 77-го Тенгинского полка. В роте, где служил раньше Архип Осипов, вспоминали его имя ежедневно. Дежурный по роте при вечерней поверке произносил:

— Архип Осипов,— и раздавался ответ правофлангового:

— Погиб во славу русского оружия.

Знаков более 400. Историю каждого из них Александр Михайлович рассказал в специальной работе, она хранится в во-

енном отделе Ленинской библиотеки в том же шкафу, где и знаки, и ждет публикации. Но все это только детали памятника, основа которого была заложена намного раньше, чем начали собираться портреты и памятные медали.

Александр Михайлович Макаров родился в Москве у Покровских ворот в доме Чибисова в 1891 году. В семье было восемь человек детей, среди сыновей Александр Михайлович старший. Мать занималась домом и детьми, а отец служил в ресторанах «Эрмитаж», а затем «Метрополь» дегустатором блюд.

Кончив 1-е городское Сыромятнинское трехклассное училище, сын калужского крестьянина А. М. Макаров поступил в Торговую школу С. В. Петржевского на Басманной. Она выпустила его в жизнь бухгалтером в 1911 году. Этот короткий рассказ о детстве, семье и образовании Александра Михайловича удалось восстановить из сохранившихся документов и воспоминаний главным образом его младшего брата. С 1911 года Александр Михайлович живет и работает в Казани помощником бухгалтера в конторе завода товарищества братьев Крестовниковых. Правление этого товарищества находилось в Москве, оно и направило Александра Михайловича, кончившего школу Петржевского, на работу в свое отделение, в Казань.

Война 1914 года нарушила мирное течение жизни. Был призван в армию брат Иван, вскоре он пропал без вести. Призвался в армию и Александр Михайлович. Зрение у него было слабым, и он попадает в 88-й запасной батальон 2-й роты 2-го взвода. Служба вылилась в бесконечные переводы из госпиталя в батальон и обратно, задолго до окончания войны ратник Макаров был освобожден, но успел близко познакомиться со всеми превратностями военной жизни.

Еще в Казани А. М. Макаров начинает составлять свою библиотеку. В письме к брату в 1912 году он сообщает: «Кстати, я подписался на Толстого, заплатил два рубля и буду платить по одному рублю пятидесяти копеек в месяц. У нас здесь в заводе была на него коллективная подписка».

И в те годы Александр Михайлович в семье в вопросах «книжного собирательства» или пополнения домашней библиотеки — признанный авторитет. Именно его спрашивает брат: «Мне хочется знать твое мнение относительно моей подписки на „Вестник знания“. Хорошо я сделал, что подписался на него, а не на „Ниву“ или нет?»

В Казани А. М. Макаров успел составить значительное книжное собрание пока только русской классической литературы. Вернувшись с военной службы, перенеся горе гибели одного из своих братьев, познакомившись с жизнью и бытом военных, Александр Михайлович раз и навсегда стал на путь собирательства военной литературы.

Сколько времени пробыл Александр Михайлович в Казани и куда еще забрасывала его жизнь в период до 1919 года —

точно не известно. Но с этого года он поселяется в Москве, где и остается до конца своих дней.

Отныне и навсегда он посвящает себя делу, равному подвигу. День за днем, год за годом, целую жизнь собирал он материалы о русской армии, о славе русского оружия, о костюме воинов русской армии. Сам А. М. Макаров говорил, что собирает «...только то, что касается формы, знаков отличия, традиций и так далее. Изучением вопроса военной науки я не занимался».

Собрание А. М. Макарова безусловно переросло те рамки, которые он сам ему определил. Истории полков, памятные книжки, портретная картотека, вырезки, воинские уставы, военная энциклопедия, редкие книги, как, например, «Наука побеждать» А. В. Суворова и многое другое, всего не перечислишь... Собрание его вырастает в бесценный источник для всех занимающихся историей русской армии.

Первый год жизни в Москве посвящен был приобретению Военной энциклопедии. Александр Михайлович понимает: справочная литература нужна в первую очередь и подбирает по томам комплект, полный экземпляр ему сразу приобрести не удалось. Но центром его внимания были уже истории полков.

Полки в русской армии начали свое существование, как, впрочем, и русская регулярная кадровая армия, с Петра I, с его сначала потешных, а затем боевых полков Семеновского и Преображенского.

В инвентарной книге Александр Михайлович регулярно регистрировал все приобретения. Первая книга, связанная с историей и жизнью полков, куплена в 1916 году на Сухаревке — Н. П. Синицын «Преображенск и окружающая его местность». Этот вид литературы сравнительно новый. Он появился где-то в середине XIX века. Существовали и до этого времени истории некоторых полков, но это были экземпляры в единственном рукописном варианте. Очень пышно расцвела литература эта к 900-м годам, когда каждый из полков считал делом чести иметь свою историю изданной. В 1909 году в Петербурге вышел «Перечень историй и памяток войсковых частей», составленный А. Григоровичем. Эта книга и служила Александру Михайловичу ориентиром в подборе историй русских полков. Тираж их был чрезвычайно мал, о тираже их и нельзя говорить. Они печатались в определенном количестве номеров с расчетом на внутреннее полковое потребление и несколько запасных экземпляров. Издания носили парадный характер, печатались на великолепной бумаге, обильно иллюстрировались и с художественной стороны интересны.

Большинство историй полков А. М. Макаров приобрел в начале 20-х годов в магазине «Международная книга», где работал тогда известный московский букинист П. П. Шибанов. Но пополнял их всю жизнь. Правда, с годами подобная литература все реже и реже попадалась у букинистов. Истории пол-

ков середины и начала века были рукописными. Их, разумеется, дошло еще меньше.

Гордостью макаровского собрания был рукописный экземпляр истории Чугуевского полка или, точнее: «Статистическое описание и история Чугуевского уланского полка». Точный год ее создания неизвестен, но, по-видимому, начало 30-х годов XIX века. История полка иллюстрирована неведомым художником-акварелистом. Привлекает четкость рисунка и насыщенность цвета. Здесь можно увидеть и герб на знамени чугуевских казаков и калмыков, чугуевского казака 1748 года, причем мельчайшие детали его костюма различимы, нарисованы казаки 1761 и 1774 годов, знаменщик, офицеры и уланы — последующих лет. К рукописной истории полка прилагаются две выполненные от руки географические карты Чугуева начала 30-х годов XIX в.

Литературная часть этой рукописной истории полка интересна даже не посвященному в военные вопросы. Дается описание Чугуева. Рассказывается об окрестностях его, о населении, о землях, лесах и промышленности, о нравах и обычаях. Краткое обозрение перехода жителей в военное поселение, «Разные указы о привилегиях, преимуществах и переменах в устройстве и образовании полка и города Чугуева» и только после — историческая хроника полка. Это рукописная книга о жизни, быте, местности и людях края. «...Река Донец,— пишет автор Истории Чугуевского полка,— в весеннее возвышение была судоходною и пониже Белгорода назначено было первое место нагрузки под именем Маслова пристань. Лет за пятьдесят были еще старики, помнившие, как проходили нагруженные струга мимо Чугуева. Ниже Чугуева по всему течению плотин не было, и рыба свободно проходила из Дона во времена половодья. Давно старики пересказывали, что когда-то был пойман осетер... Бродов через Донец при уменьшении воды около Чугуева было только два: один, который и теперь есть на конце Фурштадской улицы под названием Камникова, другой,— где была старая Малиновка,— теперь сухое место. После поворота Донца вправо оба брода по Писцовой книге названы Татарскими перелазами, а ныне в летнее время во многих местах переехать и перейти Донец можно. Звери были по пересказам во многом числе медведи, лисицы, куницы, барсуки, сурки, свиньи, козы и выдры». К слову «медведи» следует примечание: «Медведи лет за тридцать еще были около Чугуева, волки и лисицы есть, а куницы с улучшением лесов опять появились, сурки кое-где есть, дикие свиньи давно перевелись, козы кое-где есть, а бобры давно переловлены...» «Из птиц,— продолжает автор Истории Чугуевского полка,— примечательно множество лебедей, которые досель иногда во время половодья навещают древнюю свою родину». Здесь следует примечание: «Карамзин от Чугуева до г. Сум назвал сторону сию Лебедию». Любопытны подробности жизни людей края: «...Старость была в большом

почтении, отцы и матери приказывали маленьким детям непременно вставать перед стариками и при встрече скидывать шапки, а девочкам — чтобы кланялись старикам. Старик, заслуживший в улице своей особенное уважение, имел право всех детей своего околодка, увидя их шалость, потрепать за волосы и посечь розгою: отцы и матери, узнавши сие, благодарили такого старика».

Описания полков, созданные в более поздние времена, тоже содержат подобный справочно-краеведческий материал и потому, помимо специального интереса, являются документами времени, чем-то вроде краеведческой литературы, изданиями, любопытными не только с точки зрения истории какого-то полка.

Хранит фонд военного отдела Ленинской библиотеки и «Памятные книжки», собранные А. М. Макаровым. Они тоже изящно издавались и посвящались сведениям из жизни военных ведомств за каждый год.

Если взять в руки «Памятную книжку» 1856 года, то по ней можно точно восстановить полную картину расположения войск в год Крымской войны, узнать о командном составе действующей армии, о резервных и запасных войсках армейской пехоты, о резервной кавалерии, сведения о морском ведомстве, точно установить, кто в этом 1856 году был командиром черноморской гардемаринской роты или кто был командиром портов Кронштадтского, Архангельского, и многое другое. Словом, «Памятные книжки» — это тоже история русской армии.

Но и этим не ограничился А. М. Макаров. Из журналов и других источников он отбирал биографические очерки или рассказы о героизме во время военных действий, о самоотверженности русских солдат и командиров, словом, все, что могло дополнить портретную галерею или истории полков. Каждый такой рассказ, биографическую справку или более развернутую биографию он переплетал в небольшую книжку. Таким образом составлялся огромный справочный материал. Сколько надо потратить труда при отсутствии библиографических справочников, чтобы отыскать публикации о том же генерале Скобелеве. У А. М. Макарова можно было сразу отыскать и получить все в собранном, выделенном в отдельную единицу, виде.

Собрание А. М. Макарова драгоценно и своими автографами. Интересно была приобретена часть из них. Июльским днем в начале 20-х годов попал Александр Михайлович на какую-то из московских толкучек. С лотком клубники на голове сновал между толпившимся народом подросток и предлагал спелую, аппетитную ягоду. Александр Михайлович решил купить. Чтобы насыпать стакан ягод, подросток достал из-за пазухи небольшой рулон бумаг. Когда он стал отделять лист, Александру Михайловичу почерк, заполнявший пожелтевшую старую бумагу, показался интересным; взглянув, Макаров вместо клубники купил у паренька весь сверток. Один из листов этого

свертка: «Господин майор Лопухин. Именем его императорского величества и властью, высочайше мне вверенной, в справедливом уважении к отличной храбрости вашей в сражении 7, 11, 14, 15, и 17 августа 1813 года, оказанной, по свидетельству генерала от инфантерии графа Ланжерона, препровождаю к вам золотую шпагу с надписью за храбрость. Главнокомандующий армиями генерал-фельдмаршал Барклай-де-Толли».

А разве не любопытен отчет Барклая-де-Толли от 24 марта 1815 г. «Что стоила война с французами 1812, 1813, 1814 гг.?» или «Обращение к калужскому купеческому и мещанскому обществам», подписанное Михаилом Кутузовым...

Собрание А. М. Макарова уникально. Начать хотя бы с полного экземпляра редчайшего издания «Историческое описание одежды и вооружения российских войск». И. И. Лазаревский в книге «Среди коллекционеров» ставит его на первое место «по степени своей редкости и художественности...». Текст и рисунки этого издания размещаются в тридцати с лишним больших томах. Оно выходило в течение многих лет и полностью встречается редко. До революции было известно всего три экземпляра: об этом говорит тоже И. И. Лазаревский. И добавляет: «...даже Императорская публичная библиотека не может похвастаться тем, что это издание хранится у нее полностью».

Необходимы были людям те сведения, которые собрал А. М. Макаров. Сколько раз обращались к нему литературоведы, составляя комментарии к тем или иным литературным памятникам. Вот отрывки из писем известного нашего литератора Николая Сергеевича Ашукина. «...16/XI—48 г. ...объясните, какая форма (парадная или обыкновенная) была у подполковника Смоленского драгунского полка. Эти сведения нужны художнику Н. П. Ульянову, который работает над картиной «Встреча Пушкина с Пестелем в 1821 году»... Так как сведения нужны для художника, опишите подробно, какого цвета мундир и др. Если существуют рисунки красочные, укажите, где их найти. Имеется ли история Вятского полка... И еще, мог ли Пестель, будучи подполковником, носить аксельбанты?»

Москва, 1954 год, опять от Н. С. Ашукина: «...Дорогой Александр Михайлович, обращаюсь к вам за разъяснением. У Грибоедова в «Горе от ума» Скалозуб говорит:

В тринадцатом году мы отличались с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом,

И он и брат получили ордена

За третье августа; засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.

За что же они получили ордена? В каком сраженье 3 августа 1813 года участвовал 30-й егерский или 45-й? Какие могли быть ордена с бантом и на шею? Что такое бант?» И позднее

от Ашукина: «...Очень благодарю вас, дорогой Александр Михайлович, за справки об егерских полках и орденах. Они подтверждают сведения, сообщенные одним из комментаторов «Горе от ума». Но этот комментатор пишет еще, что 30-й и 45-й егерские полки находились в резерве и с августа 1813 года были на отдыхе под Смоленском. Откуда он мог добыть сведения об отдыхе?»

И еще два отрывка из писем Николая Сергеевича к Макарову. «...Какие есть сборники старых солдатских песен? Мне нужны песни, сложенные в 1812—1815 гг. Не существует ли такая, в которой говорится о Париже, причем называется он «местечком». Может быть, в истории полков, бывших в 1814 году в Париже, можно найти нужную мне песню?» «...Разъясните мне одно выражение в поэме „Монго“ Лермонтова.

Имел он гладкую посадку,
Неловко гнулся наперед
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот...

Что значит „тянуть или не тянуть ноги в пятку?“»

Даже эти, приведенные для примера, вопросы к А. М. Макарову показывают, как много значили его знания, как они были нужны вместе с его собранием.

Александр Михайлович Макаров был последним секретарем Русского общества друзей книги в Москве. И в этой должности снискал себе почет и уважение членов общества. Но это отдельная, большая страница жизни, которая будет рассказана другими.

В военном отделе библиотеки имени В. И. Ленина, организованном в 1929 г. на основе библиотеки Главного и Генерального штаба русской армии (до революции считалась лучшей военной библиотекой) все собрание, поступившее от А. М. Макарова, хранится выделенным фондом. Оно никоим образом не смешивается с другими. Книги Макарова миновал и так называемый «крепостной порядок», т. е. расстановка на полках по росту из-за отсутствия места. Немало прекрасных приобретений поступило в отдел, где оно хранится, за время его существования. Сейчас фонд насчитывает полмиллиона томов. И все же сотрудники отдела, преклоняясь перед трудом и ценностью работы А. М. Макарова, намерены отвести для собрания его отдельную комнату и создать в ней музей — памятник А. М. Макарову.

А. Н. ЗУЕВ

Александр Никанорович Зуев был писателем. Это знают. Но он не известен как путешественник. Правда, Зуев не открыл новых морей, островов, не пересекал знаменитых своей суровостью пустынь или джунглей. Но он любил каждый кусочек родной земли. Любая новая деревня была ему интересна, новый проселок манил к себе неотступно и настоятельно. И разве не был он путешественником, когда пересекал новое для себя поле, в конце которого виднелся нежный хоровод русских берез. А там за полем, смотришь, деревня, в которой тоже никогда не был. Хорошо посидеть на скамейке у ворот и потолковать о житье-бытье с какой-нибудь старушкой или с то бойкой, то робкой детворой. Хорошо!

А потом снова дорога. Только обратный путь должен быть другим.

— А пошто тебе другая дорога,— спросит, прищурившись, собеседник,— иди той же. Все одно: лес да поле, поле да лес.

— Нет, не все одно, все разное,— скажет Зуев,— что ни елка, то своя примета, а березы... они как девушки в хороводе: со стороны — все красивы, пригожи, а приглядись — и каждая хороша по-своему.

— Ишь ты,— покачает головой слушавший,— ну, тогда иди вот той тропой, она выведет...

Так и ходил А. Н. Зуев по земле русской, любя ее больше всего на свете, совершая ежегодно и ежедневно для себя новые путешествия, новые открытия. Он даже домой или в редакции старался ходить разными дорогами, хоть в чем-нибудь изменял маршрут.

Еще об удивительном спокойствии Зуева. Откуда оно? Кто наградил его им — север ли Архангельской области, где он родился? Или жизнь научила этой мудрости? Собеседника он слушал внимательно. Спокойно и открыто смотрел в глаза, чуть попыхивая трубкой, пока тот говорил. И даже если приходилось услышать совсем не располагающее к спокойствию, неприятность, бестактность, не возмущался. Это было не равнодушие, нет, но мудрое спокойствие и терпимость сильного.

В автобиографии А. Н. Зуев писал: «Мне кажется, я видел пределы человеческого унижения». И северная родина, и жизненные невзгоды, которых хватил он через край вместе со сча-

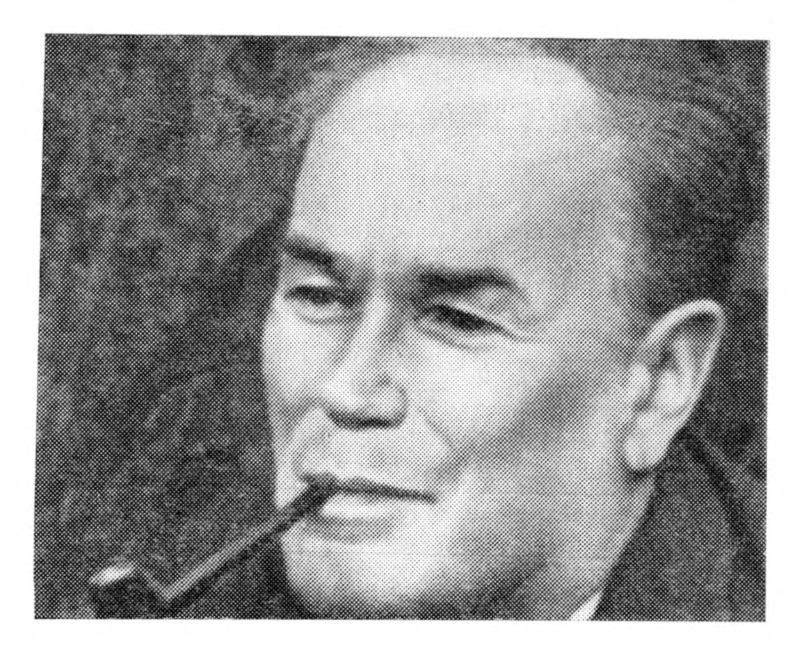
стьем — оно тоже светило ему, и не так уж редко — все вместе создало его мудрое отношение к людям и жизни. Кажется, именно это спокойствие, необычное терпение в первую очередь обратило Никанорыча, так звали его друзья, на путь собирания рукописных книг.

За ними стояло все то же, только скрытое в строках, путешествие человека по земле, которую сам Никанорыч так любил. Тоненькая, пожелтевшая, истрепанная самодельная тетрадка, просто сшитые листки, исписанные трудно разбираемыми словами, незнакомым чужим почерком человека, жившего в XVII—XVIII вв., еще раньше или позднее (неважно),— они были ему интересны. За ними стояли века, они открывали жизнь, быт другого времени, обычаи, радости и беды, привычки и характер. Они звали его в новое путешествие.

Встретив невзрачные, замусоленные и потрепанные листы, сколько людей проходило мимо, даже не взглянув или презрительно толкнув ногой: хлам какой-то, старье, грязь! А. Н. Зуев не принадлежал к их числу. Там, где иной, читая, не увидел бы ничего, для Александра Никаноровича вставала человеческая жизнь, отраженная в подчас немудром, но всегда искреннем, правдивом сочинении. Чтобы прочесть эти старые рукописные книги, надобно было обладать гораздо большим, чем просто умение читать, требовалось огромное терпение, глубокий интерес к истории, жизни своего народа, его обычаям, культуре.

Ему было всего 24 года, когда отправился он в экспедицию на север за старинными русскими песнями. Шел 1920 год, казалось бы, не до песен, тем более старинных, но были люди, которые понимали — нельзя терять их вместе со стариками, доживающими свой век по деревням. В них наш быт, жизнь, история. Экспедицию снарядил Народный комиссариат просвещения. Возглавляла ее известная собирательница русского народного творчества, большой друг знаменитого химика Дмитрия Ивановича Менделеева, Ольга Озаровская. «Далекий лесной край,— пишет Зуев в своем чудесном неопубликованном очерке об этой экспедиции.— Долго пробирались мы по пустынной реке в золотом царстве осени. Кутались от дождя и ветра в старые заплатанные паруса. Одни журавлиные косяки оглашали прощальными криками эту лесную пустыню. „Из Москвы за песнями“,— опережая нас, бежал слушок по старинным русским поселениям на реке Кулой. Встречали нас приветливо. Здесь умели ценить песенную старину. В каждой деревне выискивались старики и старухи, помнившие с голоса дедов и бабок богатырские былины, исторические песни, духовные стихи, обряды и любовные запевки, хитросплетенные сказки и повести. Немало прошло перед нами певцов и рассказчиков — хранителей древнего народного искусства».

И хотя Зуев родился и вырос на севере, это был иной, не знакомый ранее мир, полный неискушенного доверия, неисчерпаемой доброты, странной для XX века наивности. Зуев слушал

А. Н. Зуев

и не мог наслушаться, смотрел и не мог насмотреться на эти живые книги — склады народной мудрости, наблюдательности, тонкого ума и глубокой прозорливости. Сколько поэзии, какой жизненный опыт хранили в себе старые люди со сморщенными временем лицами.

«Мы записывали все,— вспоминал Зуев,— былины, духовные стихи, песни, сказки, пословицы, прибаутки, загадки, колдовские заговоры, поверья, приметы, колыбайки детские „считалки", частушки (здесь их называли „перегудками")... Как радовалась наша руководительница (О. Озаровская.— Е. К.), если кому-нибудь удавалось принести какую-либо новую „жемчужинку". Помню, с каким умилением скандировала она вновь записанную „перегудку".

Тихая, печальная,
Горит свеча венчальная,
Горела, да растаяла,
Жалела, да оставила...

— Какая прелесть! — восклицала Ольга Эрастовна. — Сколько глубокого лиризма в ней! И ведь подумайте: всего четыре строчки. А какая музыка! И мы все повторяли за ней хором: „Тихая, печальная, горит свеча венчальная..." Учились

находить блестки народного таланта даже в таком расхожем жанре, как частушки».

В этом путешествии-экспедиции Александр Никанорович слушал знаменитую северную сказительницу Марью Дмитриевну Кривополенову.

«Впечатление от этой поездки на север,— пишет Зуев,— навсегда отложилось в моей памяти. Казалось, мы прошли по живым следам былинных калик и веселых скоморохов. В ушах наших пускай отдаленным эхом прозвучала громогласная старина. Мы чувствовали древнюю Русь в величественных распевах былин и стихов, в мирных ритмах сказа, в ярко образном народном говоре... С уважением смотрели мы на убеленных сединами певцов и певиц. Бережно донесли они до наших дней остатки великого народного искусства».

Александр Никанорович был поражен всем виденным, даже выполнил и привез из поездки серию рисунков. Здесь были и «Экспедиция в пути по Кулою», портреты и наброски встреченных лиц, прежде всего сказителей. Рисунки затем служили художнику Л. С. Хижинскому материалом для иллюстрации книги О. Э. Озаровской «Пятиречье», выпущенной в Ленинграде в 1931 году.

На севере, в деревнях, что лежали по Кулою, и встретился Александр Никанорович с рукописными книгами. Правда, это была не первая встреча. Он видел рукописные книги в детстве. В семье они хранились как наследие рано умершего отца — он оберегал их, пожелтевшие, ставшие коричневыми. Внешне они мало были похожи на те, которые Зуев сам читал, и долгое время для него оставалось загадкой, почему те, отцовские, называли книгами. Ему объяснили, что в далекой древности не было станков, а когда они появились, не все могли ими воспользоваться, поэтому книги писали от руки; но удивление оставалось.

Цепкая память не теряла детских впечатлений... Зуев стал спрашивать у местных жителей, нет ли рукописных книг — и нашел. В разных местах, главным образом на чердаках старых, вросших в землю домов. Некоторые книги или остатки их были в таком плачевном виде, что никакие усилия не помогали разобрать то, чем заполнены их страницы. С досадой и разочарованием откладывал их Зуев. Он не знал тогда, какие чудеса способны совершить реставраторы. Было только жаль, что не оказалось книгам более почетного места, чем чердак. Сожаление это с годами, когда Александр Никанорович окончательно встал на путь собирательства рукописных книг, не покидало его.

Поездка на север положила начало собранию. Чтение первых двух-трех книг (а их он из экспедиции привез более десятка) привело к собственному выводу, который, как он отметил для себя с удовлетворением, вполне совпадал с мнением ученых-специалистов. Рукописные книги редки и при этом по-

падаются в самых неожиданных местах. Одни из них — настоящие литературные памятники, и досадно, что остаются они неизвестными, что не переводят их с древнерусского на современный литературный язык и не издают. Ну, а если рукописная книга не может быть названа литературным произведением? Менее ли она от этого интересна? Зуев считал — нет. В любой рукописной книге он видел правдиво и точно переданные картины русской жизни. Отделенные не одной сотней лет, они несли аромат прошлого, хранили рассказ, не прикрашенный, искренний.

Цель собирательства рукописных книг Александр Никанорович видел вовсе не в том, чтобы приумножить имевшиеся у него списки. Новые приобретения он стремился как можно скорее пристроить в государственные хранилища. Он хотел, чтобы, пролежав в безвестности многие века, обреченные на забвение, возникли бы они, вновь рожденные, стряхнув с себя «пыль веков», стали бы читаемы, известны. Зуев был глубоко убежден: о них должны рассказывать и рассказывать интересно...

Часть привезенных из экспедиции по Кулою рукописных книг Зуев передал известному знатоку русского фольклора Б. М. Соколову, еще большую — директору Литературного музея в Москве В. Д. Бонч-Бруевичу. Но не прекратил собирать рукописные книги. Поиски свои он совершал попутно.

В 1958 году группа москвичей отправилась в Вологду отметить там 105-летие со дня рождения Владимира Алексеевича Гиляровского. Именно в вологодских местах родился дядя Гиляй, и вологжане чтут его память. Был и Александр Никанорович Зуев. Он, как и другие, собирался поделиться с земляками дяди Гиляя своими воспоминаниями о нем. С Гиляровским Александр Никанорович встречался в Москве в 30-е годы. Казалось, настало время для Александра Никаноровича вспомнить написанные ему Гиляровским строки:

Чредой приходят издалече
Воспоминанья и мечты...
Придет пора, и наши встречи
В своих мечтах припомнишь ты...

В Вологде Зуев рассказывал о Гиляровском, вспоминал вечера, проведенные в Столешниках у дяди Гиляя, когда далеко за полночь, не смолкая, говорили они, оба по рождению северяне, «о лесном песенно-былинном крае, о его величавой старине, чудной природе, о дорогих сердцу земляках с их образным поморским говорком». Зуев рассказывал тогда о том, как завещал ему Гиляровский «любить нашу прекрасную Родину — наш север...»

Когда все приехавшие в Вологду москвичи, отдохнув после дороги, на другой день утром собрались «попить чайку», Александра Никаноровича не оказалось, он исчез. Только когда была выпита первая чашка крепкого чая, появился запорошен-

ный инеем и разрумяненный вологодским морозом Александр Никанорович. Со всех сторон посыпались на него вопросы, что за побеги ранним утром. Никанорыч посмеивался, потирал озябшие руки и не торопился с ответом. Выпив чаю, он полез во внутренний карман пиджака, и на столе появилось несколько пар крохотных плетеных лаптей — щегольских, искусно выполненных.

— Был на базаре,— кратко сказал Зуев.

Всем захотелось непременно увезти с собой в Москву искусство русского народного умельца. Стали поспешно одеваться, пошли на базар, увы, лаптей не было. Здесь торговля начиналась и кончалась рано. А. Н. Зуев знал привычки базаров, потому так рано и отправился туда, но на этот раз ничего не нашел, кроме лаптей, а искал он рукописные книги. Конечно, они не продавались, нет, они служили оберточной бумагой. Именно таким образом сумел А. Н. Зуев приобрести большинство своих рукописных сборников, он знал по опыту: самый верный способ обнаружить где-нибудь в далеком от центра городе рукописную книгу — пойти на базар. И не важно, велик он или мал, бойко там идет торговля или нет... пока Зуев оставался в новом для себя месте, каждое утро ходил на базар и высматривал, во что заворачивают продавцы товар. Случалось, и спрашивал, если бумагу прятали под прилавок или за пазуху, спрашивал и находил. Самыми урожайными бывали периоды летней ягодной торговли. Случалось, и не редко, что отрываемый у него на глазах листок для пакета под чернику, ежевику или малину был страницей рукописной книги. И как радовался Александр Никанорович, если удавалось ему спасти ее, еще не разорванную, а только подготовленную к уничтожению. А. Н. Зуев не проявлял никакого азарта в деле собирания рукописных книг, соревнования с коллекционерами. Он действовал спокойно, никогда не рассказывая о своих достижениях, не жалел и не вспоминал о потерянном впустую времени.

В небольшой неопубликованной заметке «Из моих находок» Александр Никанорович писал: «Мы уделяем большое внимание собиранию и публикации документов, связанных с именами известных писателей и людей искусства. Это очень хорошо. Но есть область, мимо которой равнодушно проходят специалисты, литературоведы. Это рукописи ничем не знаменитых, не значащихся в архивных картотеках людей — записи, дневники, воспоминания, письма, альбомы,— все, что можно объединить широким понятием: человеческие документы... А ведь только соединенные с этими документами и могут архивные материалы известных личностей и событий отобразить подлинное лицо жизни прошлой эпохи». Так считал Зуев.

«Мой опыт собирания подобных рукописей не богат увлекательными приключениями,— писал Александр Никанорович,— мне просто приходилось подбирать то, что „плохо лежит“, в старых бумагах среди чердачного хлама, на складах

бумажного утильсырья или на базарных прилавках. Так мне удалось спасти от верной гибели списанную в макулатуру большую рукопись неизвестного баснописца-шестидесятника А. Н. В тетради было свыше трехсот басен, написанных ровно и четко, кое-какие из басен несли следы авторской правки. Существовало в рукописи и небольшое авторское предисловие, в котором он сообщал, что посылал басни в Варшавскую и Виленскую цензуры: „Первая не изволила их напечатать, продержав пять месяцев, а вторая, тоже продержав около пяти месяцев, возвратила с надписью для исправления..." В одной из басен, названной „Предисловие", он сравнивает цензуру с купцом, который, купив картину, приказал ее обрезать, чтобы она вошла в раму:

Задумавшись о том,
Я будто проглотил микстуру,
Мне в мысль пришло: с купцом
Сравнить цензуру —
Большое сходство, и к тому
Она есть детище невежи:
Ну если к горю моему
Мои труды она обрежет?

Автор признается: „талант задавлен мой", а советы большинства просты:

Чтобы удалить опасности причину,
Из книжки выбросить ненужные листы
Хотя б наполовину...»

Басни А. Н., по-видимому, так и остались ненапечатанными и неизвестными. Неизвестно и имя автора. Пролежав где-то в бумагах около века, эта рукописная книга была назначена к уничтожению. В магазине она не обратила на себя ничьего внимания, как рукопись старая, и была отдана в макулатуру; тут-то и набрел на нее Александр Никанорович.

Он подготовил к печати басни, снабдил их предисловием и выпустил в 1935 году в Москве в издательстве «Советский писатель» книгой, которая называлась «Басни А. Н.».

А. Н. Зуев не успел или не сумел этого сделать с другими найденными им рукописными книгами. Но каждую вновь им обретенную обязательно подробнейшим образом комментировал, писал к ней небольшое предисловие, как бы переводил на язык современного поколения, словом, старался сделать все возможное, чтобы облегчить труд последующим исследователям, объяснял ее содержание и смысл.

Кабинет Александра Никаноровича в Москве был очень скромен: шкаф с книгами, над простым письменным столом трубка, вырезанная им самим. Она была дорога Александру Никаноровичу как память о годах, проведенных в Сибири. Несколько фотографий близких и родных людей, стопка писем...

Александр Никанорович вел многолетнюю интересную переписку со своим земляком писателем Писаховым; тут же на столе — спрятанная в папку очередная работа — вот, пожалуй, и все, что можно рассказать о его кабинете. За этим столом работал он в последние годы жизни над своими повестями и рассказами, расшифровывал большинство собранных им рукописных книг, комментировал, писал к ним предисловия. В ящиках письменного стола раскладывал свои «сокровища».

Развернув перед собой страницу рукописи, содержащую «Челобитную крымских татар», или «Вольнодумные о таинстве брака», или «Оду на именины»,— старую тетрадь, которую подобрал на складе утильсырья в Осташкове, Александр Никанорович терпеливо разбирал слово за словом стершиеся и выцветшие буквы. Медленно и внимательно читал он сочинения неизвестного автора, восстанавливал картину его жизни; как правило, авторы таких рукописей обязательно рассказывают о себе; и постепенно, фраза за фразой, перед ним начинал звучать отдаленный голос ушедшей эпохи, вырастала биография, человек... И Александр Никанорович брался за карандаш или ручку, и появлялся рассказ о найденном им когда-то рукописном журнале «Свисток», издаваемом в Саратове, и об его авторе или о рукописной старинной пьесе черниговского помещика Василия Ивановича Лизогуба «Заботы о воспитании», о «Святых грамотах» или о «Деле отступившего от веры»...

В. И. Малышев в своей статье «Москвичи — собиратели письменной и печатной старины», опубликованной в Трудах Отдела древнерусской литературы Пушкинского дома (т. XXI, М.— Л., 1965), перечисляет некоторые из рукописных книг, собранных Александром Никаноровичем. Все, что было собрано А. Н. Зуевым за его жизнь, он частью еще сам отдал в Пушкинский дом в Ленинграде, а оставшееся после него передала туда же его жена Т. П. Сычева.

И. В. СОКОЛОВ

Он жил одиноко и замкнуто. По крайней мере, последние десять лет. Никто не мог сказать, ходил ли он к кому-нибудь, но у него не бывал никто. Не потому, что Ипполит Васильевич был негостеприимен, просто — куда приглашать, если все «жизненное пространство» состоит из одной небольшой комнаты, а она сплошь заставлена коробками с книгами. Наверное, сам он с удовольствием пошел бы в гости, посидел за стаканом чая, поговорил, но те, с кем он начинал жизнь, либо стали знамениты, либо были рассеяны ею. Занятые, вечно спешащие люди бежали и шли мимо него, даже не замечая, как он уступает дорогу, отходя в сторону на лестничных клетках, на тротуарах и мостовых. Он жил в Москве, в Столешниковом переулке, в том самом доме и даже подъезде, где жил дядя Гиляй.

И. В. Соколов, с точки зрения многих, был чудаком. У себя дома он был чудаком для соседей. Живет человек среди коробок с книгами, что-то там пишет, но главное, самому жить негде, а он опять и опять книги покупает. Домой ни разу не вернулся с пустыми руками, несет книги, и куда он несет их?

Ипполит Васильевич был кандидатом искусствоведческих и технических наук. В своей краткой, как сам Соколов отмечает, схематической творческой биографии, он полушутя, полугрустя пишет: «...я затерялся и даже растворился в нескольких Соколовых — в Ипполите Соколове, в И. Соколове и в И. В. Соколове». Эти строки, да и необходимость автобиографии были вызваны письмом, которое он получил от научного сотрудника Института русской литературы Академии наук СССР А. П. Ломана в декабре 1973 года. В литературной работе последний столкнулся с именем И. В. Соколова, стал искать концы, нашел и написал Ипполиту Васильевичу письмо, которое заканчивалось так: «...У меня к Вам огромная просьба: сообщите мне поистине потрясающий ответ: „Вы это или не Вы"».

Незадолго до смерти Соколов писал: «...Для меня поэзия, литературоведение, театроведение, киноведение, точная наука — техника... были последовательными ступенями восхождения... в течение свыше 55 лет с 1916 до 1973 года».

Свой поэтический период И. Соколов определяет с 1916 по 1923 год. Затем он погрузился в театральный мир, работает заместителем и помощником В. Э. Мейерхольда в совете театра-

лизации физической культуры. Это учреждение положило начало таким представлениям, как физкультурные парады. Одновременно И. Соколов выступает в периодических изданиях как театральный критик. Он печатает статьи в журналах «Вестник театра», «Вестник искусств», «Зрелище», «Театр», «Театр и музыка»... Камерный театр вызывает особенное внимание И. В. Соколова. В 1922 году он выпускает небольшую книжку «Режиссура Таирова». Но с годами интерес Соколова сосредоточился вокруг кино. Он следит за выходящей по вопросам кино литературой, отмечает, что в 1923 году кино было посвящено четыре книги, в 1924 — двадцать четыре, в 1925 — сорок восемь, а в 1926 — сто семьдесят пять. В 1926 выходит и книга И. Соколова «Киносценарий — теория и практика». В эти же годы начинается преподавательская деятельность И. Соколова. Он читал лекции по истории и теории кино во ВГИКе и МГУ — на четырех факультетах, в Литературном институте им. Горького и др.

В 1938 году в Москве в Госкиноиздате выходит книга И. Соколова «Чарли Чаплин (жизнь, творчество, очерк по истории американского кино)».

Эпизод с этой книгой был одним из самых радостных в жизни И. Соколова. После войны М. К. Калатозов — кинорежиссер, создатель фильмов «Валерий Чкалов», «Летят журавли» и др., вернувшись из поездки в Америку, прислал И. В. Соколову короткое письмо: «...В бытность мою в Голливуде Чарли Чаплин отозвался о Вашей книге весьма одобрительно и сказал, что она является наиболее точно рассказывающей его биографию, добавив, что, когда встречается необходимость дать комунибудь сведения о его биографии, он пользуется Вашей книгой». А ведь о Чарли Чаплине издано свыше 1000 книг и брошюр.

Эпиграфом к своей жизни И. В. Соколов ставил слова В. Я. Брюсова:

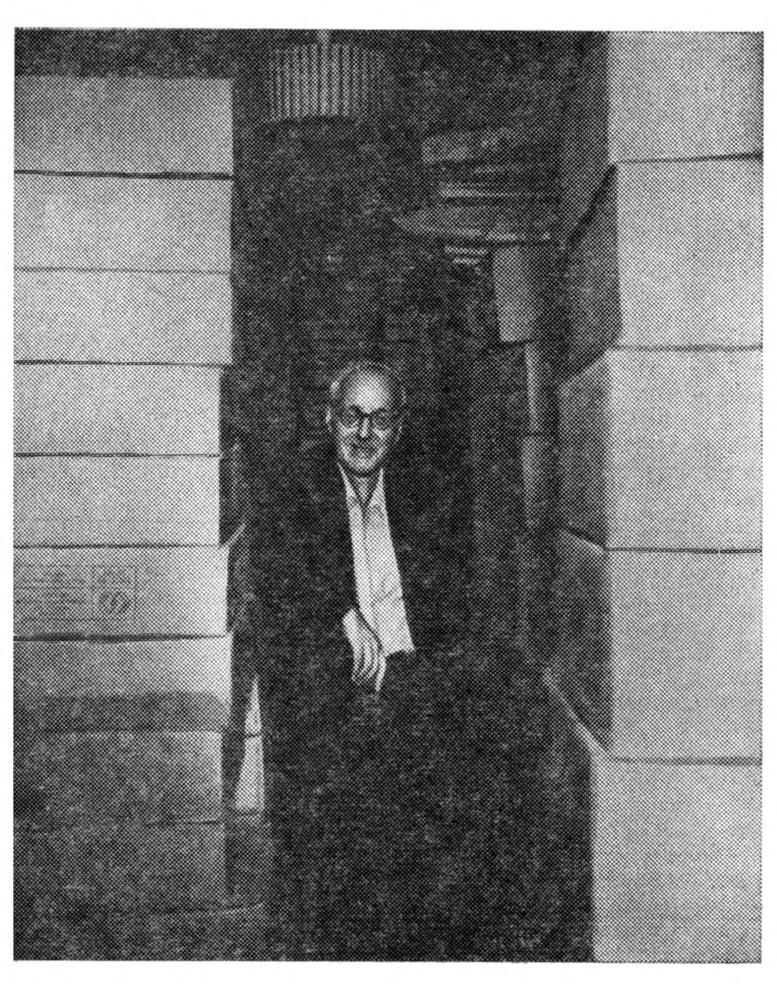
Таинственный и безымянный грех,
Весь состоящий только в жажде знаний.

И. В. Соколов знал удивительно много. Об этом говорит и В. Б. Шкловский, как-то он писал о Соколове. В один миг при встрече Ипполит Васильевич забрасывал бездной информации из различных областей. Первый вопрос Ипполита Васильевича:

— Ну, что новенького вы купили?

Он сам, как на работу, ходил в Лавку писателей, выискивая там и в других магазинах, казалось, порой странные и непонятно почему привлекающие человека книги.

Интересно рассказывал он о своем первом сознательном знакомстве с книгой. Произошло это в летний воскресный день 1912 года. В воскресные дни Москва пустела. Скучая, сидел он, 10-летний мальчик, на подоконнике и разглядывал двор.

И. В. Соколов и его книжное собрание

Этажом ниже открылось окно и, свесившись, он увидел тоже мальчика и тоже смотревшего во двор. Это был Паша. Он жил у В. А. Гиляровского этажом ниже. Пашу дядя Гиляй где-то подобрал и привел домой, и он выполнял какие-то поручения, связанные с работой в газетах. Соколов стал уговаривать Пашу пойти во двор поиграть.

— Не могу, квартира пуста, все на даче,— ответил Паша.

— Я очень огорчился,— вспоминал И. В. Соколов.— Тогда Паша, чтобы развлечь меня, предложил: — А ты спусти из окна веревку, я к ней привяжу книгу, ты подними и почитай, я только что кончил, интересная, про гулянье позабудешь. Я так и сделал и получил книгу Жюля Верна «Паровой дом». Про развлечения действительно забыл, и ложился и вставал с Жюлем Верном. Не расставался с ним целую неделю, а в следующее воскресенье таким же образом получил от Паши другую книгу — «Шутки» дяди Гиляя. Это было совсем нечто необыкновенное. Книга, написанная тем самым живым дядей Гиляем, которого столько раз встречал на лестнице, от которого, случалось, получал конфеты. Совсем странно и непонятно, до этого книга никак не связывалась с живыми людьми.

Библиотеку И. Соколов начал собирать с тех пор, как были прочтены первые книги.

Начало библиотеке И. Соколова было положено подпиской на журнал «Путеводный огонек», издаваемый А. Федоровым-Давыдовым. Затем последовал журнал «Вокруг света», но главные сокровища ее в ту пору составляли двух- и трехкопеечные книжки сытинской народной библиотеки. В этих изданиях, купленных на сэкономленные деньги, он прочел всех классиков русской литературы. Книги сытинской дешевой библиотеки обычно продавались у газетчиков. Покупать их было приятно — газетчики кричат о последних новостях, подходят разные люди — две-три копейки и какая масса удовольствий.

Учился И. Соколов в реальном училище на Арбате, но считает себя обязанным не учителям той поры, а только книгам, вернее, даже определенным выпускам книг, которые он покупал, читал, составляя одновременно зерно будущей библиотеки.

В дополнение к сытинским изданиям начал подбирать и дешевую суворинскую библиотеку, в которой лучше всего были представлены античные авторы. Следующим этапом в собственном образовании через книги считал приобретение «Всеобщей библиотеки». В ней преобладали классики западноевропейской литературы. Издатель В. Антик ориентировался на новую литературу конца XIX и начала XX века как русскую, так и зарубежную. Немало отложили в памяти выпуски исторической библиотеки, издания классиков мировой литературы для школьников А. Лазарева-Грузинского. Несколько позднее к ним присоединились издания классиков мировой литературы А. Панафидиной и серия «Жизнь замечательных людей» Ф. Павлен-

кова. Если добавить некоторую долю философской литературы, с которой И. Соколов познакомился по таким книгам, как «Афоризмы житейской мудрости» А. Шопенгауэра, «Философия искусств» Ипполита Тэна, то, как говорил сам И. Соколов, знания, которыми он запасся, прочтя все это, и подготовили его к вступлению на поэтический путь.

Весной 1918 года он прочел в «Вечерней газете» объявление об открытии студии стиховедения. К тому времени он сам понемногу писал стихи. Решил немедленно отправиться на Молчановку, в здание бывшей женской гимназии Гедеоновой, где разместилась студия. Руководили ею и преподавали там Валерий Брюсов, Андрей Белый, Вячеслав Иванов и др. ...Занятия проходили в актовом зале, причем многие слушатели сидели просто на полу в самой непосредственной близости к читающим лекции. Это создавало определенную интимность, нередко лекции переходили в беседы, много дававшие слушателям... Несколько лекций было прочтено М. Гершензоном. Все это люди огромных знаний, своими рассказами они способны были увлечь, заинтересовать, ответить на вопросы, волновавшие молодые поэтические умы. «Это был,— вспоминал Соколов,— поток прекрасных понятий о поэзии и поэтах, об их удивительном труде...»

На курсах И. Соколов познакомился с молодыми поэтами Иваном Грузиновым, Сергеем Спасским, Галиной Владычиной, Семеном Родовым и др. Вместе они образовали кружок, который каждую неделю стал собираться у И. Соколова. Обсуждали свои стихи и спорили о чужих. Вначале кружок был приверженцем имажинизма. Первая книжка Ипполита Соколова, по его собственному определению,— «имажинистские миниатюры». Титульный лист этой маленькой книжки в розовой бумажной обложке: «Ипполит Соколов. Полное собрание сочинений, издание не посмертное, том I, не стихи». На обороте: «Я швыряю новые принципы полиметрики». Написана и напечатана была эта книжка «с лета 1918 до лета 1919».

Споры и разговоры о стихах группы привели к рождению нового течения в русской поэзии — недолговечного, которое сами они назвали «Экспрессионизм».

Осенью 1919 года выходит вторая книжка Ипполита Соколова «Бунт экспрессиониста». «Издание, конечно, автора» — помечены в ней выходные данные. В книге — «Хартия экспрессиониста», за нею стихи И. Соколова и, наконец, на последней странице объявление о предстоящих изданиях автора. Выглядит это не совсем обычно, а для нас и немножко смешно: «Скоро предстоит рождество книг Иполлита Соколова», следует перечисление некоторых названий, последнее, девятое — «Стихи работы И. Соколова. К сожалению, 20 июня 1919 года вышла его книга толщиной в 16 страничек: Полное собрание сочинений, том I — не стихи. Без портрета и без критико-биографического очерка В. Брюсова. Скоро, очень скоро выйдут сборники

экспрессионистов: 1. Драка экспрессионистов. Теория. 2. Вундеркинды. Стихи».

Затем последовали книжки Ипполита Соколова «Бедекер по экспрессионизму», «Экспрессионизм». Соколов явился одним из авторов «Воззвания экспрессионистов о созыве первого Всероссийского конгресса поэтов». За год до него, в 1919 году, в воронежской газете «Огни» Ипполит Соколов, все время тяготевший к теоретическим обоснованиям и исследованиям поэтических направлений, при содействии В. Шершеневича, Р. Ивнева и А. Мариенгофа напечатал статью «Имажинизм». При помощи Александра Кусикова И. Соколов выпустил в 1921 году книжку «Имажинистика», издателем в ней указан ОРДНАС — Сандро, или попросту Александр Кусиков. Кстати, эти книги упоминаются в «Литературных манифестах первых лет революции» Н. Л. Бродского. Вот след И. В. Соколова в истории советской поэтической литературы, который заставляет исследователей искать его дальнейший жизненный путь.

А он шел от поэзии сначала к театру, затем к кино, и наконец, к фотографии, с уходом на пенсию углубляясь в проблемы далеких звезд и галактик. За одну из последних своих книг «История изобретения кинематографа» он получил степень кандидата технических наук. Степень кандидата искусствоведческих наук — за книгу о Чарли Чаплине. Он писал статьи о научной фотографии, в которых рассказывал об итогах снимков звезд с четырехчасовой и четырнадцатичасовой выдержкой, звезд, свет от которых идет до нас 9 миллионов световых лет. Редакция Большой Советской Энциклопедии заказала именно ему статью о фотографии в СССР, когда таковую попросила прислать Британская фотоэнциклопедия. Это было в 1956 году, а в 1954 году им была написана и напечатана в 29-м томе БСЭ разнообразно иллюстрированная статья «Научная фотография» — в ней охвачены все области применения фотографии — тонкого научно-исследовательского метода в современных науках — астрономии, физике, технике, биологии, археологии и т. д.

От тех лет, когда он занимался поэзией, у него осталось замечательное собрание выходивших в те годы поэтических книг и сборников. Когда он доставал одну за другой свои коробки, где в целлофановых пакетах лежали совершенно чистые, новые, без пятен и пыли тоненькие книжки вроде «Корыто умозаключений» Бориса Земенкова и раскладывал их с обложками необычного оформления, с названиями занятными, порой смешными,— в голову приходили слова поэта:

Мы были дерзки,
Мы были дети,
Нам нравились забавы эти...

Действительно, многое из того, что тогда выходило, кажется теперь забавным, и названия сборников, и словесные ком-

Книги И. В. Соколова

ментарии на обложках, сделанные авторами, и сами обложки, иногда совсем простые, а порой оформленные несколько вызывающе и совсем не поэтично. Попадались и интересные обложки, скажем, сделанные Аристархом Лентуловым и др.

Теперь этих книг не найдешь. Их полного комплекта нет даже в библиотеке им. В. И. Ленина (И. Соколов проверял по каталогу). Издаваемые в тяжелое время, когда люди думали о книгах совсем не в первую очередь (коллекция И. Соколова охватывала 1918—1923 гг.), они разбрелись по свету или просто погибли. Ипполит Васильевич вспоминал, что сам он их подбирал из нераспечатанных пачек, лежащих в бывшем магазине Вольфа на Кузнецком мосту и приготовленных на выброс как никем не покупаемые.

Это редкое книжное собрание дополняли поэтические афиши тех времен. И. Соколов собирал афиши всех литературных, поэтических вечеров Москвы начала революции. А вечера эти были в те годы популярны. Они устраивались в залах Поли-

технического музея, в различных московских кафе. И. Соколов написал книгу воспоминаний: «Кофейный период русской поэзии» (из жизни поэтической Москвы первых лет революции). Она осталась в рукописи.

Ипполит Васильевич хотел передать все собранное им в Пушкинский дом Академии наук в Ленинграде, но не успел.

А. Ф. ИВАНЕНКО

Когда Анатолий Филиппович стал появляться в московских книжных кругах, можно было слышать:

— А кто этот военный?

Прошло время, и полковник авиации Анатолий Филиппович Иваненко стал известен в книжном мире.

Анатолий Филиппович родился в Полтаве в 1911 году. Давно миновали времена, о которых писал Пушкин:

...Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча...

Миновали времена, но слава осталась. Полтавчане гордятся своим городом, его боевым прошлым и тем, что воспет он самим Пушкиным. Воинский и литературный дух этого мирного и красивого городка витает над каждым жителем с младенчества, и он знает и любит его, как любили отцы, деды и прадеды. Куда бы ни забросила затем судьба полтавчанина, где бы ни пролегла его жизненная дорога, он не забывает утопающего в зелени садов, изрезанного тополиными аллеями города. Он помнит о славных полях, прилегающих к городу, о том, что в его Полтаве начинается дорога, которая ведет к знаменитой Диканьке Гоголя. И Гоголя в Полтаве любят. Маленьким мальчиком, едва выучившись читать, Анатолий Филиппович знал наизусть «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

В Полтаве А. Ф. Иваненко провел детство и юность. Шел самый обыкновенный урок, когда над городом появились два самолета. Они летели так низко, что, казалось, вот-вот заденут крыши домов. Где-то совсем рядом самолеты сели. До урока ли тут? В один миг без всякой команды мальчишки сорвались с мест, забыв об уроке, об учителе, и со всех ног кинулись в окно, а оттуда на поле, где самолеты совершили вынужденную посадку. Самолет. Это была тогда новая техника, и интерес к ней у мальчишек был самый захватывающий. Целый день, забыв о еде, о доме, обо всем на свете, провели они в поле, познакомились с летчиками, осмотрели все, что им разрешили. Так началось у А. Ф. Иваненко увлечение авиацией.

Кто и что может рассказать о предмете твоего интереса, если видеть его удается изредка и притом высоко в небе и всего однажды вблизи? — Только книги. И Анатолий Филиппович начинает усиленно собирать литературу об авиации: на свои скудные мальчишеские средства покупает журналы по авиации, делает вырезки, собирает газетный материал, который мог хоть что-нибудь рассказать о самолете, о парашютах. И не только собирает. Все, что ему самому удается узнать, он тут же рассказывает товарищам. Скоро он становится руководителем авиационного кружка во Дворце пионеров, а с 1928 года уходит работать в появившуюся незадолго перед тем в Полтаве авиационную школу.

А. Ф. Иваненко работал мотористом, механиком и вырос в помощника начальника школы. В 1935 году школа была переведена в Херсон. А. Ф. Иваненко оказался рядом с Одессой.

Я жил тогда в Одессе пыльной...

— опять Пушкин!

А. Ф. Иваненко стал собирать книги писателей-одесситов: Юрий Олеша, Бабель. Это было продолжение его библиотеки, новый ее раздел.

Еще в Полтаве, подбирая литературу по авиации, он не ограничился только книгами техническими, специальными. И художественную литературу, посвященную авиационной теме, собирал он. Однажды ему попалась книга: Жан Кессель «В воздухе». Она привлекла его внимание, помимо темы, обложкой, больше того, если раньше обложка торопливо переворачивалась и все устремлялось исключительно к содержанию книги, то тут не хотелось оторваться от обложки. Впервые возник вопрос: кто же создал эти, так приятно воспринимаемые глазом линии, орнаменты? Ответ тогда прозвучал ничего не говорящей для него фамилией художника Д. И. Митрохина.

А. Ф. Иваненко не знал о нем ничего, он вообще раньше не интересовался художественной стороной книги. Власть большого, настоящего мастера почти безгранична. Неведомо откуда и когда она придет, но однажды, обратив человека к своим созданиям, художник становится властелином. Так случилось с Анатолием Филипповичем. Теперь, покупая книги, он смотрел, кто художник, с тайной надеждой встретить фамилию Митрохин, стал интересоваться, а нет ли книг, оформленных Д. И. Митрохиным, и если такая попадалась, немедленно приобретал ее независимо от ее содержания. В начале 30-х годов А. Ф. Иваненко встретился с изданиями «Academia». Они еще больше возбудили интерес к художественной стороне книги. Для А. Ф. Иваненко появились новые имена художников — Н. Акимов, П. Алякринский...

Все это произошло еще в Полтаве. Когда школу перевели под Одессу, А. Ф. Иваненко, уезжая, свою библиотеку оставил дома, пока ожидал квартиру на новом месте, взял только лите-

Слева направо:
А. Ф. Иваненко, В. А. Милашевский, Г. Г. Филипповский

ратуру, посвященную авиации, а разместил ее в служебном кабинете. Когда же через некоторое время Анатолий Филиппович вернулся в Полтаву, оставшаяся часть библиотеки пропала. Больше всего огорчило исчезновение книги Ж. Кесселя «В воздухе» в оформлении Д. И. Митрохина.

Но желание составлять библиотеку не отпало. Начинает подбирать русскую художественную литературу и художественные иллюстрированные издания. Война обрывает это увлекательное дело; вся библиотека, когда семья эвакуировалась, осталась в Херсоне и погибла.

После войны Анатолий Филиппович становится слушателем Военно-воздушной академии в Москве, а, кончив ее, остается в Москве работать.

Потеря второй библиотеки привела его к решению: книг больше не собирать. Он и не собирал их до 1948 г.

В этом году Московский Художественный театр отмечал свой пятидесятилетний юбилей. Еще в Полтаве А. Ф. Иваненко проникся тайной театра, куда его часто брала с собой сестра его матери — актриса. С детства он помнил и любил мгновения, когда в зале исчезал свет и все внимание устремлялось на слегка колеблемый и готовый вот-вот раздвинуться занавес, за ко-

торым начиналась полная чудесных превращений чья-то жизнь.

Теперь, в дни торжеств МХАТа, он решил посмотреть все юбилейные спектакли театра. Среди них были «Чайка» и «Вишневый сад» Антона Павловича Чехова. Анатолий Филиппович собирал Чеховиану еще в Херсоне. Чехов был одним из самых близких ему русских писателей, и, возвращаясь не то с «Чайки», не то с «Вишневого сада», он вдруг сказал сам себе:

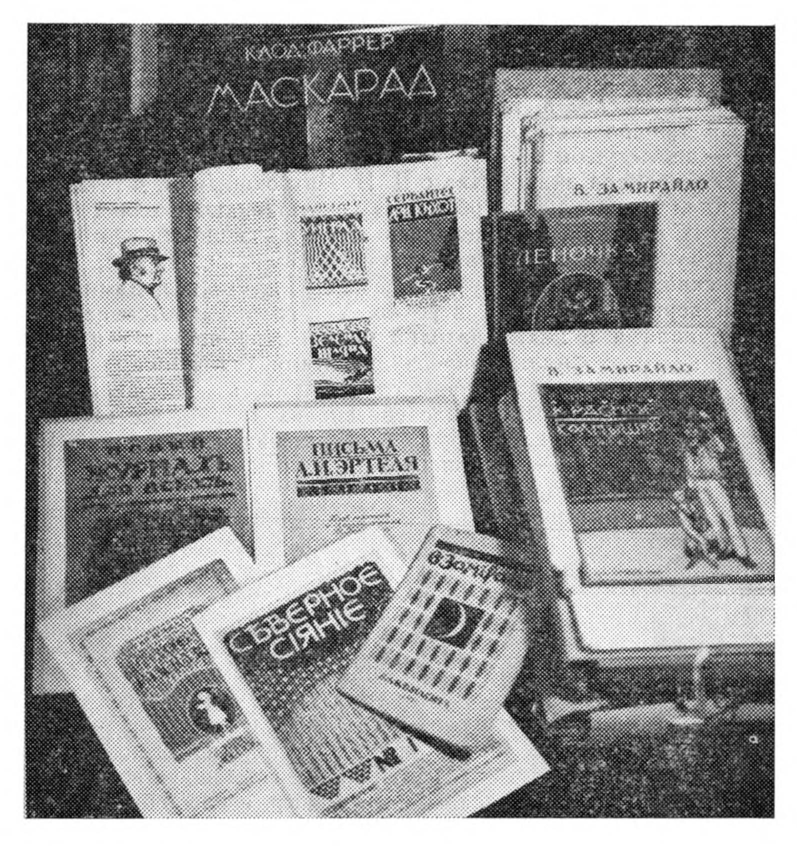
— Нет, без Чехова жить нельзя.

Юбилейное собрание сочинений писателя уже шло. Было выпущено несколько томов. С трудом, переплачивая втридорога, все же купил их; остальные, подписавшись, спокойно получал. Так было положено начало третьему книжному собранию А. Ф. Иваненко. В нем есть несколько направлений, среди которых главное — художественные, иллюстрированные издания. Но хочется больше сказать о самом А. Ф. Иваненко, его всепоглощающем интересе к книге, искусству, выросших на этой почве знаниях.

Москва — удивительный храм искусств. Сколько может дать она человеку, стремящемуся получить! Сколько истинно прекрасного хранят ее большие и малые музеи, сколь много можно пережить и почувствовать, бродя по их залам, заглядывая в выставочные. А театры? Они увлекут в отдаленные и более близкие дни нашей истории, познакомят с живущими рядом, обернутся чарующей песней Волховы, гением Шекспира. Как прекрасны ее постоянно оживленные улицы с множеством архитектурных каменных сказок. А букинистические магазины... И теперь они могут дать немало настойчивому и упорному собирателю, а в те дни, когда Анатолий Филиппович решил вновь собирать библиотеку, могли дать несравненно больше.

Неожиданны и любопытны были московские встречи. А. Ф. Иваненко очень любил цирк. Однажды он разговорился со своим соседом. Оба, увлеченные мастерством артистов, стали делиться вызванными восторгами. Соседом оказался художник Даниил Борисович Даран, первый живой художник книги, с которым столкнула судьба А. Ф. Иваненко. Милый, сердечный Даран, оформивший за свою жизнь не одну книгу, когда-то входивший в московское объединение талантливых художников «Тринадцать». Он оформлял и иллюстрировал книгу Артема Веселого «Россия, кровью умытая» и был дружен с писателем. Цирк Даниил Борисович очень любил, и в его художественном наследии немало акварельных листов, посвященных цирку. Когда в разговоре о цирке А. Ф. Иваненко услышал от своего соседа, что он иллюстрировал «Братья Земганно», удивлению и одновременно радости не было предела. Москва приоткрыла возможность прикоснуться к ее главному чуду — к людям.

Скоро А. Ф. Иваненко узнал, что и Д. И. Митрохин живет в Москве. И тут же написал ему письмо.

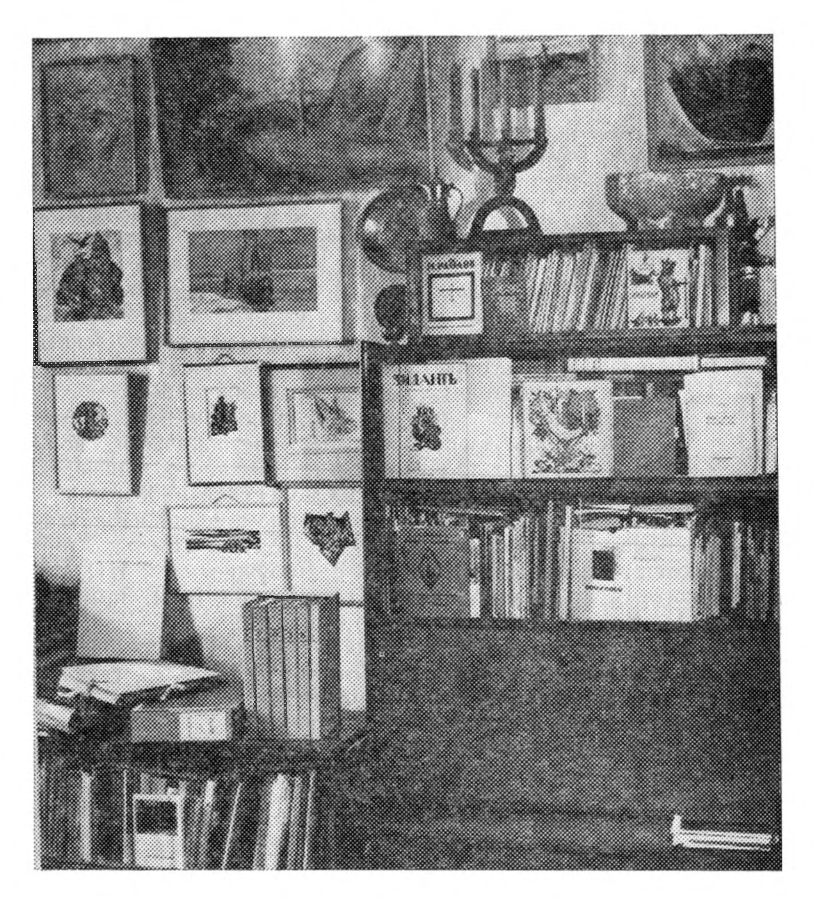
Собрание материалов о художнике В. Замирайло

Сложная вещь — жизнь художника. Она начинается с его таланта и мастерства и продолжается в том, как они воспринимаются. Бывает, что достойный признания художник оказывается почти забытым, подчас даже удивляются, а разве он жив? Его искусство столь прекрасно, что создателя готовы отодвинуть в прошлый век или хотя бы отделить от себя десятилетиями. У Д. И. Митрохина бывали и такие периоды, он и его имя казались порой далекой легендой, ушедшей в прошлое, между тем он жил. Ушли те, с кем он вместе начинал, работал, с кем приходила известность, а он жил — скромно, не забытый узким кругом друзей и почитателей его таланта, но лишенный широкого признания. Весточка от неведомого человека, много лет собирающего книги с его иллюстрациями, знавшего, и хорошо, те его работы, о которых и сам он порой забывал, не могла не привлечь внимания. Он ответил на

письмо А. Ф. Иваненко и пригласил его к себе. А. Ф. Иваненко попал к художнику, о котором к тому времени знал много и работ его успел собрать немало, только не знал, что он рядом, живет в Москве и, несмотря на свой глубокий возраст, ежедневно продолжает работать, создавая такие красивые акварели — цветы, рыбы...

Ко времени знакомства с Д. И. Митрохиным А. Ф. Иваненко имел значительное собрание художественных и иллюстрированных изданий, определились его привязанности — это был круг художников «Мира искусства»: Билибин, Нарбут, Добужинский, Бенуа, Остроумова-Лебедева, Кустодиев, Замирайло и в первую очередь Митрохин. У него появляются папки с материалами о них. Анатолий Филиппович покупает и собирает не только иллюстрированные этими художниками книги, но и книги о них, журналы со статьями, им посвященными, журналы, с которыми было связано их творчество, газетные материалы о них, словом,— появляются папки персоналий. Постепенно он начинает приобретать оригиналы, типографские оттиски обложек оформленных ими книг, если книги не удавалось найти, различные книжные украшения, ими выполненные, авторские отпечатки гравюр, книжные знаки, рукописи воспоминаний, письма современников. Анатолию Филипповичу случилось побывать у И. Ф. Рерберга. Сын художника, сам замечательный художник книги, человек большой культуры, он был тоже собирателем — у него увидел А. Ф. Иваненко папки с материалами о художниках-графиках, в которых материал располагался по такому же принципу, как и у него. Папки Рерберга были им самим любовно оформлены и являли собой предмет искусства. Их до крайности приятно было перебирать. А. Ф. Иваненко остался вполне удовлетворен, внешне его папки не были так красивы, но и подбор, и расположение материала в них строились по тому же принципу.

С Д. И. Митрохиным установились дружеские отношения. Это было неожиданное счастье, каждая встреча с художником — праздник. Д. И. Митрохин жил замкнуто. Последние годы он совсем не выходил из дома, сохраняя между тем полную жизнеспособность, желание знать, что происходит за пределами его квартиры. Он рад был встретить такой искренний интерес к делу, которому отдал жизнь, приятно было говорить с человеком, знавшим, казалось, все, что касалось столь дорогого сердцу объединения, как «Мир искусства». Это были счастливые часы для обоих, и для Анатолия Филипповича вдвойне. Митрохин говорил тихо и немногословно, но это говорил художник Митрохин, который знал и Замирайло, и Добужинского, и Нарбута и еще многих, работал с ними, встречался. Память Дмитрия Исидоровича сохранила столько замечательных человеческих характеров, особенностей, деталей, которые, разумеется, нигде в литературе даже не упоминались и никто уже о них рассказать не мог.

Интерьер квартиры А. Ф. Иваненко

Большой вехой в жизни А. Ф. Иваненко была встреча с Виктором Михайловичем Лобановым.

Так наполнялась жизнь все большим и большим интересом к иллюстрированной книге, к художественным изданиям и их творцам, росли материалы, увеличивалось число папок.

Интересно рассматривать эти собранные по крупицам итоги человеческого труда. Сам Анатолий Филиппович готов был их смотреть и смотреть часами, но любил и показать. Видно было, что нет большей радости у хозяина, как еще раз коснуться глазом когда-то созданного художником листа. А какие комментарии к каждой из работ мог он давать... К каждой маленькой заставке готов был поток сведений о художнике, о времени создания работы, об условиях, в которых тот трудился, об

окружении, почему обратился художник именно к этой работе, а не к другой, где жил, с кем дружил и чем дорожил, какие горести и радости обрушивались на него,— а это ли неинтересно. Собирая, Анатолий Филиппович узнавал, и знания его были не поверхностны, а глубоки. Можно было поражаться энергии, все нарастающему интересу, расширению круга его познаний и знакомств. От художников книжной графики А. Ф. Иваненко перешел к издателям их, и это было продолжением его основной темы, линии связей, взаимоотношений...

Собранные материалы не лежали мертвым грузом. Да это и невозможно, если они попадают в руки такого энергичного человека, каким был А. Ф. Иваненко. А. Ф. Иваненко — автор ряда статей, книги. Он нес целый ряд больших общественных обязанностей, председательствовал в Клубе любителей книги ЦДРИ, делал там постоянно доклады и сообщения...

Анатолий Филиппович дружил с художником Б. С. Отаровым. Человек удивительной судьбы, настойчивости, воли, скромности и немалой талантливости. Как часто, далеко за полночь сидели они у Иваненко на Смоленской набережной и пересматривали папки, собранные хозяином. Один за другим ложились на стол листы с работами Д. И. Митрохина (они датируются годами 1905—1973), М. В. Добужинского, А. П. Могилевского, В. А. Милашевского, Д. Б. Дарана, В. Д. Замирайло, Д. Н. Кардовского, З. Е. Серебряковой, А. А. Усачева... А в соседней комнате висели и сейчас висят на стене графические, пастельные, живописные работы Б. С. Отарова, графика Д. И. Митрохина, работы В. А. Милашевского, А. П. Могилевского, работы полтавского художника Горобца — умершего друга и земляка А. Ф. Иваненко. Некоторые из них проигрывают от соседства с работами вышеназванных, но А. Ф. Иваненко ни за что не хотел их снимать. Ведь они напоминали его родную Полтаву, то далекое время, когда он только начинал проникать в мир искусства, искусства книги, когда вместе с Горобцом ходил на этюды и там вдвоем они говорили об этом прекрасном и дорогом для них мире.

А. А. СИДОРОВ

Среди московских современных друзей книги Алексей Алексеевич — ветеран. Его все знают и склоняются перед его знаниями. В Москве за последние полвека и более не прошло сколько-нибудь значительного, отмеченного общественностью события, праздника, собрания, связанного с книгой или ее искусством, без А. А. Сидорова.

Его имя на книжной обложке вызывает желание приобрести книгу, на развороте пригласительного билета — заставляет забыть о погоде, неотложных делах и спешить туда, где Алексей Алексеевич будет рассказывать о художнике книжной графики и его труде, о тех, кто знал и любил книгу, об истории и жизни самой книги.

Сейчас А. А. Сидоров — как бы живая история, его появление обращает на себя внимание.

— Сидоров, Сидоров пришел,— передается из уст в уста. В этих кратких словах много значения: и обещание услышать интересное, и оценка деятельности художника.

Журналы просят у А. А. Сидорова его воспоминаний, издательства ждут книг, его просят выступать на защите диссертаций — все это только часть того, что делает А. А. Сидоров.

В 20-е годы в Москве открывалось огромное количество малых издательств. Особенно не интересовались ими раньше, вовремя не учли все, а оказывается, деятельность их небезынтересна для истории идательского дела в России. Кто теперь может назвать их имена, уточнить сведения, к кому обратиться? Только к Сидорову. И Государственная библиотека имени В. И. Ленина обращается: Алексей Алексеевич, помогите, ответьте, составьте, напишите, и сколько таких и подобных обращений...

Алексей Алексеевич был свидетелем интереснейших лет жизни нашего искусства и не просто свидетелем, он активно работал, писал и издавал книги, преподавал в университете и институтах, трудился в музеях, Государственной академии художественных наук, он знал невероятное количество людей, имена которых с течением времени не забываются, а напротив, к ним все настойчивее и настойчивее обращаются, как и к делам, событиям тех далеких предреволюционных лет и десятилетий, последовавших за 1917 годом.

Обладая удивительной памятью, А. А. Сидоров в любой момент может говорить и рассказывать о них, как будто все, что он излагает, случилось вчера, неделю, месяц назад, а прошли десятилетия...

Алексей Алексеевич Сидоров — член-корреспондент Академии наук СССР, и перечню его трудов посвящена книга, изданная Академией наук СССР в серии «Библиография ученых СССР». Какое здесь обилие работ А. А. Сидорова, связанных со словом «книга». «Книга», ее «графический образ» и его создатель — эта тема проходит через все годы его большой жизни, хотя только ею не ограничены творческие интересы и труды ученого.

Своей «книгой книг» Алексей Алексеевич Сидоров называет «Русскую графику начала XX века» — «... труд,— пишет он,— на который была истрачена в сущности вся моя жизнь как искусствоведа, специалиста по графике русской».

Достойный большого ученого прекрасный итог. Но где же было начало? Кто зажег в нем это неистребимое чувство любви к искусству, к книге, кто наградил его отзывчивостью, готовностью помочь, найти слова ободрения и поощрения тем, кто идет по нелегкой дороге искусства?

Детство Алексей Алексеевич провел в деревне.

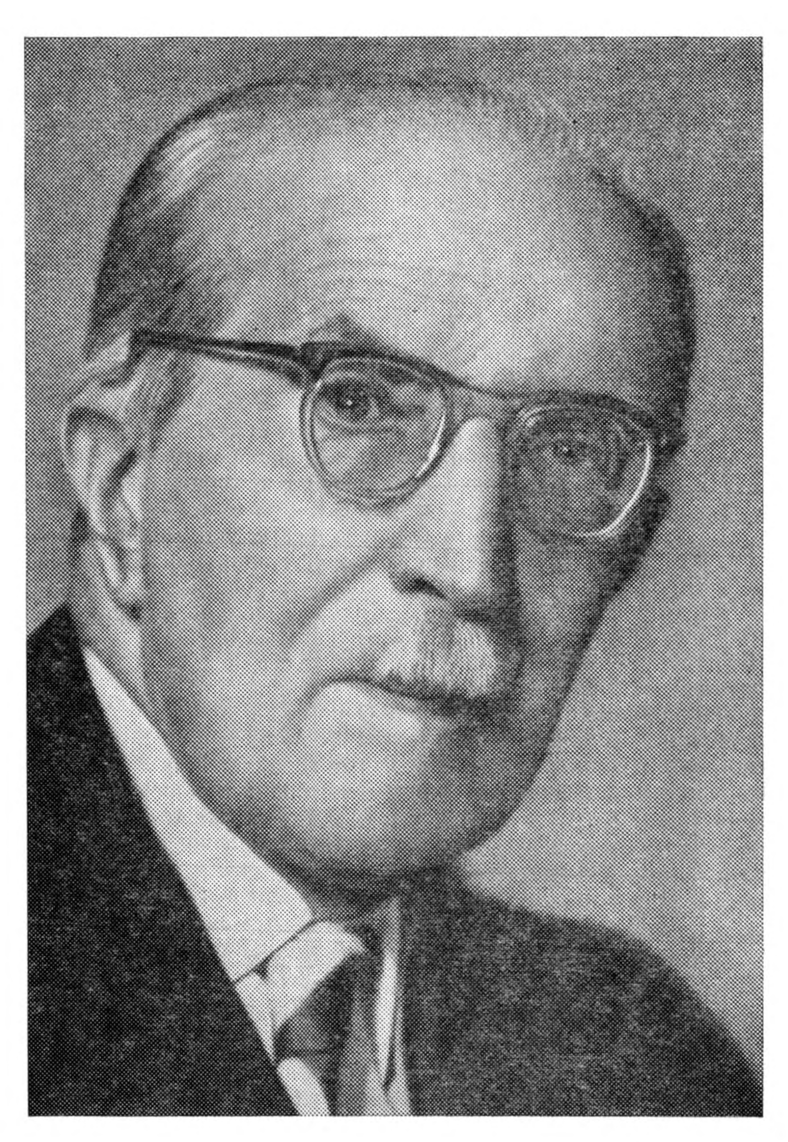
Пенье птиц, шелест листвы горделивых вековых деревьев, безбрежные дали полей были первой красотой, воспринятой им.

Пяти лет лишился он матери, и отец, служивший в различных городах юристом, отдал троих своих детей — Алексей Алексеевич был средним — на воспитание младшей сестре умершей жены. Алексей Алексеевич во многом был предоставлен себе. Он бродил среди деревьев, окружавших дом, ловил бабочек, любуясь красками крыльев, и рано научился читать.

Его вторая мать вместе с вниманием, сердцем и домом отдала в полное распоряжение детей и свою библиотеку. А она, как и ее хозяйка, была отнюдь не заурядной. Несколько слов о той, которая вырастила А. А. Сидорова.

В. Н. Кавкасидзе происходила из старинного кавказского рода, приехавшего в Россию в первой половине XVIII века. Ее предок Мельхиседек Кавкасидзе был основателем первой грузинской типографии в Москве. Все это было в далеком прошлом, но В. Н. Кавкасидзе хранила культурные традиции семьи. Была она художницей, участвовала пейзажными работами на выставках в Москве (жила с детьми в Курской губернии, село Николаевка). У нее хранилась часть семейной библиотеки. Когда-то последняя состояла в основном из книг XVIII века, иностранных и русских, в пору детства А. А. Сидорова она пополняла ее художественными изданиями и журналами конца XIX и начала XX века.

В этой библиотеке А. А. Сидоров нашел те первые книги, которым суждено было произвести сильное впечатление. «Это были,— пишет А. А. Сидоров,— два тома Лермонтова в изда-

А. А. Сидоров

нии Кушнерева — Кончаловского с иллюстрациями Врубеля, „Дон-Кихот“ в недетском издании с полным комплектом иллюстраций Г. Доре (иные из которых наводили на меня ужас) и „Освобожденный Иерусалим“ Т. Тассо в старом переводе Раича».

С 1902 года семья переезжает в Москву — детям надо было учиться. Забота В. Н. Кавкасидзе раскрывала перед ними все лучшее, чем дарит человека жизнь. «То, что я стал искусствоведом,— пишет А. А. Сидоров,— ее влияние. В Москве я от нее получил в подарок первую книгу об импрессионизме. По ее настоянию учился рисунку в некоторых частных студиях... В годы первой мировой войны настолько овладел перьевою графикой (затем и гравюрой), что стал выставляться... и моя тетя во всем этом направляла меня бережно и тактично... Ей я обязан знанием языков иностранных...»

Свою библиотеку А. А. Сидоров начал собирать с «годов первой русской революции, увлекаясь французской конца XVIII и покупая брошюры и книги по истории французской революции, готовясь стать историком».

Различны пути каждого человека к своему призванию. Иной сразу становится на избранную дорогу, иной приходит к ней через множество увлекающих и манящих троп.

В гимназические годы А. А. Сидоров вошел в литературные московские круги, стал писать и печатать стихи, в библиотеке его появились книги поэтов: «...Русских в первую очередь,— писал Алексей Алексеевич,— как классиков, так и моих современников, начал с Бальмонта...» Особым вниманием у А. А. Сидорова пользовались раньше и сейчас А. Блок и В. Брюсов. Он собирал и собирает о них все, что появляется в литературе. Валерий Яковлевич был первым критиком Сидорова, еще по издательству «Мусагет», с которым сотрудничал Алексей Алексеевич. Остальные поэты собираются выборочно, по периодам или вещам наиболее близким.

Занятия в студиях графикой и рисунком пополнили библиотеку новыми книгами. В университете А. А. Сидоров становится историком искусства как русского, так и западного — в библиотеке появляются книги по истории искусства.

Шла жизнь. После университета Алексей Алексеевич для продолжения специального образования был командирован в Италию, Австрию и Германию. За границей он стал собирать «...все важное и нужное для знаний по истории нового и современного искусства всех стран, книги на трех главнейших европейских языках...». Но и поэзия не была забыта.

Центром интереса в истории искусств оказалась графика, и на полках книжных шкафов Сидорова выстраиваются альбомы, посвященные графике, иллюстрированные издания, главным образом художников круга «Мира искусства». Любит и собирает А. А. Сидоров иллюстрированные издания художников Т. А. Мавриной и Н. В. Кузьмина.

В революционные годы, будучи уже профессором, А. А. Сидоров читал лекции по истории книги — становятся необходимыми «...примеры старых и новых книг разных стран, эпох, качеств». И они появляются в библиотеке ученого. Сейчас Алексей Алексеевич считает книговедческий раздел своей библиотеки одним из лучших и активно им пополняемых.

«Я собирал образцы,— пишет А. А. Сидоров,— в своей библиотеке (скажем, пушкинских и современных ему изданий) и никогда не стремился к полноте. Предпочитал иметь больше разнообразных изданий, нежели специализироваться, например, на „романтике". Не пренебрегал разрозненными томами сочинений и не любил „полные собрания", так как видел в них многое для меня ненужное... Собирал всегда книги также для чтения, так называемую «беллетристику»... Собирал книги на языках: русские, английские, французские, немецкие, никогда не пренебрегал дешевыми изданиями и никогда не гонялся за редкостями или дорогостоящими библиофильскими изданиями, хотя имею их немало... Собирал и журналы. Ее состав (библиотеки А. А. Сидорова.— *Е. К.)* поразит ее разнообразием, ее „пестротой". В ней книги важные мне по содержанию или по той или иной черте ее внешности, характеристики для ее эпохи, книги, являющиеся образцами иллюстрированного искусства, и книги (или брошюрки) — „курьезы". Книги для детей и для „философов". Стихи самые разнообразные, книги, интересные по шрифту или формату, книги — очень ценные (такие тоже есть) и книжки, являющиеся примером дурного вкуса (такие тоже есть). Представлена вся почти мировая художественная литература... примеры старопечатных изданий и новейшей беллетристики на всех языках...»

Из этого письма Алексея Алексеевича, в котором он очень коротко рассказывает о своем книжном собрании, видно, что это библиотека ученого, который как искусствовед и книговед собирал и собирает книги по своей специальности, а как читатель — художественную литературу и поэзию... Не редкое или ценное издание, а интересное для него было предметом собирания. «Книги для меня — все,— пишет А. А. Сидоров,— книги — это моя жизнь».

Жизнь своей библиотеки А. А. Сидоров называет «пульсирующей жизнью». Она как бы то сжимается, то расширяется. Раньше он хотел, теперь отказался от мысли написать «Роман моей библиотеки», где собирался рассказать, как его увлечения сказывались на жизни библиотеки. Одно время Алексей Алексеевич увлекся шахматами и собрал всю возможную литературу об этой игре. Прошло время. Сидоров почувствовал, понял — как говорит он,— «жестокость шахматной игры» — и немедля все собранные по этому вопросу книги передал, подарил в библиотеку Дома ученых, его собственная уменьшилась, как бы сжалась. Так и живет книжное собрание А. А. Сидорова, приобретая тот или иной крен, уменьшаясь и вновь увеличи-

ваясь. Сейчас центр его интересов — в книгах о книге. Искусствоведческая библиотека Алексея Алексеевича уходит в Институт истории искусств Академии наук СССР, опустевшие полки заполняются и будут заполняться книгами о книгах. А. А. Сидоров хочет, чтобы его библиотека растворилась в более крупных книжных собраниях и не оставалась бы отдельным, выделенным фондом. «Память о человеке живет в его трудах»,— говорит он.

За всю свою жизнь А. А. Сидоров не пропустил или его не обошло ни одно из московских книжных объединений. Он был членом-учредителем Русского общества друзей книги, он многократно выступал в клубах книголюбов ЦДРИ, Дома ученых, его можно услышать в клубе экслибрисистов. Кстати, его собственная коллекция экслибрисов — это интереснейшая тема (см. сборник «Книга и графика», 1971).

С 1902 года живет Алексей Алексеевич в Москве. Сейчас его квартира на Ленинском проспекте. Глухие стены дома защищают ее от внешних звуков, тишина, покой и книги наполняют ее комнаты.

Совсем недавно в Москве проходили две выставки. Одна — в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина — выставка рисунков западноевропейских мастеров из коллекции А. А. Сидорова, которую он целиком подарил музею, а другая — в Государственной Третьяковской галерее — из рисунков и акварелей русских мастеров, тоже собранных Алексеем Алексеевичем и переданных им в дар галерее. Этим двум событиям предшествовала книга А. А. Сидорова «Записки собирателя», выпущенная издательством «Художник РСФСР» в 1969 году.

Он передал двум крупнейшим музеям страны свое собрание рисунков. Оно хранилось у него в папках, и хотя много раз листы их перекладывались, смотрелись, общение с ними оставалось эпизодичным за все время их жизни в доме А. А. Сидорова.

Иное дело книги. Расстаться с этими ежедневными, ежечасными друзьями совсем невозможно. И хотя судьба их определена, они остаются с Алексеем Алексеевичем, с ним, рядом...

Н. П. ПАХОМОВ

Любопытный народ охотники. Кого среди них не встретишь. Этот — только за лосями, другой — на медведя ходит, тот — специалист по тетеревам, волкам, лисицам. Настоящий охотник в своем деле — мудрец. Николай Павлович Пахомов — настоящий многоопытный охотник, знаток гончих. Ему теперь много лет, и давно от охоты в полях и в лесах он отошел. Однако чувство это неистребимо. Его ружье умолкло, но он стал охотиться за книгой. Правда, в последнее время Николай Павлович сдается, потерпев ряд поражений. Еще бы, он не только не мог заполучить многих книг, часто не удается их увидеть — мелькнет название в «Книжном обозрении», как заяц перед малоопытным охотником, и нет, все выстрелы впустую...

Пахомов сухощав, высок и держится всегда прямо. Его невозможно представить согнувшимся. За спиной — большая жизнь.

Чего-чего за прожитые восемьдесят с лишним лет не повидал, и, хотя глаза светятся лукавым огоньком, в общении он так же прям, как его фигура.

Пахомова непременно можно увидеть на открытии московских выставок живописных, графических, акварельных, литературных. Он и сам сделал не одну. Последняя, которую помнят москвичи, была на улице Усиевича — «Выставка русского портрета» из частных собраний, он автор и каталога к ней. Николай Павлович непременно присутствует на чествовании много потрудившегося критика, писателя или художника, на обсуждениях выставок, где порой выступает очень и очень неравнодушно, чтобы не сказать большего. Часто видят Пахомова музеи. Встречают его там с радостью, смотришь, и подскажет что-либо полезное по части экспозиции, которых он в своей жизни сделал немало и, надо добавить, с большой культурой и знанием дела.

Неторопливой ровной походкой идет Николай Павлович арбатскими переулками. Вот уже много десятков лет не было еще случая, чтобы в этих походах забыл он заглянуть в книжный магазин. Московские книжники разных рангов знают его очень хорошо, и он их — не хуже. Пахомов знает литературу и писателей, живопись, графику и художников, он знает любопытные уголки Москвы, он знает охоту и охотников!

Николай Павлович всю жизнь был собирателем. Где бы он ни работал, каковы бы ни были его служебные обязанности, чем бы ни был он занят,— собирательство всегда оставалось с ним. Но он совершенно особый собиратель — собиратель не для себя. Его собственная библиотека сейчас насчитывает 5 тысяч томов, и в ней много интересного. Была бы любопытна выставка картин, акварелей и графических работ, висящих у него дома, выставка заняла бы немного места, но оставила бы премного самых приятных впечатлений — и все же главное в жизни Николая Павловича не это.

Николай Павлович — собиратель для музеев.

Сколько их, экспонатов Государственного литературного музея, попавших в экспозицию и в запасники благодаря усилиям, собирательским способностям и знаниям в высшей степени незаурядного собирателя Н. П. Пахомова.

Библиотека абрамцевского музея, ее редчайшие, ценнейшие экземпляры с автографами, комплекты периодических изданий XIX века и многое другое — дело рук Н. П. Пахомова. О самом музее речь пойдет особо.

А лермонтовские Тарханы, музей поэта в Пятигорске, литературный музей Л. Н. Толстого? Как ценно все то, что попало в эти музеи благодаря собирательскому таланту неутомимого, всегда энергичного Николая Павловича Пахомова.

Начало всему положила охота.

Давно, давно в 1898 году восьмилетним мальчиком сидел он дома и перелистывал страницы очередного номера иллюстрированного журнала «Нива». Картинка сменяла картинку, и вдруг:

— Ой, как мчатся собаки!

Небольшой рисунок остановил внимание, не захотелось переворачивать страницу. Автором рисунка и рассказа «Псовая охота» был художник Н. Н. Каразин. Не отрываясь, прочел. Воображение было затронуто. Вслед за сценами Н. Н. Каразина оно рисовало одну за другой увлекательные картины. «Особый охотничий язык, вся обстановка этой охоты: стая гончих, свора борзых, лихие кабардинцы... музыка охотничьих рогов и голоса гончих, наконец, маг и волшебник всего этого дела распорядитель охоты...— пишет Пахомов,— на всю жизнь взволновали меня, определив мою привязанность к псовой охоте...»

Гимназист Пахомов стал студентом филологического факультета Московского университета, настоящим охотником, владельцем гончих.

Николая Павловича в охоте занимала не добыча — ему была до крайности приятна обстановка охоты. Просторы полей, неуемный бег ветра, шелест листвы в лесу, а главное,— собака. Русская гончая, ее поведение, ум, привязанность к человеку, ее удивительная красота — вот что стало в охоте для Н. П. Пахомова предметом самого страстного увлечения. Для постижения

собаки он учился непростому мастерству игры в охотничий рожок, тренируясь так, что губы распухали. Долгие часы посвящал он собачьим выставкам, дальним поездкам к знакомым охотникам, державшим стаи гончих, бывал на собачьих рынках... Но всего этого оказалось мало. Для истинно глубоких знаний нужна была книга.

И Николай Павлович стал самым ярым охотником на ниве книжных просторов, собирателем литературы, посвященной охоте и гончим собакам.

В первую очередь занялся периодическими охотничьими изданиями, когда-либо выходившими в России. Трудно было подобрать все номера «Журнала охоты». Бесчисленное количество раз пришлось побывать ему в букинистических магазинах Шибанова, Фадеева, Николаева и других даже в те далекие годы... Ведь «Журнал охоты» был первый русский специальный охотничий журнал. Он начал выходить в 1858 г. Подписчики регулярно получали номера до 1860 г. Затем у издателя его Георга Мина дела, видимо, сильно пошатнулись. Год 1861 не дал ни одного номера. В следующем году издание возобновилось, но в конце 1862 прекратило свое существование навсегда. Издание было более чем редким. В числе выступавших на его страницах был С. Т. Аксаков. Понадобился не один год, но в конце концов полный комплект «Журнала охоты» у Н. П. Пахомова появился. Одновременно подбирался полный комплект сабанеевского «Журнала охоты», выходившего регулярно в Москве с 1874 г. Этот журнал с 1878 года слился со сборниками о природе и стал называться «Природа и охота». Предметом особого внимания Николая Павловича явился журнал, посвященный только псовой охоте — «Псовая и ружейная охота». Журнал издавался С. В. Озеровым в Туле. Первый номер его выходил не как обычно в январе, а в сентябре, потому что именно в этом месяце начиналась псовая охота. Журнал «Охота» Д. П. Вальцова издавался всего два с половиной года, начиная с 1891, а «Журнал охоты» А. Е. Корша — один год (1890) целиком, в 1891 году вышла всего одна книжка, а в 1892 — две, на этом журнал прекратился. «Охота» за всеми этими комплектами в те годы для Николая Павловича осложнялась тем, что он хотел иметь все номера с обложками. В переплетенных комплектах журналы по большей части оставались без обложек, переплетчики имели обыкновение их срезать, а на обложке мог быть интересный рисунок или какие-нибудь дополнительные сведения. Немало пришлось похлопотать Николаю Павловичу, пока он подобрал себе эту охотничью периодику. Зато как приятно было просматривать очередной новый комплект или даже номер, встретить на страницах журнала воспроизведение работы художника А. С. Степанова, написавшего портрет «Сердечной» — красавицы борзой, ослепительно белой с черными, как бусины, глазами, с хорошо затянутыми ушами. Она и на несведущего человека, даже на равнодушного, произ-

водила впечатление, каково же было ее видеть знатоку, поклоннику собачьей породы.

Особой любовью Николая Павловича, правда, были не борзые, а гончие. Гончая. Много сил и времени было отдано ей. Чтобы иметь полное представление о гончей, собирал журналы, и они находились в постоянной работе!

То необходимо составить родословную русских золотомедальных гончих — и для этого просматривались за все годы рубрики журналов «Портреты гончих». До сих пор целы у Николая Павловича пожелтевшие от времени тетрадки с аннотациями ко всем статьям о гончих из журналов «Наша охота», «Семья охотников», «Природа и охота»... Он снимал иллюстрации, посвященные гончим и охоте с ними, составляя альбом — «Русская гончая».

Нет сейчас человека, который бы лучше и больше знал о русской гончей, чем Николай Павлович Пахомов, никто лучше его не смог бы ни написать, ни иллюстрировать монографии «Русская гончая», и жаль, что ее нет. Николай Павлович написал шесть книг о гончих, одна из них — «Породы гончих» — издана Всекоохотсоюзом в 1931 году. Среди охотников она давно признана классической, но о русской гончей, считает Николай Павлович, можно еще очень много рассказать.

Собирал он материалы и об известных в свое время русских охотниках, их портреты, выписки и заметки к их биографии. Эти материалы теперь совершенная редкость и безусловная ценность, которой гордится Николай Павлович. Есть у него и еще некоторые редкости охотничьего книжного мира.

Аккуратно переплетенная, лежит на его письменном столе небольшая зеленая книжка, которая помогала ему в его поисках охотничьих изданий. Это справочник Н. Ю. Анофриева «Русская охотничья библиотека», изданный в 1906 году в Брест-Литовске,— полный список книг, брошюр и журналов, посвященных охоте. Каждому изданию дается краткая аннотация, отзыв...

И еще одна, созданная самим Пахомовым, переплетенная книга истории Московского общества охоты. Единственный экземпляр. Он составил эту книгу из повесток правления и разных комиссий Московского общества охоты — здесь есть даже билет на бал, устроенный обществом, меню званого обеда, а главное, сообщения о всех деловых вопросах, стоявших перед обществом и так или иначе решенных им в период 1908—1915 годов.

Охота занимала Николая Павловича в юности, но не прошла бесследно и в зрелые годы, отразилась в его работе.

Альманах «Охотничьи просторы» в конце 50-х годов опубликовал серию его рассказов «На волков с гончими» и «Портреты гончатников». К сожалению, альманах попадается в руки не столь часто. Но глаз внимательных критиков заметил рассказы, и в журнале «Вопросы литературы» за 1971 год можно

прочесть: «...В „Портретах гончатников" охотник Пахомов написал разлуку... Это, правда, расставание псаря со своими собаками, но таких поистине выраженных словами слез и боли мне не попадало в нашей прозе, называемой „исповедальной" или „психологической"».

Охота, несмотря на все ее увлекательные стороны, не могла, разумеется, целиком заполнить жизни, к этому никогда и не стремился Николай Павлович. Еще пребывая в стенах Московского университета, он составляет свою библиотеку филолога.

На Кузнецком мосту до революции была лавка «Образование». Обычно каждую субботу после занятий в университете Пахомов спешил туда, где ему, как постоянному покупателю, была подготовлена пачка книг по интересующим его вопросам. Он выбирал себе из нее что-то и затем отдавал в переплетную мастерскую Петцман. Сколько волнений: как книга будет выглядеть, как делать ее, с блинтами или нет, уголки с кожей или без уголков? Пахомову нравилось рассматривать образцы кожи, которые предлагала своим заказчикам мастерская, форзацы, шелк на закладки и бумагу на переплет. Его восхищало мастерство переплетчиков, делавших тончайшие ювелирные надписи. Он до сих пор демонстрирует книжку Ф. Сологуба «Истлевающие личины» как образец искусства. Тоненькая книжка, меньше одного сантиметра, и такое большое название умещено на корешке переплета.

— Стоило это, конечно, не дешево,— говорит Пахомов,— но где же хорошее искусство стоит дешево?

Особым вниманием Пахомова как филолога пользовались горьковские сборники «Знание», сочинения Леонида Андреева, издание «Журнал для всех»... Помнит Н. П. Пахомов появление первого номера журнала «Золотое руно». И сейчас приводит в изумление печать этого журнала, а тогда воспроизведения его потянули Н. П. Пахомова на выставки, к живописи.

Вслед за Московским университетом Пахомов отправился усовершенствовать свои знания и образование в Петербургский, только на юридический факультет. Его кончить не успел.

Холодная и голодная Москва первых лет революции. Нетопленый город, очереди за хлебом. В Мертвом переулке, девять, в небольшом простом и строгом особняке работала коллегия по музейным делам и охране памятников искусства и старины. Брошенные барские усадьбы, особняки зачастую были наполнены музейными вещами. Надо было спасать их от гибели. Этим и занималась организованная советской властью комиссия, которую возглавить был призван Игорь Грабарь. В ней начинает трудиться и Н. П. Пахомов.

Комиссия назначала экспедиции в известные барские усадьбы. Оттуда привозились в Мертвый переулок картины, мебель, фарфор, скульптура, рисунки, гравюры... В этом большом и сложном хозяйстве могли разобраться только люди понимаю-

щие. И. Э. Грабарь знал, кого пригласить. В коллегии работали П. П. Муратов, М. С. Сергеев, Н. Г. Машковцев, С. И. Тютчева, А. В. Лебедев и многие другие специалисты.

— Это была настоящая школа искусства,— вспоминает Пахомов.— Чего, чего не привелось увидеть, как интересно было слушать, когда на очередном заседании ставилась привезенная откуда-нибудь из Марфино или Остафьево неизвестная картина. Какие-то переговоры, возгласы недоумения, восклицания, восхищения, затем — молчание. Кто-то бросит реплику — неизвестный автор, мифологический сюжет. И только спустя некоторое время вставал Д. Д. Иванов и говорил:

— Это копия работы,— называл художника,— оригинал находится в Италии,— называл музей,— сюжет — третья песнь седьмой главы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим»...— Удивительных знаний были эти люди,— добавляет Пахомов.

С деятельностью комиссии музеев и охраны памятников старины связана одна замечательная страничка в культурной жизни Москвы. Это возникновение пролетарских музеев. Сейчас требуется специальное исследование, чтобы установить точно, сколько их было открыто комиссией в Москве. Современники называют цифру шестнадцать. Журнал «Среди коллекционеров» № 2 за 1922 год рассказывает о девяти. Третий и восьмой пролетарские музеи Краснопресненского и Благуше-Лефортовского районов к 1922 году уже были закрыты, но семь еще действовали. Комиссия не просто собирала и хранила спасенные ею ценности. В особняках старой Москвы она после распределения наиболее значительного между крупными государственными музеями комплектовала малые, наполняя их картинами, мебелью, фарфором, тканями, предметами железного и бронзового литья, тоже отнюдь не второго сорта, стремясь приобщить к красоте, созданной художниками прошлых времен, как можно больше людей, раньше не имевших возможности ее видеть.

Посетив один из музеев — 1-й пролетарский, А. М. Горький отметил: «Прекрасное культурное дело сделано».

Создание и работа этих музеев проходили на глазах Н. П. Пахомова и были великолепной музейной школой. Университеты начались чуть позднее, когда он стал хранителем Музея иконописи и живописи, организованного из остроуховского собрания.

Илья Семенович Остроухов для молодежи того времени был одной из московских легенд и былей. Мнение Ильи Семеновича, приезд его на ту или иную выставку были мерилом ценности и значительности. Юношей как-то Николай Павлович однажды попал к И. С. Остроухову. Теперь Николай Павлович точно не помнит, было ли это до приезда в Москву Матисса, приглашенного С. И. Щукиным развесить свои картины в его галерее, или после, только помнит, что визит Матисса к Остроухову произ-

вел на французского художника большое впечатление. Москва еще больше была удивлена впечатлением Матисса и по старой привычке прислушиваться к тому, что сказали заморские гости, сама с большим уважением стала относиться к собранию Остроухова.

Попасть к Остроухову и взглянуть, что у него есть, стало если не обязательным, то крайне желательным.

Все это было в прошлом, и все же Николай Павлович вспоминал все известное ему об И. С. Остроухове, пока шел в Трубниковский переулок из своего Сивцева Вражка в первый день службы на новом месте. Но вот скрипнула калитка, и Пахомов очутился в саду. В Москве стояла весна. Пахомову пришлось чуть подождать Илью Семеновича на террасе дома, и он мог спокойно оглядеться. На террасу свешивались ветви буйно цветущей вишни, как потом оказалось, это был какой-то особый сорт. В саду среди кустов сирени стояло авторское повторение в уменьшенном виде андреевского памятника Николаю Васильевичу Гоголю. Наконец, появился Илья Семенович.

— Огромный старик,— вспоминает Пахомов,— в мягких туфлях. Прежде всего усадил меня пить чай в столовой, где висели чудесные вещи, сейчас не помню чьи, но только замечательные. Потом он повел меня по комнатам.

Вот тут-то и началось настоящее постижение для Пахомова не только искусства, но и искусства собирательства... Даже у неизвестного художника Остроухов умел отыскать вещь, встречаясь с которой, человек немел от удивления — до чего хороша.

— И еще,— говорит Пахомов,— здесь, в доме Остроухова, я почувствовал прелесть небольшого собрания, домашнего, но очень хорошего музея.

— Потом, когда после смерти Остроухова музей был закрыт, а вещи переданы в Третьяковскую галерею,— говорит Н. П. Пахомов,— я смотрел, скажем, работу Крамского, небольшой портрет дочери художника, читающей письмо. В стенах галереи он как бы терялся и не производил того впечатления, какое в остроуховском особняке.

Действительно, в самой интимности, которая возникает при осмотре небольших музеев, в тишине их комнат есть своя ни с чем не сравнимая прелесть и обаяние.

Какой это был музей,— снова и снова повторяет Пахомов.— Все здесь было выше всяких слов и похвалы. Илья Семенович не являл собою поклонника одного какого-либо направления искусства, везде, где оно проявлялось как образец неповторимого дара художника, оно было ему дорого. С одинаковой страстностью любил он и ценил икону и деревянную игрушку народных умельцев. У него был замечательный золотой олень. Он был до того хорош, его мастерили такие вдохновенно умелые руки, он был так красив в своем движении, что только потом вспоминалось: а ведь он к тому ж из золота.

Работа с Ильей Семеновичем, ежедневное общение с ним и его музеем — было настоящим счастьем.

Именно здесь, в остроуховском музее, и закладывалась жилка особого собирательства, любви и понимания, что собираешь и для чего, по крайней мере, у Николая Павловича Пахомова. Еще до смерти И. С. Остроухова (1929 г.), т. е. до того, как музей был закрыт, Н. П. Пахомов перешел в литературный музей. Его возглавлял тогда В. Д. Бонч-Бруевич. В музее пришлось заниматься Лермонтовым, любимым с детства поэтом. Это было радостно.

С этих пор всю энергию, все знания Николай Павлович Пахомов переключил на пополнение музейных фондов. Но понимал Н. П. Пахомов, надо в первую очередь хорошо познакомиться с существующими фондами музеев. День за днем вечером, во всякую свободную минуту он, не щадя сил, изучал фонды, кое-что занося на карточки. Часть была ему знакома еще со времени работы в коллегии по музеям и охране памятников искусств.

Не уходили у него из поля зрения букинистические и антикварные магазины; стоило ему увидеть где-то в магазине акварельный портрет или любопытный подсвечник, бра, табакерку, какую-нибудь любопытную чернильницу, редкую книгу, и эти вещи непременно перекочевывали в фонды музеев. Если не покупал Литературный, он сообщал музею Толстого или лермонтовскому в Пятигорске, в Тарханах...

Лермонтовский музей в Пятигорске существовал очень давно. Но экспозицию надо было делать заново, все годы музей оставался полупустым. Как много для него сделал Н. П. Пахомов.

Поиски Н. П. Пахомова начались в Ленинграде у букинистов, в различных книжных хранилищах с просмотра десятков и сотен листов литографий.

Можно перелистать горы, кипы литографий, но так ничего и не увидеть, не найти. С Николаем Павловичем в Ленинграде тоже по заданию Бонч-Бруевича работал еще один сотрудник Литературного музея. И видит Пахомов, как в ненужную стопку откладывает он, не задумываясь, цветной лист литографии.

— Постойте, что это? Подпись стоит «Мейю». Но ведь Лермонтов в школе был именно так прозван, упрощенно «Мейю» от «Майошка».

Пахомов берет литографию и спустя некоторое время устанавливает, что это литография одной из многочисленных карикатур на широко известного героя французского приключенческого романа «Проказы Мейю». Лермонтов же был прозван «Майошкой» за его малый рост и большую голову. Литография к тому ж оказалась современницей Лермонтова, была издана в 1832 г. Пролежав в антикварном магазине немало лет, перекладываясь в сторону как ненужная, она, наконец, попала в

руки Н. П. Пахомова и обрела новую жизнь, стала рассказывать о Лермонтове в его музее в Пятигорске.

Книжные фонды Ленинграда находились тогда в Петропавловской крепости. Холод, пальцы стынут и коченеют, огромные стопы книг, брошюр, нот. В вышине пустующего собора гулко отдается любой звук, движение, в глазах рябит от просмотренных книг, нот, и кажется, не видишь, что читаешь. Но это кажется. Глаза сразу остановились на первом издании романса «Утешение» на слова Лермонтова 1842 г.— и еще один экспонат приобретен для музея.

М. Ю. Лермонтов служил за всю свою жизнь в четырех гвардейских полках. И когда его хоронили в Пятигорске, гроб выносили представители всех четырех полков. А каждый полк имел свою форму. Как же их было, по мнению Пахомова, не показать в пятигорском музее, в том самом доме, откуда ушел поэт в последний путь. Упорно и долго искал он акварели, изображающие четырех людей, отдавших последнюю дань поэту. Это были близкие друзья Лермонтова, особенно один, Столыпин. Искал Пахомов в фондах музеев, в частных собраниях. И нашел.

Правда, не все ему удалось отправить в пятигорский музей, но отправленные висят в экспозиции.

Бывало, что находки сами приходили в руки, без усилий делались открытия. В Литературном музее купили портрет Николая Федоровича Плаутина — командира лейб-гвардии гусарского полка, в котором служил Лермонтов. Писал портрет художник Клюндер. Купили и поставили до времени. Николай Павлович рассматривал это новое приобретение музея, поворачивая его так и сяк, стряхивая, смахивая пыль, вдруг обнаружил на обороте картины контур потускневшего рисунка. Что это? Чьи знакомые черты? Кинулся поближе к свету. Не верит себе, не ошибка ли? Нет, это не галлюцинация. Опять смотрит и вдруг кричит:

— Братишки! — так любит Пахомов обращаться к работникам музея,— что же вы смотрите? Неоконченный портрет самого Лермонтова.

Нельзя рассказать о всех поисках и находках Н. П. Пахомова, связанных с Лермонтовым, это особая тема. Николай Павлович — автор книги «Лермонтов в изобразительном искусстве», выпущенной в 1940 году Академией наук, основоположник изучения изобразительных материалов по Лермонтову, и не зря редколлегия лермонтовской энциклопедии, издаваемой в Ленинграде, так терпеливо и настойчиво ждет его статей.

В своей библиотеке Н. П. Пахомов дорожит больше всего тем, что относится к Лермонтову. Чего он не делал, чтобы заполучить интересующее его издание, если оно относится к Лермонтову. Перед войной к лермонтовскому юбилею готовились два альбома, один в Москве, другой — в Ленинграде. Эти два издания в какой-то степени соперничали друг с другом. Ленин-

градский альбом вышел в войну, когда город был отрезан. Каким-то чудом в Москву попал один экземпляр. Это стало известно Николаю Павловичу. Он бросился к владельцу и... получил альбом в обмен на полный комплект журнала «Жар-птица», издания чрезвычайно редкого, осуществленного не в России.

В библиотеке Николая Павловича хранятся все прижизненные издания Лермонтова. Он знает историю выхода в свет каждого, к каждому из них у него есть свои комментарии, какие-то интересные сведения.

В охоте за лермонтовскими изданиями самым трудным оказалось, по наблюдению Н. П. Пахомова, подобрать все номера журналов и сборников, в которых были первые публикации произведений поэта: альманахи «Вчера и сегодня», «Молодик», «Утренняя заря» и др. На эту интереснейшую тему — «Первые публикации Лермонтова» — Николай Павлович в свое время делал доклад в Русском обществе друзей книги.

Хранится у Пахомова редкая книга: «Лермонтовский музей Николаевского кавалерийского училища». Это каталог музея. Он издан в 1883 году, а составил его начальник училища полковник А. А. Бильдерлинг. Лермонтов учился здесь с 1832 по 1834 год, и вот А. А. Бильдерлинг в 80-е годы решил организовать в стенах училища его музей. Это был вообще первый в России литературный музей. Чтобы получить экспонаты, А. А. Бильдерлинг обратился к людям, знавшим Лермонтова, к его родственникам, к тем, кто был так или иначе связан с поэтом и еще оставался в живых. Отклик был самый великодушный. А. А. Краевский, издававший Лермонтова в «Отечественных записках», сейчас же пожертвовал музею хранившиеся у него эти годы рукописные тетрадки Лермонтова, много материалов передал А. П. Шан-Гирей. В музее получилось шестнадцать отделов: рукописи поэта, портреты его друзей и родственников, современников, сборники сочинений, официальные документы, личные вещи. Все 16 отделов подробно освещены в каталоге А Бильдерлингом.

Николай Павлович мечтает написать историю литературных музеев России. Она должна начаться с музея его любимого поэта Лермонтова.

И еще об одной странице жизни не совсем обычного московского друга книги, не совсем обычного собирателя. Она связана с Абрамцевым, с этим чудесным, дорогим человеческому сердцу уголком Подмосковья.

Когда-то давно там жил С. Т. Аксаков. Тишину его дома, высокую настроенность его хозяина приезжали разделить Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, М. С. Щепкин... Потом Абрамцево стало мамонтовским. В стенах бывшего аксаковского дома зазвучали голоса Ильи Репина, Марка Антокольского, Валентина Серова, Константина Коровина, Нестерова, Поленова, Шаляпина, Врубеля. Теперь там музей. Тысячи и десятки ты-

сяч людей со всех концов страны, приезжающие туда, говорят о том, как он дорог, этот уголок, как он нужен людям, как хочется взглянуть на стены, где Валентин Серов написал «Девочку с персиками», Врубель творил свои мозаики, Виктор Васнецов сушил полотна «Каменного века». Теперь это возможно. А было время, когда дом стоял заколоченным, с провалившимися ступенями крыльца. Когда уныло смотрели окна запущенной васнецовской избушки на курьих ножках и пустели аллеи парка. Но вот в Абрамцево пришел 1947 год, а с ним и Н. П. Пахомов, назначенный туда директором.

Обычно музейные работники большие собственники. Все, что попадает в поле зрения, крепко оседает в их владениях, это в общем понятно и правильно. Ну что бы это был за музей, если из него легко и просто можно перенести, перевести вещь в другой. Но бывает очень обидно, когда вновь организуемому музею необходима вещь, которая есть в другом, а последнему она не нужна, но он ни за что не хочет отдать ее в экспозицию нового.

Абрамцевский музей существовал и до войны. Затем вещи его перевезли в другой, а дом стоял пустым и заколоченным. Во время войны в нем был госпиталь. К передаваемым когда-то абрамцевским вещам приложили опись, которая исчезла, не оставив следа. Во всяком случае Н. П. Пахомову ее так и не удалось обнаружить, не помог и многолетний охотничий опыт. Но в музее нашелся человек, сочувствующий идее восстановления Абрамцева. Прослужив много лет, он знал, что, откуда и когда поступило, знал наизусть. Так была составлена новая опись вещей из Абрамцева. Долгие и длинные переговоры, но деваться было некуда, пришлось отдавать.

Пахомовский темно-коричневый вместительный портфель. Сколько можно рассказать о нем, или о том, что усилиями Николая Павловича попадало в него, чтоб очутиться в Абрамцеве. Сколько переносил в нем Пахомов небольших картин, вещей, книг — и все для Абрамцева. За некоторыми экспонатами для музея охота продолжалась годами. За одним этюдом Михаила Васильевича Нестерова Пахомов ходил к владельцам ровно семь лет, но этюд в конце концов попал в музей.

Знания и способности Н. П. Пахомова-собирателя, его безграничная преданность Абрамцеву помогли ему составить для музея замечательную библиотеку и архив. Восстановить библиотеку владельцев Абрамцева не удалось. У Аксаковых не было ее описи, основное книжное собрание Мамонтовых хранилось в Москве, зато музей Абрамцево имеет благодаря Пахомову прекрасное собрание книг, периодики — современной владельцам Абрамцева. Н. П. Пахомову очень хотелось приобрести хотя бы одну книгу С. Т. Аксакова с его автографом. Первой оказались «Записки об ужении» с автографом Аксакова С. М. Соловьеву, знаменитому историку, потом в Абрамцеве появилось 10 книг Аксакова и все с его автографами.

Долго искал у букинистов Н. П. Пахомов «12 спящих будочников» Елистрата Фитюлькина, искал и нашел. Выход этой книжки в свет повлек отстранение С. Т. Аксакова от должности цензора. Она была написана студентом Московского университета Проташинским и являла собою пародию на «12 спящих дев» В. А. Жуковского. В экспозиции музея это рассказ о деятельности Аксакова-цензора и о резолюции Николая 1 об его увольнении.

А какие выставки открывал в Абрамцеве собирательский дар Пахомова! Кто-кто, а уж он-то знал, где еще есть что-либо из картин, этюдов, портретов, написанных в Абрамцеве, или людей, связанных с Абрамцевым. Это были замечательные выставки. Как оживал Абрамцевский дом в дни их открытия. В каждой комнате на окнах, столах, у камина и дивной кафельной печки-лежанки, созданной Врубелем, стояли цветы. Букет из обыкновенных цветов мать-и-мачехи являл собою произведение вкуса, что говорить о пионах... Комнаты Абрамцевского дома наполнялись говором москвичей, интересные люди приезжали в те дни сюда, и среди них в своем неизменном черном костюме то здесь, то там мелькал улыбающийся Пахомов. Он был доволен не меньше, чем гости вернисажа, еще бы, его собирательская гордость бывала удовлетворена. Далеко не каждому придет в голову поставить рядом с портретом С. И. Мамонтова работы Врубеля ту самую небольшую черную скульптурку, на фоне которой изображен москвич и создатель сказочного Абрамцева — Мамонтов. А если и догадается, то ведь надо еще разыскать... Для Н. П. Пахомова это возможно.

М. И. ЧУВАНОВ

О библиотеке Михаила Ивановича Чуванова писали много. Восторгаясь его собранием, все пишущие непременно употребляют слово «богатство», «книжное богатство», «богатое собрание автографов» и т. д., но при этом почему-то редко появляется слово, с которого нужно, думается, начинать рассказ о библиотеке М. И. Чуванова,— слово «труд». «Богатство», если вообще уместно подобное понятие в применении к истинным друзьям книги, не то слово. Никакие материальные вознаграждения не оценят и не измерят затраченного труда, вложенной любви. Не случайно большие книжные собрания (и не только книжные) лишь в исключительных случаях ликвидировались теми, кто их составил.

Собирательство — это в первую очередь труд. Для Михаила Ивановича в жизни, а 85 лет — срок почтенный, не существовало понятия «отдохнуть». Если у него выпадал свободный от работы и житейских дел час, он посвящался только одному — книгам, библиотеке. Это был лучший отдых, хотя приносил часто большую физическую усталость.

Библиотека у М. И. Чуванова интересная, ценная. И сравнительно небольшого рассказа ей мало — она достойна удивления, она вызывает восхищение при первой же встрече с ней, и может удержать около себя месяцы, годы... она обаятельна кожаными корешками рукописных книг, автографами, книгами рукописных материалов, составленными Чувановым, но за всем этим следует видеть прежде всего любовь, труд.

М. И. Чуванов родился и вырос не в Москве, но рядом, в деревне Михнево Московской области. Рос без отца. Мать работала у волостного писаря, одна поднимала единственного сына. Со второго класса начальной школы летом и он стал работать у него — помогал с деловыми бумагами.

Писарь был страстным библиофилом, звали его Михаил Ульянов. Он жил в казенной квартире при волостном управлении, а рядом стоял собственный, небольшой, но все же дом, в котором жила только его библиотека.

Если писарю нужна была какая-нибудь книга, он давал Мише ключи от дома и просил принести, предварительно подробно объяснив, где найти. Тут все и началось. Тишина и некоторая сумрачность дома, наполненного книгами, аромат,

свойственный только книжной пыли, ряды книг — все создавало неповторимый колорит. К тому же прибавлялась возможность подержать в руках любую книгу, полистать ее страницы, посидеть чуть-чуть одному в этой таинственной тишине.

Вечерами писарь, мать Миши Чуванова и он собирались у самовара и начиналось чтение. Жена писаря, совершенно равнодушная к подобным занятиям, уходила к соседям или ложилась спать, а эти трое за чтением засиживались иной раз далеко за полночь. Читала мать Миши. Кто-то выучил ее читать, и книги стали большой радостью в ее нелегкой жизни. Она ценила место у писаря, оно позволяло получать эту радость. Обычно спешила днем закончить дела, чтобы оставить время для чтения. Каждый вечер был праздником для нее, скоро он стал праздником и для Миши. Не меньшим праздником были новые книги и журналы, которые выписывал М. И. Ульянов из Москвы и Петербурга. Обязанностью Миши было ходить за ними на почту. Зато он первым просматривал полученное, причем в том самом доме, где жила библиотека писаря.

Так книги заменили те прекрасные сказки детства, которые живут затем в памяти вечно.

Прекрасно было знакомство с первой в жизни библиотекой, страшным оказалось огорчение за нее. После смерти писаря малограмотная жена его продала библиотеку с пуда местному торговцу — в страницы разорванных книг заворачивали селедку, мыло и другой мелкий товар. Даже в восемьдесят с лишним лет М. И. Чуванов рассказывает об этом, содрогаясь.

На память остался только томик сочинений Лермонтова в красном переплете, который подарил ему писарь, когда Миша, кончив начальную школу, уехал в Москву.

В Москве — работа в чаеразвесочной Расторгуевых. От пыли, которой приходилось постоянно дышать, началась чахотка, и М. И. Чуванов перешел учеником наборщика в типографию — без пыли, а главное, поближе к книгам — думалось тогда.

В типографии книгу ощутил, что называется, сполна. Ему самостоятельно вручную удалось набрать только одну детскую книгу «Две копейки». Но зато вел ее всю от начала до конца, а там труд наборщика заменили машины — это был 1909 год.

Работая в типографии, Михаил Иванович стал учиться на Миусских вечерних и воскресных курсах для рабочих, основанных Ю. П. Назаровой... На этом систематическое образование и кончилось, все остальное заменила книга...

Книга — других интересов с первых самостоятельных шагов в жизни не существовало. Обычно в воскресенье с утра он обходил все московские книжные развалы: на Сухаревке, на Ильинке, не забывал Устьинский и Смоленский рынки.

Михаил Иванович итоги своих первых собирательств называет «сброд, книги-сброд». Случайные, не определенные никакой тематикой — и те, и другие, и третьи. На развалах продавались книги, скупаемые пудами по весу. Купит скупщик не-

сколько пудов книг, разберет их, каждой дает цену: 10, 15 и даже 20 коп. и продает. Вот и роются в них любители, с затаенной надеждой, а вдруг да и встречу, подешевле куплю, что давно хотелось. Случалось, и нередко, что покупали действительно за копейки прекрасные, дорогие книги. Эти случаи рождали легенды, которые поддерживали поток любителей порыться в книжных развалах.

Книги той поры у Чуванова почти все пропали. Когда его забрали в армию, тетка, у которой он жил в Москве, растапливала ими печку.

После войны и Великой Октябрьской революции, которую он встретил в армии, Михаил Иванович возвращается в Москву. Снова работает в типографии и снова начинает собирать книги. Запомнились московские книжники. Горюшкин у Ильинских ворот, В. И. Чумаков около университета и особенно Иван Михайлович Фадеев, о котором говорит Чуванов с нежностью,— от него ни разу не уходил без интересной книги. А интересна была в ту пору русская классическая художественная литература. Накопилось ее в сравнительно короткий срок достаточно. В 1920 году он уезжал в Среднюю Азию из Москвы, книги решил отправить матери в деревню, в Михнево. Нанял пять подвод, возчики посмотрели, сколько товару, и решили: «Хватит трех, поднимут, пять ни к чему». Нагрузить — нагрузили все книги на три подводы, но лошади с места тронуться не смогли. Сбросили часть... Поехали. Миновали Москву, дорога пошла в гору — лошади опять стали, пришлось снова книги сбрасывать, на этот раз прямо в снег. Те, что доехали, целы и сейчас — это марксовские издания художественной литературы. Через год Михаил Иванович вернулся из Средней Азии, опять взялся собирать книги и продолжает по сей день... Только собрание с годами приобрело целенаправленность.

В библиотеке М. И. Чуванова много разделов, и они хорошо представлены. Но рассказ пойдет лишь о некоторых.

То время, когда он начинал, для собирателей имело теперь утраченное очарование. Прелесть посещения магазинов в 20-е и даже 30-е годы состояла в том, что свободный доступ к книге помогал почувствовать ее, что называется, на ощупь. Старые книжники не могли себе на миг представить той бешеной погони за книгой, которая так тяжела для нынешнего нового, только вступившего на путь собирательства человека. Тогда книжных покупателей, а тем более собирателей, было немного, и, как правило, их знали продавцы, знали, что кого интересует. Можно было часами рыться в книжном богатстве, перебирать, листать, смотреть. Это было не только удовольствие. Для человека, если он любил и собирал книгу, это была и школа. Ее прошел и Михаил Иванович Чуванов, прошел с начальных ступеней дешевых книжных развалов и до таких имен в букинистическом мире, как П. П. Шибанов. С ним М. И. Чуванов познакомился в 20-е годы, когда старый и опыт-

ный букинист заведовал магазином «Международная книга». Букинистический магазин Шибанова в Третьяковском проезде до революции был Чуванову недоступен. В магазине «Международная книга» Чуванов помогал Шибанову в разборке поступивших туда книг, а разбирать книги с Шибановым — это значило пройти отличную школу, после которой в книжном океане можно легко найти нужную дорогу. Однажды к Шибанову привезли старые рукописные книги. Шибанов поручил Чуванову самостоятельно разобрать и оценить попавшую к нему часть собрания. Когда все было готово, Шибанов с придирчивостью строгого учителя проверил сделанное Чувановым и сказал два слова:

— Достойный ученик...

Этот случай укрепил в М. И. Чуванове намерение собирать древнерусские рукописные и старопечатные книги. Так появилось одно из направлений библиотеки М. И. Чуванова, ныне наиболее интересный ее раздел.

Библиотеку М. И. Чуванов собирал каждый день, каждый час и каждый миг. И на работе всю свою жизнь М. И. Чуванов был с книгой, а рабочий стаж его насчитывает полвека. За это время он прошел путь от ученика наборщика до заведующего типографией. Не было в типографии той работы, которой не смог бы выполнить Чуванов. Надо набрать рукопись — пожалуйста, сверить ее — и это мог, держать корректуру — что ж, можно. Этот быстрый в движениях человек никогда не отказывался ни от какой работы. Через руки М. И. Чуванова прошло свыше трехсот рукописей, он набирал их, вел всю техническую редактуру, следил за всем процессом превращения рукописи в книгу как заведующий производством типографии.

В библиотеке М. И. Чуванова хранится книга Мате Залки «Повесть о вечном мире». На ней среди выходных данных значится — технический редактор М. Чуванов, а на титульном листе Мате Залка написал: «Дорогому Михаилу Ивановичу Чуванову — крестному отцу моих книжек, 1933 г.» Книга С. Н. Сергеева-Ценского «Гоголь уходит в ночь» вышла в Московском товариществе писателей в 1934 г., когда М. И. Чуванов был заведующим производственным отделом типографии. На титульном листе автор написал: «Дорогому Михаилу Ивановичу Чуванову с теплым воспоминанием о его работе над выпуском этой книжки. Москва, 23 августа 1934 г.» Николай Незлобин посвящает Чуванову следующее послание:

Инженеру книги,
Дивно живой машины,
Инженеру,
Который любит
И умеет ее собрать,
Зарядить
И запустить в ход,
Вам,

Этому счастливому
Инженеру —
С чувством глубокого уважения
автор, 1933 г.

Был М. И. Чуванов техническим редактором выпущенной Московским товариществом писателей книги Артема Веселого «Гуляй-Волга». И этот автор выражает свою признательность: «Михаилу Ивановичу Чуванову, чьими стараниями и заботами книга вышла в таком прекрасном виде. Благодарный автор, август 1933 г.»

Так определилось и еще одно из направлений библиотеки Михаила Ивановича — книги с автографами. Начало положили эти, адресованные ему.

Старинная рукописная книга вызывает интерес почти у любого собирателя. Века, стоящие за ней, всегда создают ореол, словно попадаешь на минутку в этот далекий XVII или XVIII век. Другое дело — рукопись современника, да еще не очень знаменитого. Сколько их потеряно, растерзано, просто брошено за якобы ненужностью. Но ведь это автографы, и М. И. Чуванов их собирал.

В одной из комнат дома М. И. Чуванова прямо на полу высилась стопа каких-то непонятных не то папок, не то больших конторских или даже амбарных книг. Ловко лавируя между этими бумажными холмами, бегает внук Михаила Ивановича.

— Дедушка, а что в этой коробке? — спрашивает он.

— В этой? Портреты писателей.

— А мы посмотрим их?

— Посмотрим.

Может быть, этот мальчик, который, играя в прятки, скрывается за высокие стопы книг и рукописей, унаследует от деда его любовь к книгам, до сих пор Михаил Иванович в своей любви среди близких одинок. Тем удивительнее его неотступность в собирательстве книг. Глаз невольно спрашивал хозяина: что это?

— Рукописи, автографы, а теперь их можно назвать архивом издательства «Недра»,— ответил М. И. Чуванов, сразу поняв немой вопрос, обращенный к бумажным горам.

В Москве в 30-е годы существовало такое издательство. В сравнительно недолгое время оно выпустило 20 литературных сборников, которые так и назывались «Недра», и немало художественной литературы. Об этом издательстве со временем будет рассказано, сейчас кажется непонятным, как всего три человека сумели выпустить столько книг. Недавно скончавшийся писатель Б. Л. Леонтьев, Н. П. Витман и бухгалтер В. Н. Попов — вот и все работники издательства. Они выполняли роль редакторов и главных, и старших, и рядовых, и художественного редактора, и корректора, любую, какая потребуется, и книги выходили. Все функции, которые выполняет сейчас

в издательствах огромное количество штатного персонала, у них делились между двумя людьми, ибо у бухгалтера были свои понятные обязанности. Дел, конечно, хоть отбавляй, но они делались, и единственный, кто призывался на помощь, это М. И. Чуванов. Окончив работу в своей типографии, он шел вечером в «Недра» выполнять все, в чем была срочная необходимость: консультировал, вел техническую редактуру, переносил правку и т. д. Делал он это охотно, не считаясь с собственным временем и силами. Такого ценного и опытного работника просто так подобрать нелегко, его надо было заинтересовать, поэтому платили ему в издательстве натурой... Что это значит? О его собрании знали, и за труд решили отдавать набранные рукописи. Результат этой работы М. И. Чуванова теперь выглядит более чем заманчиво. Всякий, разобрав только сверху эту гору рукописей, ахнет, но только не забывайте при этом, как она досталась ему. Это труд, труд и еще раз труд за полночь, дни, месяцы, годы... Как интересно разбирать ее!

Вот машинописный экземпляр вересаевского романа «В тупике» — на полях и кое-где в тексте он сильно испачкан типографской краской, она лежит и на рукописной правке автора, аккуратно вынесенной на поля. Роман «В тупике», после авторской правки вновь набранный, выверялся М. И. Чувановым. Он же держал корректуру нового варианта, а использованный был отдан ему как вознаграждение за работу, разумеется, не только эту.

Следующая папка — роман Алексея Толстого «Петр I». У М. И. Чуванова есть несколько его очень любопытных, если сложить все вместе, экземпляров. Впервые опубликован роман в журнале «Новый мир». Собираясь издавать роман отдельной книжкой, А. Н. Толстой соединил части его из журнала (роман печатался в нескольких номерах), сделал на полном экземпляре большую правку синим и красным карандашами и после перепечатки на машинке экземпляр опять подвергся авторской правке. Затем роман набирался издательством «Недра», гранки его автор снова правил, и снова правка была значительной. Наконец роман вышел в издательстве «Недра». Он у М. И. Чуванова хранится вместе с предшествующими тремя экземплярами и с теплыми словами на титульном листе автора: «Михаилу Ивановичу Чуванову с глубоким уважением Алексей Толстой. 4 октября 1930 г.». Сколько же за этот теперь бесценный материал пришлось тогда поработать вечеров в издательстве «Недра»? — невольно вырывается вопрос.

— Ну, с этим я не считался,— следует ответ.

М. И. Чуванов подносит еще стопу, она выглядит как сложенные обычные ученические тетради. Поэт В. Львов-Рогачевский готовил к изданию сборник «Звено». Сборник так и не вышел, но рукописи его сохранились благодаря работе М. И. Чуванова в издательстве «Недра». Ни с чем не сравнимое наслаждение держать в руках рукопись невышедшего сбор-

ника, в котором принимали участие Модест Гофман, Борис Пильняк. Еще тетрадочка, еще. Их все аккуратно и скромно переплел М. И. Чуванов. И вдруг... На обложке: Марина Цветаева «Волшебство в стихах Брюсова». Ровный, спокойный почерк с одинаковым наклоном. Его четкость объясняется, быть может, тем, что тогда не было возможности перепечатать рукописи на машинке и сборник должен был набираться прямо с авторской рукописи, кто знает, а может быть, так писала поэтесса всегда, это могут сказать те, кто работал с ее рукописями. Во всяком случае, они, вероятно, поблагодарят М. И. Чуванова за то, что он так много лет назад спас и сохранил неизвестные до сих пор мысли поэта о поэте. «...Есть поэты — волшебники в каждой строчке. Их душа — зеркало, собирающее все лучи волшебства и отражающие только их... Их муза с колыбели и до гроба — принцесса и волшебница. Не к ним принадлежит Брюсов. У Брюсова много муз — муза в лавровом венке, в венце из терний, муза в латах и шлеме, муза с „поддельной краской ланит", но есть и волшебница, есть и девушка-муза. Об этой редкой гостье в стихах Брюсова я и хочу рассказать...»

Дом Михаила Ивановича стоит в глубине сада на одной из центральных улиц подмосковного поселка Ухтомская. Кое-где чуть покосившийся, он окружен террасами, на фронтоне одной из них васнецовские «Три богатыря», вырезанные из дерева и укрепленные. Михаил Иванович гордится знакомством с художником, любит вспоминать время, когда выпадала возможность бывать у Васнецова в его «Теремке» в Троицком переулке, и одной из первых книг с автографом в своем собрании показывает сказку «Подводная быль» В. М. Васнецова.

Своеобразен чувановский дом. В нем уживаются простор и покой нестоличного бытия и вместе с тем чувствуется московская близость. Особенность дома Чуванова верно определил В. А. Гиляровский, хотя никогда у него и не бывал, просто знал Михаила Ивановича многие годы. «Живущему среди книг и авторов, особенно москвичей» — написал он как-то. С тех пор, а это было в 1931 году, если и изменилось что в доме Чуванова, так увеличилось количество книг и портретов их авторов. Войдя в дом к Чуванову, видишь только книги и в крохотных свободных от стеллажей простенках массу портретов писателей, главным образом, москвичей. Затем замечаешь и портреты, написанные маслом. Особенно хорош портрет А. С. Пушкина работы Николая Васильевича Кузьмина, Георгий Чулков, есть портрет дяди Гиляя, на котором и автограф писателя:

Любитель книжной старины,
Типограф опытный московский,
Портрет мой — нет в нем
новизны —
Прими на память.
Гиляровский.

Первый писатель, с которым М. И. Чуванов познакомился в своей жизни, был Владимир Алексеевич Гиляровский. Это произошло в 900-х годах.

Чуванов работал тогда в чаеразвесочной Расторгуевых на Солянке. Ворота расторгуевского дома выходили в Подколокольный переулок, иначе говоря, дом стоял рядом с Хитровкой. При доме — небольшой тенистый сад, где летом в обеденный перерыв собирались подышать рабочие чаеразвесочной... Сюда и заглядывал дядя Гиляй каждый раз, когда возвращался с Хитровки. Раскрыв свою табакерку, он угощал желающих, рассказывал какие-то истории, шутил, словом, его приход в жизни рабочих был событием,— вспоминает М. И. Чуванов. Он видел дядю Гиляя там несколько раз и запомнил. Потом нигде не встречал до 1921 года.

В этом году,— рассказывает М. И. Чуванов,— я как-то пришел в редакцию «Вечерней Москвы» заключать договор на печатание газеты. Типографии своей у «Вечерней Москвы» не было, она печаталась в нашей. И я, работая заведующим типографией «Мосполиграф», оформлял договор. В редакции, когда я пришел туда, сидел дядя Гиляй. Я напомнил ему о встречах в саду Расторгуевых, и знакомство возобновилось или состоялось заново, я помню, тогда еще попросил на договоре поставить дядю Гиляя свой автограф. Договор цел и сейчас... В. А. Гиляровский пригласил М. И. Чуванова к себе в «Столешники», и он стал там бывать с 1921 года, познакомился с его семьей.

М. И. Чуванов бывал в «Столешниках» при Гиляровском и после него. Это был дом, к которому М. И. Чуванов хранил особое, почтительное отношение. Он всегда помнил всех Гиляровских, был готов откликнуться и не раз откликался на любую нужду или просьбу этого дома. Все годы после смерти дяди Гиляя он неизменно приходил в «Столешники» 30 сентября — день обычно особенно радостный в семье дяди Гиляя, день рождения его дочери. Приходил первым, рано утром, когда еще было далеко до вечерних гостей, и поздравлял Надежду Владимировну огромным букетом астр или георгин... Он сберегал эти цветы в своем саду в Ухтомской от холодов и осени, ранних заморозков — за столько-то лет чего не было, была и война и холод, но М. И. Чуванов оставался неизменен, он укрывал на ночь георгины мешками, особенно заботливо поливал астры, чтобы сохранили они свою свежесть и красоту до радостного для дяди Гиляя дня, и приносил каждый год свой неизменный букет Надежде Владимировне, пока она была жива. Без слов отдавал он его, затем выпивал с семьей стакан чая, поддерживая разговор только ответами на вопросы, и уходил, уходил, чтобы обязательно появиться снова...

У М. И. Чуванова много автографов Гиляровского. Только на книге «Москва и москвичи» (издание 1935 г.) написала ему несколько слов дочь дяди Гиляя, а не он сам. Книга вышла пос-

ле смерти Владимира Алексеевича. Вот что об истории ее издания рассказывает М. И. Чуванов.

— Я тогда заведовал типографией Московского товарищества писателей. Был я однажды у директора издательства по делам. Окончили их, он и говорит: Михаил Иванович, ты ведь бываешь у Гиляровского? — Да,— отвечаю.— Вот что,— продолжает директор,— прослышал я, закончил он свою рукопись «Москва и москвичи», пойди к нему, возьми, если даст, мы ее издадим, и его финансовые дела поправим и свои. Пошел я, дал мне рукопись Владимир Алексеевич. Через некоторое время вызывает меня снова директор, а на столе у него, вижу, лежит рукопись Владимира Алексеевича. Вот, говорит, посмотри, шесть человек редакторов читали, смотри, как изукрасили. Действительно, на полях все было исписано, да и в тексте не легче. А директор снова мне говорит: Эту рукопись отнеси Гиляровскому на память, а у него возьми чистый экземпляр, не в одном же и не в двух переписывал, есть, наверное, еще, я его отдам Зуеву, он человек тактичный, сам писатель, прочтет — и в производство, издавать, я читал, нечего тут редактировать... Рукопись быстро запустили в производство, но сам Гиляровский дождался только гранок и верстки, а сигнал вышел уже без него.

И еще историю одного автографа в собрании М. И. Чуванова следует рассказать. Помимо книг и рукописей М. И. Чуванов собирал еще и периодику, главным образом газеты начиная с 20-х годов. В первые годы после революции выходило огромное количество газет, жизнь иных измерялась одним днем, газеты-однодневки, газеты-копейки. Тогда на них никто не обращал особого внимания по разным причинам, а собирать и вовсе мало кто стремился. М. И. Чуванов собирал особенно те газеты, которые выходили всего один раз... Получилась любопытная коллекция. Со временем М. И. Чуванов выяснил, что некоторых номеров не хватает, стал их добавлять, с большим трудом, но все же доставал. Словом, у него оказалась прекрасная коллекция газет. В 50-е годы К. Г. Паустовский работал над своей книгой «В начале века». Ему понадобилось восстановить все, что он писал и печатал в первые годы революции, которые совпали с началом его литературного пути. Паустовский обратился к Виктору Михайловичу Лобанову за помощью, надеясь найти нужные комплекты у него. А Виктор Михайлович — к Чуванову.

— Михаил Иванович, подбери, пожалуйста, газеты. Дяде Косте надо установить, что и где тогда печатал. Из головы многое улетучилось, а взглянет в номера и сразу все станет на места, и псевдонимы свои вспомнит, их ведь тьма, тогда в каждом номере меняли...

Через несколько дней газеты были привезены к Виктору Михайловичу Лобанову, а он передал их Паустовскому... Как только вышла книга К. Г. Паустовского «В начале века»,

М. И. Чуванов получил ее в подарок от писателя со словами признательности: «Михаилу Ивановичу Чуванову в знак общей любви к книге...»

Есть в библиотеке М. И. Чуванова книги, которые могут много рассказать об их авторе.

Скажем, книга Бориса Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», вышедшая в «Недрах» в 1930 году. На титуле автограф: «Михаилу Иванову — Пильняк. Дружески». А затем Михаил Иванович вкладывал в нее все, что попадалось об авторе,— в итоге получилась интереснейшая документальная повесть. В книге Б. Пильняка лежат несколько пригласительных билетов на вечера встреч с писателем. Приглашение Русского общества друзей книги на вечер: «Борис Пильняк. Очередные рассказы. Из неизданной серии». Очерк о Борисе Пильняке, напечатанный в каком-то журнале в 20-е годы и аккуратно вырезанный из него. К сожалению, не указано, какой именно журнал. Лежит автограф Бориса Пильняка: список, кому именно хочет подарить он свою книгу «Волга впадает в Каспийское море». И еще один автограф на клочке бумаги: «Саратов, 17 октября 1933 г. Настоящее искусство возникает в руках только того, кто не только мозгом, но и позвонком выстрадал материал для искусства. 17 октября 1933 г. Б. Пильняк».

Внимание и любовь М. И. Чуванова к тем, кто создает на земле книгу, заставили его подобрать эти, порой брошенные листки. Подкладываемые один к одному годами, они многое могут рассказать, и придет время, в умелых руках, благодаря тому, что Чуванов их подобрал и сохранил, они непременно заговорят. Подобных книг у М. И. Чуванова целая серия, и в ней найдутся экземпляры, достойные внимания самого серьезного исследователя и историка литературы и искусства...

Есть и несколько другие книги из рукописных материалов. Пусть примером будет книга о Михаиле Ивановиче Комарове. Фамилия эта сама по себе ничего не скажет современному читателю и даже историку искусства. А между тем, если писать историю русской культуры серьезно, внимательно, то непременно надо будет вспомнить и М. И. Комарова. Кто же он? Почти наш современник, умер в 50-х годах. Он был актером и хотя своей деятельностью не составил имени, которое говорило бы само за себя, подобно, скажем, А. А. Яблочкиной, однако выступал вместе с ней на одних театральных подмостках. Он учился в музыкально-драматическом и филармоническом обществе вместе с О. Л. Книппер-Чеховой и В. Э. Мейерхольдом, они знали его и хорошо к нему относились, так же как и Иван Москвин, А. Топорков и др. Последние годы своей жизни Комаров работал библиотекарем в Малом театре, а жил в Хлебниковом переулке. Невысокого роста, круглый старичок, он был известен старым москвичам. Именно к нему обращались писатели, ученые, если вдруг возникала необходимость в какой-то справке — срочной и точной.

«Москва, 16 декабря 1941 года. Михаил Иванович!.. Я так тронута, что вы в такое время потрудились исполнить мою просьбу, воображаю, как вы сейчас заняты своей библиотекой, а вы еще заботитесь достать мне справку. Щепкина-Куперник».

«Болшево, 1947 г.

Многоуважаемый Михаил Иванович! Обращаюсь к Вам со следующей просьбой. Я составляю примечания к пьесам А. Н. Толстого, входящим в состав его собрания сочинений, издаваемого по решению правительства. Дело это серьезное и спешное. Мне нужно между прочим привести точный список исполнителей пьес А. Н. Толстого „Насильники" и „Ракета", шедших в Малом театре. Будьте добры, как лучший знаток этого дела, сообщите мне список исполнителей этих пьес. Проф. С. Н. Дурылин».

М. И. Комаров был сыном крестьянина из деревни Торбеево Серпуховского уезда. Это он в 1919 году по поручению тогда еще Российского театрального общества организовал фундаментальную театральную научную библиотеку РТО. Он же организовал книжную выставку в памятные дни столетия со дня рождения Островского. Значительную часть книг он дал из собственного собрания. Тогда же составил он и выпустил брошюру «Справочные сведения по библиографии А. Н. Островского»...— маленькая книжечка, но библиографы и исследователи творчества А. Н. Островского без нее не обойдутся.

М. И. Комаров жил одиноким человеком, углубленным в работу в библиотеке Малого театра, а вечерами — в собственную библиотеку. Она представляла немалый интерес книгами по театру, но главная ее ценность состояла в подборе театральных программ и афиш не только столичных сцен, но и провинциальных. Целиком были собраны программы пьес Островского, поставленных различными русскими театрами, в первую очередь Москвы, потому и обращался к нему С. Н. Дурылин. Никто точнее М. И. Комарова и быстрее не мог сказать, кто и когда играл в той или иной пьесе, какой был актерский состав спектакля.

М. И. Чуванов знал М. И. Комарова давно, их первые встречи произошли еще на московских книжных развалах, где тогда каждый из них искал свое. Затем, познакомившись, стали бывать друг у друга, делясь радостью новых приобретений и находок, нередко помогая друг другу в поисках. И вот М. И. Комаров умирает. Прямых близких родственников, которые могли бы позаботиться о библиотеке и его архиве, нет. У тех, кто остался, была одна забота: поскорее все ликвидировать и освободить помещение. Часть архива и библиотеки приобрели государственные учреждения. Когда позвали М. И. Чуванова, все, что было приобретено государственными учреждениями, увезли. В комнате еще находилась часть библиотеки, а оставшиеся бумаги, иначе — архивные документы, были сложены в мешки и в основном отправлены в котельню, какая-то небольшая часть

еще валялась на столе. М. И. Чуванов первым делом бросился в котельню. Часть содержимого мешков была сожжена, другая — еще оставалась, М. И. Чуванов перенес ее обратно в комнату, забрал то, что лежало на столе, конечно, с разрешения близких, им все это было ни к чему. В мешках и увез к себе в Ухтомскую. В 20-х годах М. И. Комаров подарил Чуванову свою брошюру «Справочные сведения по библиографии А. Н. Островского». Тогда М. И. Комаров написал на ней: «Михаилу Ивановичу с библиофильским уважением от составителя».

Настал черед Михаила Ивановича Чуванова оказать уважение памяти книжника. День за днем, не сразу, но и не через годы, М. И. Чуванов разобрал принесенные им мешки. Тщательно прочитывал он бумаги, вооружившись лупой, а разобравшись в бумажке, наклеивал ее на чистый лист белой бумаги и подкладывал один к одному в хронологическом порядке. Затем отнес к переплетчику. Получился том, который даже нелегко поднять. Переплетенные в простой коленкор, страницы этой необычной книги рассказывают о жизни человека, как бы восстав против уничтожения ее следов.

На титульном листе книги рукой М. И. Чуванова написано: «Михаил Иванович Комаров и его архив. Артист. Писатель. Библиограф. Библиотекарь. Собиратель книг. Материалы подобрал М. И. Чуванов». На первом листе этого тома — книга Комарова о библиографии А. Н. Островского. На втором — его автобиография. Далее на каждом отдельном листе следуют отзывы о Комарове. Они интересны и как автографы хорошо известных людей, и как рассказ о самом М. И. Комарове. Вот первый: «В течение долгих лет я знаю и глубоко ценю Михаила Ивановича Комарова как артиста и как режиссера, а главное, как энергичного, самоотверженного общественного деятеля на завоевание прав и улучшение бытовых условий актерской массы, за что мы все от мала до велика его очень уважаем и ценим. Апрель 1933 г. Народная артистка республики А. Яблочкина».

Лист второй:

«Михаила Ивановича Комарова знаю очень давно. М. И. Комаров, за работами которого я все время следил (вследствие того, что он не только актерствовал и режиссерствовал, но и потому, что он принимал всегда активное участие в целом ряде организаций, возникавших по линии общественной). М. И. Комаров — крупный общественник и энергичный толкач в деле культурного роста актерской массы. Народный артист республики В. Мейерхольд».

«М. И. Комаров с первых своих театральных шагов вел огромную культурную и общественную работу, был одним из главных организаторов профсоюза актеров и своей деятельностью очень способствовал культурному и общественному росту ряда актерских поколений. А. Таиров».

И далее — не менее интересные документы. Затем — статьи самого М. И. Комарова. Среди них большая о юбилейном выступлении Ф. И. Шаляпина, о создании Русского библиотечного общества при университете Шанявского и др. Подобраны афиши и программы спектаклей, в которых был занят М. И. Комаров. В 1919 году М. И. Комаров подарил театральному музею им А. А. Бахрушина значительную коллекцию театральных афиш, на листе наклеено благодарное письмо от музея, подписанное А. А. Бахрушиным.

Приведенные выше письма С. Н. Дурылина и Т. Л. Щепкиной-Куперник — тоже из этого тома... Много еще можно узнать о Комарове в этой уникальной книге, созданной усилиями, стараниями и энергией М. И. Чуванова.

И книга эта не единственная в библиотеке М. И. Чуванова. Множество материалов спас он за свою жизнь от гибели, и приобретали они затем новую жизнь в книгах, им созданных. Они готовились годами, вечерами после работы, с терпением, которое приносит только любовь. В этих книгах М. И. Чуванова — дань памяти людям, любившим книгу, работавшим в областях, близких ей, людям не знаменитым, труды которых были рассыпаны крупицами.

Есть в библиотеке не редкие, а просто неповторимые книги, и существуют они опять-таки благодаря усилиям и стараниям М. И. Чуванова. Экземпляр стихотворного сборника С. М. Городецкого... В 1934 году издательство Московского товарищества писателей не смогло выпустить набранный сборник. Единственный корректурный экземпляр сохранил М. И. Чуванов. Титульный лист книги был написан самим поэтом:

Сергей Городецкий

Стихи

1903—1933 г.

Лирика и эпос

Предисловие
А. В. Луначарского

Московское товарищество писателей

Москва
1934 г.

Рисунки к сборнику были сделаны художником Д. Б. Дараном. Цинкографские оттиски рисунков М. И. Чуванов вставил в сохраненный им экземпляр, отдавая его переплетчику. В 1951 году Михаил Иванович попросил Сергея Митрофановича поставить на книге автограф и получил его: «Михаилу Ивановичу Чуванову, на добрую память невышедшая книга. С. Городецкий».

Шестьдесят лет собирательства — срок немалый. Чуванов сумел составить прекрасную библиотеку. И помогли ему не ка-

кие-то неведомые, особые качества. Это сделала его любовь к книге и труд. Любите книгу, приносите в жертву ей и своему собирательству все личные интересы и через шестьдесят лет, а может быть, и быстрее, у вас тоже будет прекрасная библиотека по избранному профилю.

Во всем отказывал себе Чуванов. Жил очень скромно, десятилетиями ходил в одном костюме, нелегко жилось и его семье. Но Михаил Иванович оставался неумолим. Для него самого его лукулловскими обедами, отдыхом на Черноморском побережье, его театром, его путешествиями, его красивым платьем были книги.

Е. А. ГУНСТ

Попадешь в дом к Евгению Анатольевичу Гунсту, осмотришься — и невольно вспоминаешь о «легком челноке искусства» Александра Блока.

Евгений Анатольевич — прирожденный москвич, друг книги. И в доме Гунста сразу можно увидеть книги, уютно и красиво расставленные. Но Гунст из той породы людей, в которых живут две сильнейшие привязанности собирательства — книжное и картинное. Они идут рядом, они не соперничают, они мирно сосуществуют, хотя верх постоянно одерживает последнее. И все же, рассказывая о московских друзьях книги, обойти молчанием Гунста не хочется. Его непременно встретишь там, где собрались, чтоб услышать о книге, о ее оформлении, о какой-либо истории, связанной с книгой или книжным собранием, о библиотеках или библиофилах. Его не остановит ни плохая погода, ни усталость, он всегда найдет время, чтобы побывать там, где речь пойдет о книге.

Но Гунст непременно встретится и на вернисаже. Непременно. Он не художник, не искусствовед, тем не менее в Москве мало музеев, которые, открывая очередную выставку, не послали бы Гунсту приглашение. Он — постоянный гость вернисажей Третьяковской галереи, Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Гравюрного кабинета музея, больших и малых выставок.

Е. А. Гунст — переводчик с французского и литературовед; так значится он в справочнике Союза писателей СССР. Но это для тех, кто его мало знает. Музеи приглашают Е. А. Гунста на вернисажи не потому, что он переводчик и литературовед, хотя тут у него достаточно заслуг, об этом ниже, они стремятся его видеть на своих праздниках потому, что Гунст — собиратель картин русской живописи, причем собиратель редкого вкуса, большой культуры и художественного чутья.

С этим согласится всякий, даже мало посвященный зритель, попав к нему домой. Гунст не относится к той категории собирателей, которые неохотно приоткрывают двери своих маленьких галерей. Вещи из его собрания можно видеть на различных выставках больших и малых музеев, выставочных залов, но лучше их видеть у него дома, на их постоянном, определенном хозяином месте.

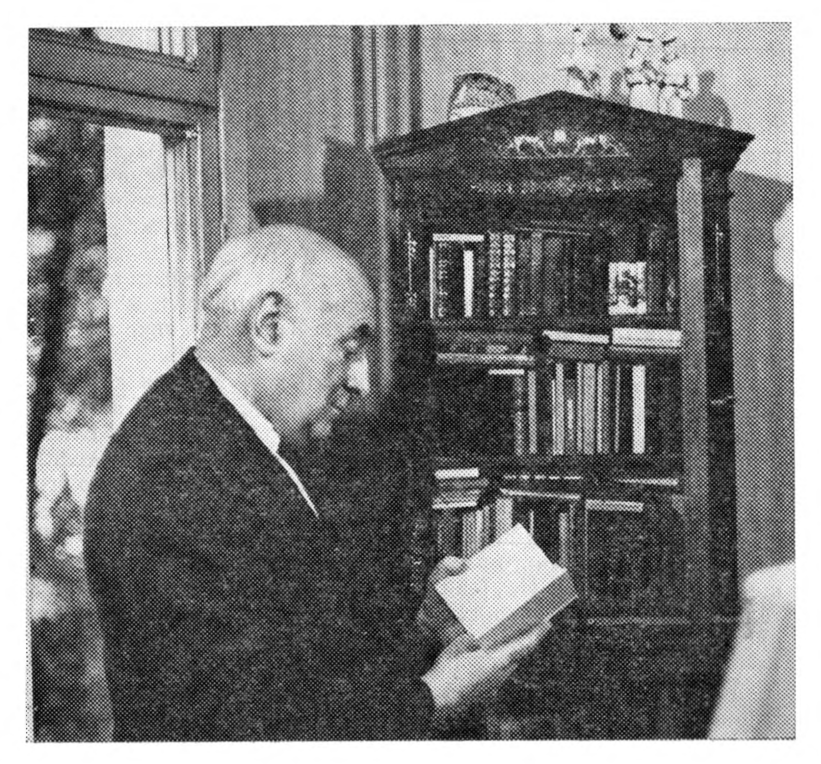
Е. А. Гунст в своем кабинете

Какое это наслаждение, какое радостное ощущение настигает вдруг человека у Гунста. Красота побеждает, она заявляет здесь о своих правах решительно и громко. Минута, другая в доме Гунста — и даже если ты пришел познакомиться с его книжным собранием, об этом забываешь. И пусть сквозь стеклянные двери шкафов выглядывают стройные ряды книг, но ты видишь и слышишь только то, что когда-то хотел сказать и сказал художник.

Прошло много лет, а голос все еще звучит, и ты слышишь его и слушаешь...

Да, чтобы собрать такую галерею, надо обладать многим. Тут вспомнишь слова бессмертного Грибоедова: «Вкус, батюшка, отменная манера».

В его небольшой галерее можно сразу окинуть глазом чуть не все русское искусство разных времен. Здесь нет бесконечных залов больших музеев, где пока дойдешь до середины, трудно что-либо воспринимать. У Гунста всего три небольшие комнаты, музей с тремя уютными, тихими залами, где нет плохих,

Е. А. Гунст

посредственных или ничего не говорящих работ и представлены русские художники: Рокотов, Венецианов, Пукирев, Суриков, Серов, Рябушкин, Врубель, Кустодиев, А. Бенуа, Сомов, Судейкин, М. Ларионов, Голубкина, Павел Кузнецов, А. Т. Матвеев...

Евгений Анатольевич родился и вырос на Арбате, в Староконюшенном переулке. Однажды, проходя мимо консерватории, он увидел во дворе ее известного московского органиста А. Гедике. Евгений Анатольевич знал Гедике с детства, слушал его концерты в консерватории, встречал и в доме своих родителей, куда органист приходил к брату отца — музыканту Е. О. Гунсту. Еще отец А. Гедике был дружен с дедом Е. А. Гунста. Евгений Анатольевич был уверен, что Гедике не узнает его, слишком много лет прошло со времени детства. Гедике жил при консерватории и в тот час вышел во двор покормить голубей. Е. А. Гунст подошел к органисту с желанием сказать ему что-то хорошее, приятное о его игре, Гунст обязательно бывал на его концертах и став взрослым.

Услышав фамилию Гунст, Гедике оторвался от своего занятия, минуту помолчал, потом сказал:

— Хорошая была семья.

Стоит вернуться к тому времени, когда жили родители Гунста, когда рядом с ним был его дядя, композитор и музыкальный критик, стоит хоть чуть-чуть приоткрыть окружение и обстановку детства Е. А. Гунста, чтобы стали понятными и его вкус, и его понимание живописи и искусства, его дружба с книгой.

Со стороны отца он внук художника Н. И. Перелыгина. Отец Е. А. Гунста окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества и был выпущен оттуда классным художником архитектуры.

Как городской участковый архитектор служил он затем в Москве. Театр был всегда для него полон интереса, и в конце концов актер победил архитектора. Анатолий Оттович Гунст становится актером сначала Малого театра, позднее переходит в театр Незлобина. Но, пожалуй, самое замечательное дело его жизни — организация и открытие в Москве в 80-е годы XIX века Училища изящных искусств. Преподавательский состав приглашенных А. О. Гунстом художников говорит за себя. В училище преподавали И. И. Левитан, С. М. Волнухин, отец замечательного художника наших времен Н. П. Крымова, тоже живописец, художник В. В. Переплетчиков. Из учеников его достаточно будет назвать А. С. Голубкину. До сих пор стоит в доме Е. А. Гунста портрет его отца работы молодой Голубкиной. В школе учились художник Д. Кардовский, Н. Тароватый, впоследствии издатель журнала «Искусство», выходившего в 1905 году...

Когда интересы А. О. Гунста сосредоточились на артистическом искусстве, он организовал любительское общество «Московский драматический салон», где ставились пьесы под режиссурой артистов Малого театра. Позднее любительские драматические общества в Москве объединились и продолжали деятельность, называясь «Лигой любителей сценического искусства», вошло туда и общество, организованное А. О. Гунстом, а сам он стал председателем «Лиги».

История культурной жизни Москвы совершалась на глазах у подрастающего Евгения Анатольевича. Помимо деловых отношений по Училищу изящных искусств отец поддерживал отношения со многими из московских художников. К сожалению, осталась неизвестной в подробностях дружба Анатолия Оттовича с Пукиревым, только этюд к знаменитой картине художника «Неравный брак» висит как память до сих пор у Е. А. Гунста. У Анатолия Оттовича бывал И. И. Левитан, кстати и тогда, когда Училище прекратило свое существование, бывал В. В. Переплетчиков. С детства привык видеть дома Е. А. Гунст их работы в кабинете отца и в других комнатах дома.

Собрание изданий «Манон Леско»

Кабинет отца был излюбленным местом. Во-первых, картины. Он любил рассматривать их в музыкальные дни, которые устраивал брат отца Евгений Оттович Гунст как раз в соседней с кабинетом комнате. Маленькому Гунсту разрешалось, оставаясь в кабинете, как бы присутствовать на этих интереснейших музыкальных репетициях. Брат отца жил с ними в одной квартире. В Советской музыкальной энциклопедии о нем сказано: «...русский композитор и музыкальный критик...» По образованию юрист, Е. О. Гунст учился еще в консерватории у Глиэра, Гольденвейзера и весь отдался музыке. Он создал в Москве «Общество распространения камерной музыки» (1909 г.), которое и устраивало концерты в доме Гунстов. И слушал мальчиком Е. А. Гунст музыку Бетховена, Моцарта, Шумана, Шуберта, Чайковского, Рахманинова, Скрябина каждый вторник. В этот день проходили как бы черновые репетиции концертов. Музыканты спорили, обсуждали исполнение, поправляли друг друга, иногда импровизировали, а то играли Шопена, случалось слушать и квартеты, если приходили скрипачи, виолончелисты. Раз в месяц Общество устраивало платные концерты. На них выступали Игумнов, Гольденвейзер, Сибор, Бекман-Шербина, Гедике, певица Полина Доберт и другие, исполнялись произведения Рахманинова, Скрябина, с которым Е. О. Гунст был очень близок, Глазунова, Шуберта, Брамса. Общество устраивало иногда особенно торжественные концерты, связанные с юбилеями музыкантов-исполнителей или композиторов.

Книги заполняли весь дом. Они стояли и в кабинете отца, и часто маленький Гунст, слушая доносившуюся из соседней комнаты игру музыкантов, брал в руки какую-то из них. У дяди была великолепная музыкальная библиотека. Отец собирал книги по трем направлениям: архитектура, старинная книга XVIII века и пьесы. В старинных книгах он не искал каких-либо особых редкостей, ему была интересна всякая книга XVIII века независимо от содержания и редкости или особой примечательности ее. Поэтому Е. А. Гунст с детства знаком с изданиями XVIII века. В библиотеке отца хорошо была подобрана художественная литература, как русская, так и иностранная. Это было делом само собой разумеющимся, и в особый отдел библиотеки она не выделялась, как и ряд художественных периодических изданий того времени.

Так рос Гунст. Затем он окончил Московский университет по специальности «История французской литературы». Вся его трудовая жизнь и посвящена французской литературе. Длинен список книг, переведенных Е. А. Гунстом с французского на русский язык. Вот несколько названных им самим: четыре из пяти пьес О. Бальзака, его же роман «Темное дело», «Таис» Анатоля Франса, «Тереза Ракен» Эмиля Золя, рассказы Мопассана, Эдмон де Гонкур «Братья Земганно», Моруа «Превратности любви»... до конца все еще очень далеко. А сколько

написано Гунстом предисловий, отредактировано переведенных другими сочинений классиков французской литературы, он пишет статьи к альбомам по искусству, выпускает книги...

Библиотека Е. А. Гунста ведет свое начало от предков. Не много от того далекого времени из нее сохранилось, но кое-что цело. Например, миниатюрные издания, это один из любопытнейших разделов библиотеки. Е. А. Гунст продолжает их собирать. Любит и собирает Н. С. Лескова и все, что связано с ним, русскую поэзию, особенно внимателен к Анне Ахматовой и С. Есенину. В библиотеке Е. А. Гунста представлены французское литературоведение и классики французской литературы в редких художественных изданиях. Евгений Анатольевич собирает все издания книги А. Ф. Прево «История кавалера Де Грие и Манон Леско».

— Для французов,— говорит Евгений Анатольевич,— «Манон Леско» настолько классическое произведение их литературы, что издается чуть ли не каждый год.— К сожалению,— продолжает он,— всех изданий «Манон Леско» я приобрести не смог.— Пока Гунст рассказывает, он ходит от книжного шкафа к столу и каждый раз возвращается со стопкой книг — все это разные издания «Манон Леско».

Самого первого у него нет, а второе — оно вышло в том же 1734 году, что и первое,— есть. Все издания чем-нибудь отличаются и особенно интересны с точки зрения комментариев. Гунст все еще ходит от стола к шкафу и назад. Вдруг он весело заулыбался.

— Действительно, как их у меня много.

Среди всех изданий «Манон Леско», собранных Гунстом, есть одно, выпущенное в Москве издательством «Наука» (1964 год). Оно подготовлено М. Вахтеровой и Е. Гунстом. Ответственный редактор Е. А. Гунст. Чудесное, изящное издание с приложением статьи Е. А. Гунста «Жизнь и творчество аббата Прево».

У Гунста еще есть много интересного. Хотя бы экслибрис, выполненный для него В. А. Фаворским, или коллекция советского фарфора начиная с 20-х годов, собрание книг по русскому искусству. Он сам очень интересный собеседник. И все же самое замечательное из всего, что окружает этого замечательного москвича-книжника — его маленькая галерея картин русского искусства.

А. Г. ЛАПЧИНСКИЙ

Книжное собрание Анастасия Георгиевича Лапчинского посвящено искусству живописи.

Что знают художники о тех, кто не пропускает их выставок, кто приходит не на вернисажи, а в будние дни? А жаль. Быть может, радостней засветились бы краски, знай они лучше о тех, кто после рабочего дня спешит к их картинам.

Иные оставляют впечатления в книгах отзывов, но большинство уходит вместе со своими мыслями, с радостью или с грустным чувством разочарования.

Их много, зрителей, глубоких и легкомысленных ценителей искусства, и хорошо, когда они существуют.

Есть молчаливые зрители. Они не шумят, не высказывают своего мнения, настойчиво и упорно повторяя — это мое мнение, они внимательно следят за тем, что делают художники, ценят их труд.

Эти зрители не пропускают выставок и книг о художниках, собирают репродукции, каталоги, альбомы, открытки, составляют книги газетных вырезок из статей о них.

Как приятно были бы удивлены многие, многие художники, увидев, сколько материала собрано об их труде, как внимательно и любовно снова и снова, когда давно закрыта выставка или нельзя пойти в музей, рассматриваются воспроизведения их живописных и графических работ.

Рассказ об одном из таких собирателей — Анастасии Георгиевиче Лапчинском — придется начать издалека.

В южной солнечной Ялте, в тенистом саду стоит дом, где еще совсем недавно жил писатель Николай Зотович Бирюков. Теперь здесь музей его имени.

Небольшая книжка-проспект «Дом-музей Н. З. Бирюкова»— памятка для посетителей и сердечная дань автору романов «Чайка», «Воды Нарына», эпопеи «На крутых перевалах».

Книга ведет по комнатам дома, где жил замечательный человек, где хранится его библиотека, личные вещи, вся обстановка, в которой провел Николай Зотович много лет, в которой работал. Литературная экспозиция знакомит с творчеством писателя. Все, как в хороших мемориальных музеях, но что-то и еще... Здесь не было учреждения, здесь был живой дом, где чувствовалось не спокойствие и уверенность размещенных экс-

понатов, а жизнь вещей. Музей духом своим напоминал чеховский в Ялте, где заботливая, любящая и преданная рука Марии Павловны все сохранила, как было при ее великом брате, или тютчевское Мураново. Когда попадаешь в Мураново, кажется, только что ушел отсюда поэт, спустился в сад и сейчас вернется в тишину дома, так прекрасно сохраненного его родными. Трудно передаваемый словами, но существующий, к сожалению, не во всех музеях трепет живой жизни наполнял комнаты дома Бирюкова.

Хорошая литературная экспозиция — большое дело, и все же она мертва, пока о ней не заговорит человек. Повезет тем, кого от экспоната к экспонату в доме Н. З. Бирюкова поведет старший научный сотрудник музея Светлана Николаевна.

Наверное, сам Николай Зотович не смог бы о себе рассказать лучше, чем это делает она. Слушая ее, забываешь обо всем, везде только Николай Зотович. Картина за картиной встают этапы его жизни, комсомольские стройки 20—30-х годов, прорыв плотины и ночь, проведенная Бирюковым в ледяной воде, чтобы спасти плотину, болезнь после этой ночи и паралич на всю жизнь, борьба за нее, нежелание сдаваться в плен болезни, путь к литературе, образ его жены, удивительного друга. Только при переходе из одной комнаты в другую мелькает мысль: какая бездна сердечности заключена в женщине, какая преданность, где взять слова, чтобы выразить благодарность за все сделанное ею.

В одной из последних комнат музея Светлана Николаевна подводит к стенду с наклеенными на него вырезками из газет, текстами и фотографиями...

В Ялте на какое-то время забываешь о Москве, о делах, о встречах, и вдруг на стенде с вырезками знакомое по Москве лицо — Анастасий Георгиевич Лапчинский. На фотографии в музее он стоял в белом халате с собакой.

Бывает так, что встречаешься с человеком много лет и много раз, а по существу не знаешь, кто он, чем занят, что делает, чем замечателен.

В тот день Светлана Николаевна в далекой Ялте знала о Лапчинском лучше и больше, чем москвичи, ее слушавшие и много раз встречавшиеся с Анастасием Георгиевичем.

А. Г. Лапчинский принадлежит к племени московских друзей книги. В ЦДРИ на встречах клуба любителей книги Анастасий Георгиевич если и обращал на себя внимание, так это постоянным присутствием на заседаниях, удивительно спокойным выражением лица и редкой вежливостью.

Но почему его фотография — экспонат музея Н. З. Бирюкова?

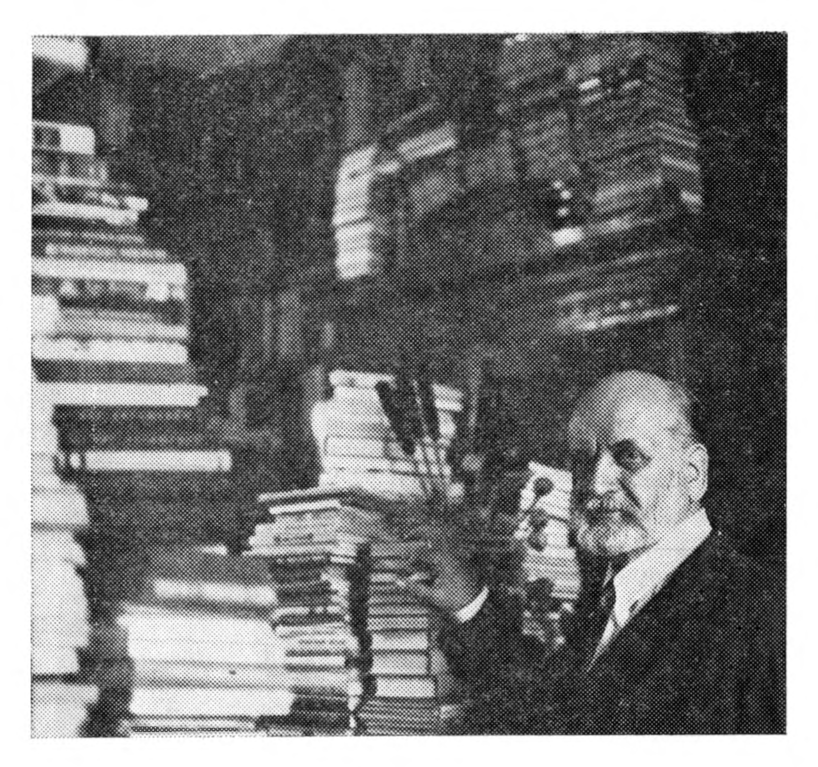
В конце все того же небольшого путеводителя по музею есть хронологическая таблица основных дат жизни и творчества писателя: «Декабрь 1958 г. В Москве. Посещает научно-исследовательские институты, клиники, присутствует на операциях,

проводимых профессором Андросовым. Изучает жизнь и деятельность ученых С. Брюхоненко, В. Демихова, П. Андросова, А. Лапчинского, Н. Еланского и др. ...»

Текст путеводителя на стр. 46: «...особое внимание писатель обратил на интереснейших людей, которые сделали большое открытие в медицинской науке. Среди них физиолог С. С. Брюхоненко, изобретатель аппарата искусственного кровообращения, который вошел в медицинскую практику во всех странах; биолог А. Г. Лапчинский, доказавший возможность приживления кожи и конечностей...»

Николай Зотович Бирюков всю жизнь страдал от невозможности двигаться. С 18 лет он был прикован навечно к постели или коляске. Родившись в Орехово-Зуеве, он последние годы жизни провел в Ялте, прежде всего потому, что море было единственным местом, где он мог передвигаться без посторонней помощи. Парализованные ноги держали его на морской воде, и он свободно плавал один — какое это, пусть недолгое, но блаженство для человека, тридцать пять лет прикованного к постели. «Встречался с А. Г. Лапчинским, доказавшим возможность приживления кожи и конечностей...». Н. З. Бирюков особенно остро интересовался проблемой, над которой работал Анастасий Георгиевич... Пусть не теперь, пусть не его, а другие ноги, но также скованные, не двигающиеся, вдруг пойдут... Н. З. Бирюков вел переписку с ученым, детально вникал в его работу и работу других ученых, писал о них. Он задумал и начал роман «Второе сердце». Вот почему в Ялте оказались в литературной экспозиции музея Н. З. Бирюкова материалы об Анастасии Георгиевиче Лапчинском и его фотография.

Центральный институт травматологии и ортопедии. Где-то сзади огромного здания института сравнительно небольшой трехэтажный флигель и, наконец, совсем маленький кабинет Анастасия Георгиевича. Прямо против двери окно, все в цветах, зелень уютных вьюнов и другие растения. Большая часть жизни проходит здесь, и Анастасий Георгиевич радуется каждому раскрывшему свой бутон цветку... У окна стол, вдоль стен книжные шкафы, над ними длинный ряд фотографий ученых, которые работали в области, близкой А. Г. Лапчинскому, фотография членского билета Международного института замораживания в Париже. А. Г. Лапчинский первым в мире изобрел холодильную установку с искусственным кровообращением для консервации органов — схема этой установки висит почти напротив членского билета, а рядом фотографии подопытных собак. Одна из них — Бемка — жила 12 лет после того, как отделенная у нее на 25 часов нога была возвращена на место (25 часов нога сохранялась в холодильной установке с искусственным кровообращением, изобретенной А. Г. Лапчинским). Операцию проводил сам А. Г. Лапчинский. Здесь же в кабинете Анастасия Георгиевича можно видеть чучело этой собаки, оно объездило все международные выставки, еще бы, это был по су-

А. Г. Лапчинский в своем кабинете

ществу первый в мире случай приживления конечности, полностью отделенной от тела. Прежде чем перейти к книжному собранию А. Г. Лапчинского, хранящемуся дома, несколько слов о его рабочей библиотеке.

В институте в кабинете А. Г. Лапчинского находится, сосредоточенная в трех книжных шкафах, библиотека, она рассказывает о трудах ученого и о том, как далеко за пределами Москвы и страны знают о работах Анастасия Георгиевича...

Вот пять томов, изданных очень хорошо. Это капитальный труд по реконструктивной и пластической хирургии, выпущенный в 1964 г. Филадельфия — Лондон. Редактировал это пятитомное издание крупнейший специалист по пластической хирургии за рубежом Д. Конверс: «Профессору Лапчинскому,— написано на титульном листе 1-го тома,— в знак глубокого восхищения и уважения за его удивительную работу по трансплантации и личное обаяние, в память о его втором визите в США, Джон М. Конверс. Декабрь 2, 1964 г.»

Среди присланных А. Г. Лапчинскому подобных книг хранятся и его собственные печатные труды. Это преимущественно

сборники, либо они включают статьи А. Г. Лапчинского, либо вышли под редакцией доктора медицинских наук А. Г. Лапчинского.

Статьи Лапчинского печатались в трудах Нью-Йоркской академии наук. Одна из них иллюстрировалась тридцатью фотографиями — явление само по себе чрезвычайно редкое в подобных изданиях.

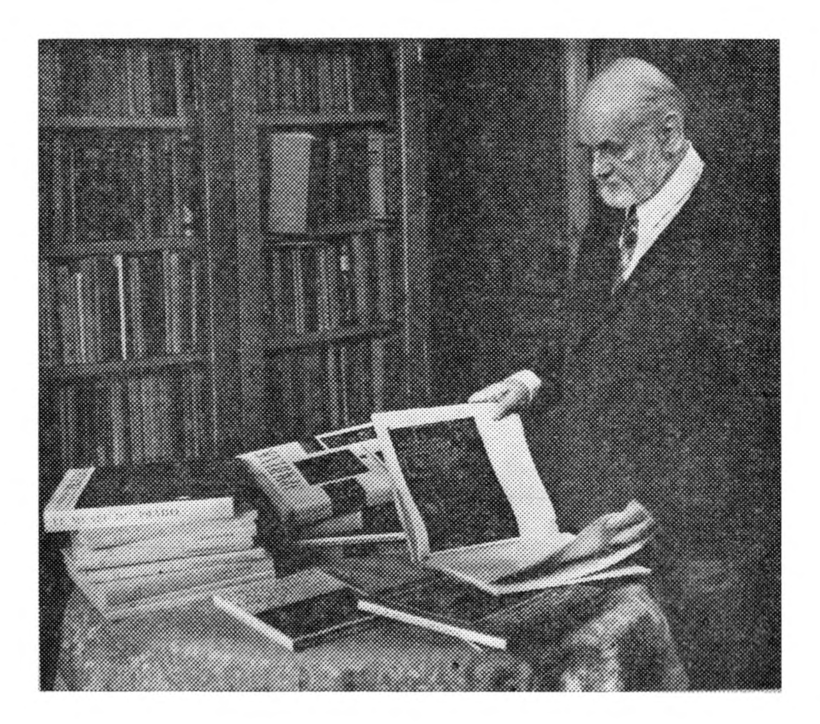
Здесь же в книжных шкафах сосредоточен архив ученого. В нем масса любопытного: материалы по сделанным им операциям, о которых рассказать невозможно,— чтобы понять силу совершенного чуда, надо смотреть бесчисленные фотографии, скопившиеся за много лет в его альбомах.

Всю войну А. Г. Лапчинский провел в госпиталях — хирургом общего плана и главным хирургом челюстно-лицевой и восстановительной хирургии. Именно А. Г. Лапчинский делал операции после особенно тяжелых ранений, под его непосредственным личным наблюдением постоянно находились 1000 человек, не считая остальных, которых он консультировал, осматривал. Практически нет почти ни одного города в нашей стране, где бы не жили теперь бывшие больные А. Г. Лапчинского. Интересна архивная папка операций, проведенных в годы войны. На серенькой бумаге военного времени наклеены фотографии, рассказывающие о чудесах мастерства и умения этого скромного человека.

Только глядя на них, по-настоящему понимаешь, что такое пластическая операция.

А. Г. Лапчинский — участник нескольких международных конференций и конгрессов специалистов.

Здесь же в шкафах хранятся и любопытные документы, след этой работы, например: «Нью-Йоркская академия наук, 31 декабря 1960 г. Доктору А. Г. Лапчинскому, Москва, СССР. Уважаемый доктор Лапчинский! Ваше участие в IV конференции по гомотрансплантации тканей, состоявшейся 4—6 февраля 1960 г., было научным вкладом, фактором, способствующим успеху академии и прогрессу науки. Приятно выразить Вам от имени совета и членов Нью-Йоркской академии наук нашу благодарность и признательность за Ваше ценное сотрудничество...» Или вот другое письмо: «Международное общество хирургов, основанное в Женеве и находящееся в Вашингтоне, Всемирная федерация общих хирургов и хирургов-специалистов... 3 июля 1964 г. Уважаемый доктор А. Г. Лапчинский. От имени правления и членов Международного общества хирургов выражаем благодарность за Ваше участие в XIV-м двухгодичном Международном хирургическом конгрессе 11—16 мая 1964 г. Этот конгресс был наиболее выдающимся собранием из проведенных когда-либо обществом. Время и усилия, которые Вы выделили из Вашего распорядка дел, обеспечили в большой степени успех конгресса. Еще раз сердечно благодарим за Ваш выдающийся вклад в конгресс этого года...»

А. Г. Лапчинский среди своего собрания «Музеи мира»

Анастасий Георгиевич из тех людей, которые возвращают человеку самую большую радость — здоровье, а случается, и жизнь. В суете бегущих дней мы порой забываем о счастье часа, о радостях раннего утра, о свежести зелени, забываем... Лишь скромный букет сирени или ландышей отдаленно напоминает о красоте, скрытой за лесом многоэтажных каменных зданий. Бывает так, что только споткнувшись, мы вспоминаем, какое счастье — жизнь, улыбка... Анастасий Георгиевич слишком часто наблюдал пробуждение человека, радость его возвращения к жизни, острое ощущение этой радости, чтоб забывать.

Может быть поэтому, когда кончается рабочий день Анастасия Георгиевича, который, как правило, затягивается, и, наконец, закрываются за ним двери лаборатории в институте ЦИТО, мысли его, внимание и время обращаются туда, где, он считает, особенно ярко отражается жизнь с ее радостью, красотой,— к живописи, к книгам о ней и ее создателях...

Часами может Анастасий Георгиевич бродить по залам музеев. Он не пропустит ни одной выставки, в каком бы далеком конце Москвы она ни открылась. В своей ежедневной загружен-

ности он успевает, непременно успевает повидать все то новое, чем могут порадовать зрителя художники, живущие и работающие сегодня и в далекие от нас времена.

Снова и снова возвращается он к знакомым, давно любимым образам, созданным Левитаном, Рерихом, Валентином Серовым, древнерусскими живописцами, французскими импрессионистами и теми, кто трудится сейчас. Анастасий Георгиевич хотел бы собрать и разместить вокруг себя работы всех художников-живописцев, всех галерей мира. Улыбается он и улыбаетесь вы — это невозможно! Только для тех, кто недостаточно сильно любит. Анастасий Георгиевич нашел выход — и помогли ему это сделать книги.

После музеев и выставочных залов неизменно возникало желание вернуться дома к полюбившимся образам, взглянуть еще раз. Кто мог в этом желании помочь? — Только они, книги.

Анастасий Георгиевич со своей семьей живет в обыкновенной московской трехкомнатной квартире. Первое, что останавливает внимание в его доме,— это книги по стенам и цветы на окнах. Стены все в полках и все заставлены книгами. Что же касается кабинета Анастасия Георгиевича, то здесь живет не он, а его книги.

Мало не только стен, вдоль них книги сначала ставились в книжные шкафы типа шведских, потом стали складываться параллельно шкафам во второй ряд, теперь есть и третий. Не хватает и пола, по нему узенькая тропка ведет к столу. Стол подобен лесным дебрям, открывающим утомленному путнику вдруг маленькую, но светлую поляну — это место для работы, лесные дебри — это книги, которые заполнили весь стол.

Как ни странно, но Анастасий Георгиевич свободно разбирается в этих книжных джунглях. Каталога библиотеки, конечно, нет, да и когда его вести, тут необходим был бы специальный библиотекарь, тем не менее нужная книга, может и не очень быстро, но обязательно находится.

Книга появилась в жизни Анастасия Георгиевича, конечно, значительно раньше, чем родился интерес к живописи, с детства. Первой особенно запомнившейся были рассказы о животных Сетона-Томпсона. На долгие часы оставался он с рисунками автора. Так потянулась цепочка: иллюстрации Сетона-Томпсона пробудили интерес к иллюстрированным книгам; иллюстрированные издания Анастасий Георгиевич тоже собирает, но замечает:

— Если иллюстрации сливаются с текстом, а это бывает не часто.

Иллюстрированных книг в собрании Анастасия Георгиевича немного, и он им предпочитает книги с воспроизведенными оригиналами живописных произведений.

Рисунки Сетона-Томпсона и иллюстрированные издания потянули в музеи. Работа шла своим чередом, ежедневная борьба за жизнь, изнурительное напряжение и бесценная награда —

радостная благодарная улыбка человека. Чем больше жил и работал Анастасий Георгиевич, тем больше любил он живопись. Музеи стали такой же необходимостью, как воздух, а дома восстанавливал он полученные впечатления. Из года в год росло и продолжает расти собрание Анастасия Георгиевича. Сейчас это замечательная библиотека, в которой можно найти и монографии о художниках и альбомы, посвященные творчеству живописцев, и книги, рассказывающие об их жизни, и множество других больших и малых изданий, посвященных изобразительному искусству. Сидя у себя дома, Анастасий Георгиевич может побывать в любом музее нашей страны, если, конечно, этот музей когда-либо что-нибудь издавал о себе. В его библиотеке можно найти все, что выходило об очень многих художниках, о Н. К. Рерихе — к этому живописцу Анастасий Георгиевич особенно неравнодушен, он любит Левитана, Рылова, Нестерова, С. Щедрина, вообще художники-пейзажисты пользуются наибольшей привязанностью и вниманием Анастасия Георгиевича, он собирает книги о живописи наших республик, в его книжных шкафах хранятся монографии и альбомы о художниках Польши, Болгарии, Венгрии.

Анастасий Георгиевич побывал во многих странах мира и, конечно, видел музеи этих стран, городов, но во многих и не был. Теперь он старается, чтобы в знакомстве с музеями, в которых не пришлось побывать, помогали ему издания Скира. Это нелегкая задача, но через московские магазины Анастасию Георгиевичу удается приобрести больше, чем можно было бы ожидать.

Книжный шкаф в одной из комнат квартиры Лапчинского вмещает в себя серию изданий «Галереи мира», здесь же альбомы «Авроры» и многое другое. И счастлив бывает Анастасий Георгиевич, которому время от времени вдруг захочется пройтись по залам Национальной галереи Лондона, галереи Питти и Уффици во Флоренции, заглянуть в самые отдаленные уголки Лувра или музея Прадо, и он может это сделать, хотя бы у себя дома.

Обычно Анастасий Георгиевич везде появляется с объемистым портфелем в руках. В нем среди папок и бумаг, связанных с работой, лежит одна-две только что купленные книги. Правда, последнее время ему приходится, как и многим московским друзьям книги, все чаще вздыхать:

— Подумайте, русская миниатюра прошла, а я ее даже не видел...

Ю. В. ЛАРИОНОВ

Разве я воздухом дышу? — я печатью дышу! — заявляла своему внуку, артисту Художественного театра Ю. В. Ларионову бабушка. И действительно, комната в небольшом флигеле у Белорусского вокзала, которую в семье занимала бабушка, была больше похожа на склад книг и газет, чем на место приюта и отдыха старого человека. Но говорила это бабушка не сердясь, и на ее лице появлялась добродушная улыбка, которая одновременно обнаруживала и гордость за внука и полную готовность терпеть какие угодно лишения ради своего Юры.

Флигель, в котором многие годы жила семья Ларионовых (бабушка и ее дочка с сыном), был небольшим и очень старым. В конце концов он развалился. Когда знакомые Ю. В. Ларионова узнали об этом, многие, смеясь, говорили: Ну еще бы, какое деревянное строение может выдержать пуды и тонны книг. И действительно, когда флигель был еще цел, попадая к Ларионову и ступая на перекосившийся от ветхости пол, где-то опустившийся, где-то поднявшийся, хотелось поскорее убрать книжные и газетные груды, казалось, это под их тяжестью пол проваливается. В этих грудах тонуло все: скромная мебель, кое-где висящие картины и фотографии в рамках, где-то вдруг появлялись и исчезали вазы, тонули люди, чтоб освободить для них стулья, перекладывались с места на место груды книг. Какими-то концами выглядывали в этом книжном изобилии углы стола, словно вдруг край доски вынырнул из пены волн, секунда — и он вновь утонул, скрылся и снова кругом только книги, газеты, книги, газеты...

Трудно понять, как уместился Ю. В. Ларионов со своим собранием во вновь полученной однокомнатной квартире (расстаться он не захотел ни с одной книгой).

Каков характер собрания Ю. В. Ларионова, откуда началась его страсть к книжному собирательству? Он не библиофил, хотя в его библиотеке и есть редкие издания, главным образом из числа прижизненных изданий наших классиков. Его библиотека не носит определенного характера, строго подчиненного одному какому-нибудь направлению,— это библиотека человека, влюбленного в культуру, в искусство, умеющего дорожить всем тем прекрасным, что заключено в книгах, журналах, открытках, репродукциях. Он находит эти качества и в

брошюрах и в афишах — и странное дело, разъединенные, эти вещи, на первый взгляд, иногда и не представляют особого интереса, ценности, но собранные воедино, аккуратно сложенные с другим родственным материалом, дополняющим их, они вдруг выступают совсем в ином свете. Глядишь на папки с афишами театральных представлений, с программами и либретто спектаклей, даже с билетами от этих спектаклей, с вырезанными откуда-то из газет и журналов воспроизведенными сценами из спектаклей, с фотографиями артистов в ролях — и незаметно вдруг оживает увлекательнейшая картина, и диву даешься, что может сделать один увлеченный человек, казалось бы, из ничего...

Библиотека Ю. В. Ларионова началась с него и росла вместе с ним, пополняется она и сейчас. Она росла по мере возникновения новых интересов, новых встреч и знакомств. Книги в жизни Ю. В. Ларионова — это его самые большие друзья, которые теперь, когда он остался один, стали еще дороже, чем раньше, книги заполняют собою все свободное от актерской работы время, как заполняют они собою все свободное пространство его дома.

С детства он был окружен заботами только матери и бабушки, они отдали ему все свое внимание, все свои силы, это была бесконечно преданная любовь к сыну и внуку двух женщин, преданная, но и деспотичная. В семье поощрялись, и усиленно, только два влечения Юры — книги и театр.

Ю. В. Ларионов, работая во МХАТе, сыграл в пьесе «Домби и сын» роль лорда Феникса. Это был всего пятиминутный выход на сцену — пять минут, но актер неизменно все пять, все спектакли целиком владел вниманием всего зрительного зала, невозможно было оторваться от его краткого, но столь выразительного и замечательно исполненного монолога. Уходил со сцены Ларионов под гром глубоко искренних аплодисментов, искренних и дружных, всегда и неизменно. Как-то спросили Ларионова — почему ему так удался этот почти мгновенный на сцене образ. Ответ последовал тоже мгновенно.

— Я собиратель (я — т. е. лорд Феникс.— *Е. К.*), собираю все, от Рембрандта, до открыток, марок...

Ларионов собирает не все, в отличие от лорда Феникса, он не может иметь Рембрандта и не интересуется марками — но открытки или репродукции с воспроизведением некоторых, особенно близких ему вещей Рембрандта, он разыщет обязательно. У него окажется и книга о нем, и не одна, и проспект выставки офортов Рембрандта, а в книгу он может вложить вырезанную из газеты статью о художнике, когда-то обратившую на себя его внимание. Ларионов собирает все, что удается найти о Ф. И. Шаляпине, не пропустит попавшийся в букинистическом магазине журнал доктора Допертутто «Любовь к трем апельсинам», издаваемый в свое время Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом.

Центр собрания Ю. В. Ларионова — литература о его родном Художественном театре. Тут у него есть все. И книги, и сборники статей, посвященных театру, статьи, вырезанные из газет и журналов, программы и афиши спектаклей, целая картотека фотографий актеров в ролях, словом, это собственный, собранный многолетними усилиями музей его театра.

Начало библиотеке Ю. В. Ларионова было положено заветным бабушкиным чуланчиком в ее доме в Загорске, где в 1923 году родился Ларионов. Дом стоял на Переяславской улице, на пути в Переяславль-Залесский, откуда родом была и бабушка Юлия Агеевна Ларионова.

Этот чуланчик долгое время оставался недоступным и потому особенно интересным. Туда складывалось все устаревшее, как будто ненужное, но кто знает, а вдруг пригодится, погодим выбрасывать... Конечно, давно Юлия Агеевна не читала «Живое слово» — журнал 80-х годов прошлого века для юношества, но выбрасывать? Зачем? Может пригодится. Складывались туда и другие книги. И пригодились, понадобились. Юра научился читать, когда жил с матерью уже в Москве. Ему попалась книга без начала и конца, как потом он понял, «Дон-Кихот», и однотомник А. С. Пушкина. Они и научили его читать. С тех пор интерес к книгам стал настолько сильным и неотступным, что Юре была выделена из чуланчика первая пачка. В ней оказалось несколько номеров журнала «Живое слово» и «Светлячок». С них началось осознанное чтение. Теперь в каждый приезд к бабушке в Загорск за отличное поведение он получал очередную пачку книг. Постепенно из Загорска в Москву перекочевали сочинения Тургенева, Жуковского, Лермонтова, Батюшкова, Лескова... Книги Юре выносили, самому доступ в чуланчик был закрыт еще долгое время. Но вот, наконец, произошло и это приобщение — и оно во многом оказалось решающим в жизни. Среди книг и журналов литературно-художественных попадались и ноты с записями популярных для своего времени песен, исполнявшихся известными тогда певцами с портретами исполнителей. Среди них были Н. В. Плевицкая, А. Д. Вяльцева, Ильманова, Юрий Морфесси — кумиры эстрады. Вот эти-то портреты певцов больше всего и привлекли внимание Ю. Ларионова, впервые приобщили к тому миру, который зовется театральным.

Отныне к театру возникает жадный интерес, который ведет к собирательству. Сначала фотографии актеров — это была первая тема собирателя Ю. Ларионова — еще первоклассника.

Пока учился в школе, в своем тогда почти ежедневном маршруте от кинотеатра «Арс» и до кинотеатра «Палас» как-то на улице Горького наткнулся на маленький магазинчик, где продавались главным образом оперные либретто, издаваемые Теакинопечатью. Маленькие тоненькие книжечки с портретами актеров помогли Ю. Ларионову изучить репертуар московских театров, он стал покупать и тексты пьес.

Но все это собирательство было еще стихийным. Оно не опиралось еще на конкретные знания того, что за мир скрыт за словами: ТЕАТР, ОПЕРА, ДРАМА, АКТЕР. Впервые приоткрыл этот занавес Ю. Ларионову и его товарищам Лев Кассиль. Случилось это так. Один из московских книжных букинистов, видя постоянно мальчика в магазине, заметив его склонность к собирательству, сначала познакомился с ним сам, а поговорив, решил познакомить с Кассилем, чтобы тот рассказал подробнее, что же такое театр. Лев Кассиль откликнулся на этот зов. Тогда уже известный писатель — это были 30-е годы — он беседовал с мальчиком более двух часов — от него впервые узнал Ларионов, что такое античный театр, театральный костюм, грим, декорации, актер и его мастерство... Ларионов глубже увлекся театром. Теперь он стал еще активнее собирать литературу о нем. Ходить в театр он часто не мог, не было денег, но на программы их хватало, и вот театр за театром стал обретать в библиотеке молодого собирателя свое лицо.

Юра приходил за час до начала спектакля, провожал глазами публику, входившую в освещенные вестибюли, в светлые пространства фойе, покупал программу, а затем уходил домой и читал ее по нескольку раз — так постепенно он стал отличным, сейчас, возможно, единственным знатоком театральной Москвы, ее репертуара в 30-е годы. Какой актер, где, что играл, какая ставилась пьеса, в каком театре, кто был режиссер, художник — все это и многое другое прочно осело в его голове и затем в папках, посвященных определенным московским театрам.

Постепенно перешел к книгам о театре.

Через какие только «горнила страданий» не прошел юный собиратель в своем страстном желании иметь интересующие его книги.

Вместе с бабушкой отмывали они все имеющиеся в доме и жертвуемые родственниками или соседями бутылки и банки, немного, но и они давали денег для покупки книг.

Полученные в школу на завтрак копейки тоже регулярно откладывались, зато с каким наслаждением покупалась затем книга, например, самого К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве». Это был праздник, событие на всю жизнь.

Он поехал к Станиславскому в Леонтьевский переулок и был им принят, получил от Константина Сергеевича автограф на его книге. Начинается эпопея собирания автографов, если удавалось — на книгах, нет — на фотографиях.

Ю. Ларионову было 16 лет, и он еще учился в школе, когда его приняли во вспомогательный состав Ермоловского театра. Очень скоро здесь заметили его любовь не только к театру и актеру, но и к книге и сделали библиотекарем театра. Библиотека была молодой, и пополняли ее часто сами актеры, принося книги из дома. Особенно много передавал книг актер Хмелев. Книги на верхнем уголке титульного листа обязательно имели

автограф актера. Подолгу просматривал Ларионов этот бесценный клад. Администратор театра разрешил ему в благодарность за труд из этих приносимых книг брать себе те, что ему покажутся особенно интересными. Юра взял только две хмелевские книги — о художнике Левитане и том пьес А. Н. Островского. Какова же была его радость, когда спустя не один год, уже учась в театральной студии МХАТа, как-то, листая книгу, раньше принадлежавшую Хмелеву,— пьесы Островского, рассматривая автограф актера, он вдруг выронил какую-то сложенную вдвое бумажку. Оказалось, это был режиссерский разбор одной из ролей в пьесе Островского, которую в свое время готовил Хмелев... Эта реликвия положила начало архиву Ларионова.

Шли годы. Ю. Ларионов кончил студию МХАТа, был принят в театр, но своего юношеского увлечения не оставил. Он попрежнему собирал все, что касалось театра и что казалось ему интересным. Теперь его библиотека обладает более чем солидным собранием в первую очередь театральных программ и либретто. Рамки ее давно раздвинулись, и в библиотеке есть все, что может понадобиться актеру для его большой и трудоемкой работы. Хорошо представлена русская классика, классика мировой литературы, современная советская литература, изобразительное искусство, книги о городах мира и Советского Союза, архитектура, история музыки и жизнь ее творцов, поэзия. Значительный раздел занимают книги с автографами — среди них особенно интересны книги, подаренные актеру литературными музеями. Это памятки большой концертной работы, которую ведет Ю. В. Ларионов. Его преданность книге и дружба с нею сказались и на актерской деятельности. Он часто дает литературные концерты — читает «Моя жизнь в искусстве» К. С. Станиславского, М. Булгакова, В. Гиляровского. Нередко выступает он чтецом на литературных вечерах музея Л. Н. Толстого, Театрального музея им. А. А. Бахрушина, в музее А. П. Чехова и на вечерах Клуба любителей книги в ЦДРИ, где Ларионов — желанный гость и чтец со дня основания Клуба.

Ю. Б. ШМАРОВ

В Москве в одном из арбатских переулков есть дом, и живет в нем Юрий Борисович Шмаров. Дом охраняется государством как памятник архитектуры XIX века. Но он интересен не только этим. В первом десятилетии прошлого века в доме жил декабрист В. И. Штейнгель, пока не переехал в Петербург. Участник Санкт-Петербургского ополчения 1812 года, награжденный за храбрость двумя орденами, автор книги «Записки касательно составления и самого похода Петербургского ополчения против врагов отечества в 1812—1813 гг.», он в 1823 году познакомился с К. Ф. Рылеевым и стал членом Северного общества. После восстания декабристов В. И. Штейнгель был приговорен к каторжным работам на двадцатилетний срок.

В 50-е и 60-е годы в доме живут Ляпуновы, потом семья Панаевых. С 70-х — М. Н. Лопатин. В это время в доме бывали «лопатинские среды», и порог его переступали Лев Николаевич Толстой, А. Ф. Писемский, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, И. С. Аксаков, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский.

Екатерина Михайловна Лопатина — это 90-е годы XIX в.— была литератором и выступала под псевдонимом «Ельцова». Юрий Борисович Шмаров в 30-е годы нашел на чердаке дома дневники Е. М. Лопатиной, в которых есть сведения о том, что у нее бывал в пору своей литературной юности И. А. Бунин. Дневники Ю. Б. Шмаров передал в Пушкинский дом, а сведения, в них найденные, внес в свою рукопись истории дома.

Ю. Б. Шмаров тоже должен быть вписан в эту историю, во-первых, потому, что он ее всю окончательно выяснил, собрал и составил документально... впрочем, главное в другом.

Юрий Борисович занимает в доме одну довольно обширную комнату и маленький мезонин. На этом пространстве размещается сейчас лучшая геральдическая и генеалогическая библиотека в нашей стране.

Иногда в сознании, а порой даже в литературе мелькают мысли, прямо высказанные или подразумевающиеся,— собиратели не делятся своими сокровищами, они похожи на скупых рыцарей.

Как далеко это от истины, как несправедливо. Как мало уважения к подвижническому труду, к глубоким знаниям, наконец, к чувствам человека.

Юрий Борисович давно на пенсии — ему много лет — но проводит ли он теперь хотя бы один день в бездействии, пользуясь вполне заслуженной возможностью отдыха? Разве можно увидеть его сидящим сложа руки или бесцельно слоняющимся по скверу? Он живет в коммунальной квартире с общим телефоном, и соседи стонут от того количества звонков, которые раздаются к нему. Дверь его комнаты никогда не закрывается — один уходит, другой приходит, кто-то кончает дела, а на стуле, оглядывая развешенные по стенам портреты, сидит очередной человек, пришедший к Юрию Борисовичу со своими делами, со своими невыясненными вопросами, приходит порой как к последней надежде, ибо долгие поиски в море архивных материалов оказались безрезультатны. У Ю. Б. Шмарова, как правило, надежды оправдываются. Выслушав вопрос, неторопливо идет он к полкам с книгами, раскрывает папки с собранными им материалами, и неизвестная личность, изображенная на принесенном в музей портрете, оживает, становится известной.

На столе Ю. Б. Шмарова, человека, к слову сказать, очень аккуратного, иначе в его деле и нельзя, лежит папка с письмами. Вот хотя бы некоторые из них: «Угличский историко-художественный музей. Пятого декабря 1973 г. Уважаемый Юрий Борисович! Заранее прошу извинить меня за беспокойство. Я занимаюсь исследованием и сбором материалов по истории Угличского края XIX века. В связи с этим вызывает большой интерес история семьи Тучковых-Опочининых...» Далее следуют вопросы об этой семье, их задает заведующий историческим отделом угличского музея. А вот другое письмо: «Двенадцатого марта 1975 г. Многоуважаемый Юрий Борисович! Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Я тульский краевед и сейчас занимаюсь сбором материалов о полководце Д. С. Дохтурове. В литературе нет сведений, где родился и провел детство Д. С. Дохтуров...»

Здесь письма из Ялуторовского краеведческого музея памяти декабристов, из Рославльского историко-художественного музея, Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, Музея героической обороны Севастополя — и все с аналогичными просьбами, и все их перечислить просто невозможно. Хочется добавить, московские музеи не составляют исключения, только они не пишут Юрию Борисовичу, а приходят прямо с портретами или фотографиями портретов. И Ю. Б. Шмаров всем помогает. В работе исследователя, историка нет мелочей, и всегда важно знать самые далекие связи, тем более родственные отношения писателя, декабриста, художника, историка, генерала, офицера.

Как помогают тогда шмаровские генеалогии, составляемые им десятки лет.

Начало всему собранию Ю. Б. Шмарова было положено в 20-е годы. Тогда в Историческом музее основали общество

Интерьер квартиры Ю. Б. Шмарова

«Старая Москва» под председательством А. М. Васнецова, руководил им известный для Москвы тех лет историк П. Н. Миллер. Общество изучало город, члены его делали доклады о Москве. На заседания его приходило значительное число людей, в том числе и молодежи. У нее и возникла мысль о необходимости такого же подробного изучения истории Подмосковья, старых усадеб Подмосковья, хранящих немало интересного, порой являвшихся памятниками культуры и искусства.

Так возникло Общество изучения русской усадьбы, или сокращенно ОИРУ. Членом его становится и Ю. Б. Шмаров, тогда работавший юристом. Члены ОИРУ считали, что Подмосковье достойно не меньшего внимания, чем Москва, что вокруг старой столицы, словно жемчуг вокруг короны, рассыпаны мало изученные, не учтенные памятники-усадьбы Подмосковья, которые гибнут, никем не охраняемые. Все их, считали в ОИРУ, следует найти, изучить, учесть.

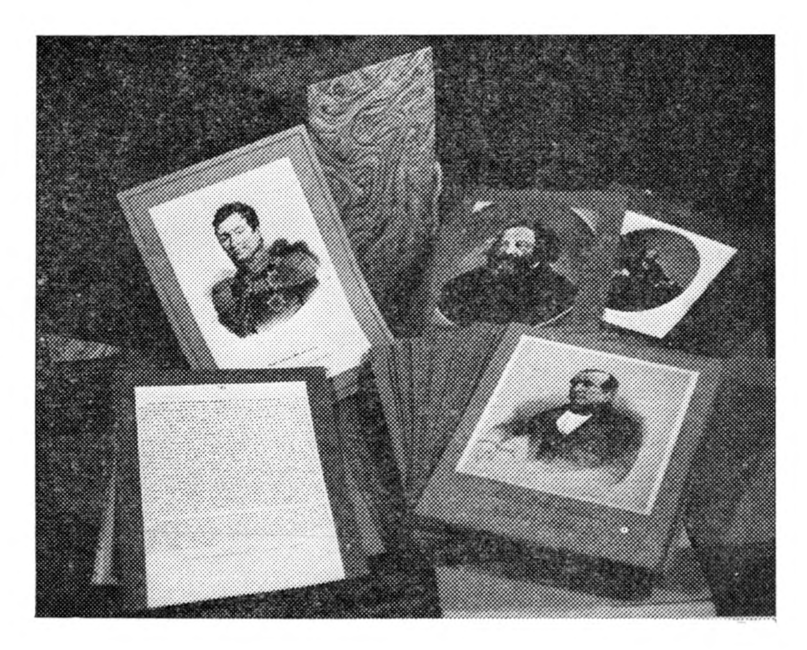
Начали с того, что взяли карту Подмосковья, или, как она тогда называлась, «Карту Московского уезда», разбили ее на квадраты, каждому — свой квадрат, и летом — с фотоаппаратом, чистыми карточками и рулеткой в руках начали обследовать эти квадраты. Пешком прочесывали километр за километром, выясняя, что сохранилось. Члены ОИРУ не считали возможным ограничиться печатными источниками, даже если таковые имелись, они поставили себе цель обследовать каждый уголок квадрата, опросить местных старожилов, обнаружить и учесть то, о чем по каким-либо причинам не знали или не написали. Известная усадьба, вновь найденная постройка, интересная своей архитектурой, местоположением, обмерялась и вносилась в картотеку. Если по усадьбе имелась библиография, ее разыскивали и восстанавливали в картотеке. Затем по средам все демонстрировалось и докладывалось на очередной встрече общества.

За три года работы ОИРУ (кстати, выполнялась она в выходные дни) был обследован весь Московский уезд, и вскоре выпущена книга «Дачи и окрестности Москвы. Путеводитель с приложением 24 планов дачных местностей и карты окрестностей Москвы. Составлен Картографической комиссией Общества изучения русской усадьбы» (Мосрекламсправиздат, 1930 г.). Книга выдержала два издания, а полученный гонорар был авторами-участниками употреблен на издание книги «Памятники усадебного искусства» (1. Московский уезд. ОИРУ, М., 1928 г.).

В течение двух лет общество издавало свой сборник, первый выпуск которого относится к 1927 году. В сборнике публиковались в основном труды членов общества и давалась хроника его жизни. Немалой заслугой ОИРУ было издание путеводителей экскурсий по отдельным усадьбам с указанием времени экскурсии и руководителя ее. Экскурсии вели члены общества по тем местам, которые обследовали.

Ю. Б. Шмаров как член ОИРУ тоже изучал свой квадрат и обмерял его. Попадая в усадьбу, он долго ходил по опустевшим залам, большим и малым комнатам особняка и задавал себе вопрос: кто же были эти люди, чьи потрескавшиеся портреты то и дело попадаются на стенах или стоят прислоненными к ним, кто писал их и когда, к какому времени они относятся, а главное, кто это? Портреты были брошены. Одни написаны интересно, другие выполнялись, видимо, менее искусным мастером, но ведь это люди, и кто знает, быть может, о ком-то из них есть что рассказать? Какое отношение имеют они к владельцам усадьбы, почему оказались в этом доме, может, когда-то давно именно при них строился он? Все эти возможности были интересны с точки зрения члена Общества изучения русской усадьбы.

Ю. Б. Шмарова увлекла именно эта сторона его работы. Он принялся за пересъемку встреченных им в усадьбах портретов,

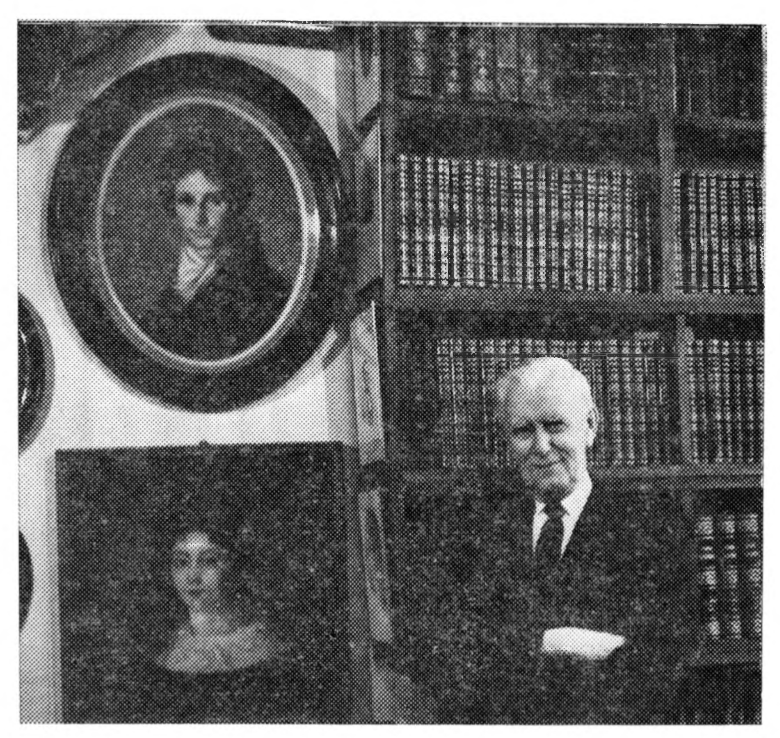
Папки портретной галереи, составленной Ю. Б. Шмаровым

сначала особенно, как ему казалось, интересных, а потом подряд всех. Затем надо было точно установить личность. В большинстве случаев владельцами усадеб, особенно первыми, были дворяне. Так началась библиотека Ю. Б. Шмарова.

Гордость геральдической части библиотеки Ю. Б. Шмарова — такие книги, как «Общий гербовник» (10 частей), начатый в 1797 году, «Гербовник прибалтийской губернии», «Гербы городов, губерний, областей и посадов», «Малороссийский гербовник», между прочим, с рисунками Егора Нарбута, «Русская геральдика Ал. Лакиера в 2-х частях», журнал «Гербовед», издаваемый С. Н. Тройницким в 1913, 1914 годах, и многие другие.

Второй очень интересный и ценный раздел библиотеки Ю. Б. Шмарова — генеалогия. Он включает в себя книги об истории сословий, т. е. происхождении отдельных фамилий с историей их деятельности. Книги, посвященные отдельным губерниям, или, как бы мы теперь сказали, областям, книги о происхождении отдельных фамилий и всевозможные справочники вроде «Московского некрополя» (Спб., 1908 г.) и др...

Генеалогическая библиотека Ю. Б. Шмарова обширнейшим образом им иллюстрирована. Это поистине гигантский труд. Собрать восемь тысяч портретов, каждый расклеить на паспарту и все разложить в папки в алфавитном порядке — само по

Ю. Б. Шмаров

себе дело не малое. В составленную Юрием Борисовичем портретную галерею вошли такие известные и редкие издания, как «Русские портреты» XVIII и XIX вв. (Спб., 1905). Все пять томов их Ю. Б. Шмаров разрезал и расположил в алфавитном порядке, как и собрание гравированных и литографированных портретов А. В. Морозова (М., 1912), «Военную галерею 1812 года», портреты участников Крымской войны 1854—1856 гг.

В портретном собрании Ю. Б. Шмарова есть отдельные листы гравюр, литографий, фотографий (если не удавалось приобрести подлинную фотографию, она заменялась копией с нее), вырезки изображений из книг, журналов и газет. Словом, везде, где только мог Ю. Б. Шмаров найти, получить портрет, который служил иллюстрацией к его генеалогической библиотеке, он собирал их и подклеивал на паспарту обязательно серой бумаги, располагая затем в алфавитном порядке. Для этой галереи покупались монографии о художниках, работающих в жанре портрета, покупались в двух экземплярах — один расшивался для портретной галереи, другой шел в раздел библиотеки по искусству, который у Ю. Б. Шмарова значителен.

В портретной галерее персоналии располагаются по принципу личности, кто художник — это для Ю. Б. Шмарова — вопрос второй.

Замечательное дополнение к галерее — сведения, приводимые Ю. Б. Шмаровым на обороте паспарту портрета. Если это личность известная, он указывает только фамилию и годы жизни, если малоизвестная, он дает все имеющиеся у него сведения о ней. Скажем: «Александр Федосеевич Бестужев (1761—1810). Отец Бестужева-Марлинского Александра, еще дети Николай, Михаил, Петр, Павел. Окончил артиллерийский и инженерный корпус. В Морском сражении близ острова Сескара был тяжело ранен. Правитель канцелярии при президенте Академии художеств гр. А. С. Строганове. Управляющий Екатеринбургской гранильной фабрикой. Писатель. Создатель 1-й фабрики холодного оружия в России. Коллекционер картин, гравюр, эстампов. Библиогр.: Русский биографический словарь; Отечественные записки 1860 г.; Записки Греча. Русский вестник 1861 г.; М. Ю. Барановская. «Декабрист Ник. Бестужев». Портрет его работы В. А. Боровиковского 1806 г. находится в Кировском областном музее им. Горького».

Все эти сведения об А. Ф. Бестужеве найдены Ю. Б. Шмаровым в разных источниках и, собранные воедино, вписаны на оборот паспарту с портретом А. Ф. Бестужева. И так со всеми восемью тысячами портретов.

Папки можно рассматривать как роман в иллюстрациях с комментариями. Проходит жизнь известных, малоизвестных и совсем неведомых людей. Неведомых — это отнюдь не значит ненужных, и когда возникает необходимость в установлении их личности, как тогда помогает проделанная Юрием Борисовичем работа.

Но и это еще не все. Ю. Б. Шмаров занимается тем, что, просиживая массу времени в архиве древних актов и других, выискивает сведения о людях его портретной галереи и затем вычерчивает их генеалогическое древо, и эта работа теперь занимает много, много папок. Весь этот свой труд Ю. Б. Шмаров завещал Государственной библиотеке имени В. И. Ленина. А пока он продолжает ежедневный поиск и ежедневно старательно вытаптывают дорожку к его дому посетители, раздаются телефонные звонки, приходят письма. Юрий Борисович Шмаров и его труд нужны людям.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К. Г. Паустовский
5

С. И. Вавилов
17

И. С. Остроухов
24

П. Д. Корин
30

В. М. Лобанов
37

А. М. Макаров
51

А. Н. Зуев
59

И. В. Соколов
67

А. Ф. Иваненко
75

А. А. Сидоров
83

Н. П. Пахомов
89

М. И. Чуванов
101

Е. А. Гунст
115

А. Г. Лапчинский
122

Ю. В. Ларионов
130

Ю. Б. Шмаров
135

Киселева Е. Г.

К 44 Московские друзья книги. М., «Книга», 1978

144 с. с ил.

Книга вводит читателя в богатый и содержательный мир людей, любящих книгу, страстно увлеченных ею, вносящих немалую лепту в историю культурной жизни. Книга написана на основе личных встреч и бесед автора с такими крупными московскими собирателями книг, как К. Г. Паустовский и П. Д. Корин, А. А. Сидоров и С. И. Вавилов, М. И. Чуванов и И. В. Соколов. Показано, как складывались принципы подхода к собиранию книг, как личные собрания, например А. М. Макарова, Ю. Б. Шмарова, активно служат людям. Книга иллюстрирована.

Представляет интерес для всех, кто любит книги, собирает свою библиотеку.

К $\frac{61001-034}{002(01)-78}$ 1-78 002

Киселева Екатерина Георгиевна

МОСКОВСКИЕ ДРУЗЬЯ КНИГИ

ИБ 357

Редактор *Э. Б. Кузьмина*

Художник *А. Я. Салтанов*

Фото *Б. К. Грошникова*

Технический редактор *Е. И. Полякова*

Корректор *Н. М. Весельницкая*

А 10133. Сдано в набор 23/IX 1977 г.
Подписано в печать 31/I 1978 г.
Формат бум. 84×108[1]/32. Типографская № 1
Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 8,84
Тираж 65 000 экз. Заказ № 787. Изд. № 1231.
Цена 40 коп.

Издательство «Книга», Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10

Тульская типография «Союзполиграфпрома»
при Госкомиздате СССР
г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109